
Военная мысль
военно-теоретический журнал
№ 5
2020
В НОМЕРЕ
♦ Армия и фронт в системе ведения операций
♦ Еще раз о военной футурологии
♦ Тактика танковых войск Советской Армии в годы Великой Отечественной войны и ее эволюция в послевоенное время
♦ Победа, которую у России никому не отнять (75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается)
♦ Культурно-информационное противоборство: история и современность

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ



Уважаемый Читатель!

В ПОВСЕДНЕВНОЙ суете нам, как правило, недосуг задумываться о важности тех или иных явлений и событий. Но празднование 75-летия Великой Победы как раз тот случай, когда все мы должны в очередной раз склонить головы перед памятью павших героев и тех, кто, пройдя суровые испытания в годы войны, не дожил до этой Великой Даты. Наш долг — отдать дань безмерного уважения всем ныне живущим ветеранам войны и труженикам тыла, чьими руками ковалась такая долгожданная Победа. И главная задача ныне живущих — передать следующим поколениям россиян всю правду о Великой Отечественной. Ведь сохранение исторической памяти нации — важнейшее условие ее выживания.



Об этом, кстати, прекрасно были осведомлены «западные друзья» России. Не случайно они практически сразу после окончания Великой Отечественной войны запустили на полную мощь машину информационно-пропагандистского воздействия на сознание нашего народа. При этом ставилась главная задача — идейно «обезглавить» прежде всего молодежь, чтобы в будущем у нас уже никогда не появились новые «матросовы и космодемьянские». И, когда в лихие 90-е всем им показалось, что такая цель практически достигнута, сработал «иммунитет нации». Потомки, которые унаследовали от своих отцов и дедов «ген» НАРОДА-ПОБЕДИТЕЛЯ, уже в новом тысячелетии, явив миру новых героев, с достоинством прошли самые суровые испытания в различных «горячих точках» как в России, так и за ее пределами.





В наши дни главным подтверждением живучести народной памяти стало поистине уникальное явление, вызывающее бессильную злобу у всех «доброжелателей» России. В 2012 году из сибирской глубинки вышел и ныне гордо шествует по планете БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК. Это — поистине народное движение, охватывающее сегодня более 80 стран и территорий. Это — миллионы людей от мала до велика, которые в День Победы выносят на своеобразный парад Памяти портреты своих родных и близких — своих героев-фронтовиков. Это — еще одно яркое подтверждение права и обязанности НАРОДА-ПОБЕДИТЕЛЯ отстаивать правду о самой страшной войне в истории человечества и ставить на место любых ее фальсификаторов.

С ДНЕМ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ, ДРУЗЬЯ!

***Вечная память погибшим и ушедшим от нас уже в мирное время ветеранам Великой Отечественной войны.
Здоровья и благополучия всем ныне живущим героям-фронтовикам и труженикам тыла!***

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

№ 5 • май • 2020

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



АДРЕС РЕДАКЦИИ: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38.
Редакция журнала «Военная Мысль».
Телефоны: (495) 940-22-04, 940-12-93; факс: (495) 940-09-25.

Все публикации в журнале осуществляются бесплатно.
Журнал включен в «Перечень научных изданий Высшей аттестационной комиссии».

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА

АВТОРЫ-ФРОНТОВИКИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

ФАКТЫ ПРОТИВ ЛЖИ

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА



ОТ РЕДАКЦИИ

7 мая 1945 года в городе Реймсе был подписан предварительный протокол капитуляции, а 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Главнокомандования советских войск, а также Верховного Командования союзных войск подписали в Берлине окончательный Акт о безоговорочной капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая. Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков, вероломно напавших на Советский Союз, закончилась. Наступил долгожданный День Великой Победы.

В редакции журнала «Военная мысль» в середине июля 1945 года состоялась встреча авторского актива для обсуждения темы «О месте и роли армейской и фронтовой операции в свете опыта Отечественной войны». Это обсуждение было первым в серии дискуссионных совещаний, которые редакция наметила провести по актуальным проблемам, выдвинутым опытом войны. Цель таких совещаний — путем свободного обмена мнений способствовать разработке вопросов военной теории и идеологии, основных проблем ведения войны, строительства вооруженных сил, стратегии и оперативного искусства. Редактор журнала обратил внимание участников на основные задачи в области военно-научной работы, вытекающие из приказа Народного Комиссара Обороны СССР № 8 от 5 марта 1945 г. и подчеркнул, что предложенная для обсуждения тема является в данный момент одной из актуальных, по существу которой имеются различные точки зрения.

Далее по тексту приводятся выдержки из протокола данного совещания. Со вступительным словом выступил генерал-лейтенант Е. Шиловский. Это выступление положило начало оживленному обсуждению выдвинутой темы.

Генерал-лейтенант Ф. Шафалович в своем выступлении подчеркнул, что вопрос о роли и месте фронта и армии в современной войне необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения организации управления. Обилие в войсках со-

временных технических средств борьбы и их возможности таковы, что их наиболее эффективное использование возможно лишь в рамках операций, проводимых Ставкой Верховного Главнокомандования. Поэтому современную операцию нельзя рассматривать даже в рамках одного фронта. В то же время огромная протяженность стратегического фронта, возросший численный состав армии, обилие техники чрезвычайно усложнили условия руководства боевой деятельностью войск. Этими условиями и были вызваны те организационные изменения в руководстве действующими войсками, которые произошли в Красной Армии за время войны.

Выступивший затем генерал-майор М. Галактионов высказал следующие основные мысли. Организационная особенность сталинского военного руководства состоит в том, что в ходе войны оно находило наиболее совершенные формы, а это значит, что система управления, организации войны вытекала из особенностей самой войны и обстановки, складывающейся на отдельных ее этапах. При рассмотрении поставленного на обсуждение вопроса надо учитывать, что в искусстве вождения войск есть главный элемент, от которого зависит все — и бой и операция, — это найти правильное решение. В эпоху Наполеона решение отличалось простотой. Резко усложнилось дело в первую мировую войну. В современных условиях для достижения стратегических целей требуется единое решение для всего фронта. Армия — организация, явно недостаточная для ведения современной большой операции. Немецкие группы армий в 1941 г. искали решения в совокупности усилий, но они действовали на основе старой организации: каждый командующий группой армий действовал самостоятельно. Опыт показал, что наша организация оказалась более жизненной. Для прорыва современной обороны нужна совокупность операций. Отсюда и вытекает организационное построение — фронт. Совокупностью операций нескольких фронтов можно достигнуть стратегической цели. Законченная операция получается в масштабе фронта. Армия уже не может проводить самостоятельную операцию без взаимодействия с другими полевыми или танковыми и авиационными войсками.

Генерал-лейтенант П. Иванов считает, что наибольший интерес в современной войне представляет операция, проводимая несколькими фронтами, имеющая стратегическое значение. Это — новое явление в военном искусстве. Теории таких операций раньше не было. Ее нет и сейчас. Нам нужно такую теорию создать. Но это не значит, что не нужна теория армейской операции, что армейских операций в практике уже нет. Некоторые говорят даже, что армия теперь ведет лишь бой, а не операцию. Это не совсем правильно. Армия в той организации, которая принята у нас, ведет и операцию, и бой. Отсюда, армия — это оперативно-тактическое соединение. Особые условия первого периода войны заставляли армейскую инстанцию фактически подменять корпусное звено. Этим самым принижалась роль армии. Но такое явление было временным. В ходе войны армия заняла свое место, повысилась и роль корпуса. Организация взаимодействия с авиацией, например, осуществлялась наиболее полно в звене корпус, а не в армии. Конечно, армия решает сейчас более ограниченные задачи, чем раньше, но это не умаляет ее роли. Поэтому нам нужна теория

операции группы фронтов, а также фронтовой и армейской операций.

Генерал-майор С. Броневский отметил, что разукрупнение фронтов произошло в результате стремления преодолеть новую оборону, на что потребовалось большое количество сил. А это и вызвало необходимость разукрупнения фронтов. Современные операции требуют исключительно слаженного руководства, что также потребовало разукрупнения фронтов. Разукрупнение, однако, не умаляет значения фронта, хотя некоторые утверждают, что роль фронта уменьшилась. Непосредственное руководство Ставки крупными операциями подтверждает, что роль фронта возросла. Верховное Главнокомандование, исходя из современных требований войны, взяло в свои руки организацию и проведение операций нескольких фронтов. Отечественная война развила оперативное искусство; это обстоятельство изменила роль армии и фронта, но не умалило их значения. Опыт войны показывает, что нам надо разработать теорию и армейской и фронтовой операций.

Генерал-майор Ф. Мернов, не отрицая того, что в ходе войны произошло разукрупнение фронтов, считает, что причина этого разукрупнения недостаточно обоснована. Основная причина — необходимость более гибкого управления. Сокращение размеров фронтов по количеству войск и ширине полосы их действий вызывалось на первом этапе войны недостаточной опытностью в вождении войск. В последующие периоды войны мы видим тенденцию роста роли фронтов. В связи с разукрупнением фронтов их оперативное значение в сравнении с прежними фронтами уменьшается, поскольку уменьшается по ширине территории, на которой они действуют, и в то же время увеличивается, поскольку увеличилось их техническое оснащение и глубина оперативного проникновения. Армейская операция существует, и примеров этому было немало в Отечественной войне. Армейскую операцию следует изучать и наряду с общей теорией оперативного искусства следует создавать теорию армейской операции. Армия должна занять в теории оперативного искусства подобающее ей место.

Полковник Н. Павленко указал на то, что при определении места и роли армейских и фронтовых наступательных операций в системе наступательных операций Красной Армии нельзя подходить со старыми мерками. Существует распространенное мнение, что увеличение количества фронтов и армий на отдельных стратегических и операционных направлениях, а также уменьшение их численности привело к понижению роли фронтов и армий на театрах военных действий. Эти доводы несостоятельны по следующим причинам: а) изменился характер войны, что потребовало от командования и войск всех степеней большей гибкости; б) увеличилось протяжение линии фронта; если в 1916 г. протяжение линии фронта русских войск достигало 1500 км, то у нас в 1942 г. — 3300 км; в) в ходе войны в активные действия были втянуты невиданные ранее силы и средства; г) за годы сталинских пятилеток количество крупных экономических центров значительно возросло, а в связи с этим возросло и количество стратегических объектов, а также направлений, ведущих к ним; с культивированием тех или иных районов не только выросло количество операционных направлений, но также увеличилась их емкость; д) установилась более жесткая централизация управления сверху донизу. Эти основные причины привели

к увеличению количества и фронтов и армий. К концу войны заметно возрастание роли фронтов. Наряду с примерами, когда фронты решали крупные оперативные задачи, имелись также примеры, когда они решали и стратегические задачи (Львовская, Варшавско-Познаньская, Силезская операции). Фронт на сегодняшний день является оперативно-стратегическим объединением. С увеличением роли фронтов, с количественным и качественным ростом армий, а также с введением корпусных управлений соответственно возрастала и роль армий. К концу войну наши армии становились скорее оперативными объединениями, чем оперативно-тактическими. Нам надо пересмотреть старую и пережившую себя классификацию стратегических и операционных направлений и театров военных действий, а также уточнить оперативную терминологию. Это внесет значительную ясность в вопрос о месте и роли фронтов и армий.

Генерал-майор С. Платонов, отметив, что современные операции резко отличаются от операции Первой мировой войны, подчеркнул необходимость при разработке новой оперативной теории обратить серьезное внимание на пересмотр военной терминологии. Такие понятия, как стратегия, операция, бой и т. д., должны получить новое содержание. Война дала нам мало образцов, где бы в чистом виде проводилась армейская операция. Это приводит к мысли, что армейская операция исчезла. Так можно рассуждать, если рассматривать армейскую операцию с точки зрения старого ее понимания. За период между Первой и Второй мировыми войнами резко изменился характер театров военных действий, возросло количество операционных направлений. И если, несмотря на это, очень часто на одном операционном направлении действуют две-три армии, то в этом своеобразие современных армейских операций, и это своеобразие надо изучить, чтобы правильно понять характер армейской операции. Своеобразие прошедшей войны заключается еще и в том, что и фронтовых-то операций в их чистом виде было очень мало. Большая часть проведенных Красной Армией операций носила стратегический характер и проводилась одновременно несколькими фронтами. Вот почему основой теоретического обобщения вопросов оперативного искусства должна стать фронтовая операция и операция группы фронтов. Но армейская операция не должна выпадать из поля зрения, особенно при изучении вопросов прорыва неприятельского фронта.

В обсуждении активное участие приняли также генерал-лейтенант П. Ярчевский, генерал-майор А. Пенчевский, генерал-майор П. Смирнов, генерал-майор Н. Замятин и подполковник И. Паротькин.

Таков был алгоритм совместной работы органов военного управления РККА с редакцией журнала в то время.

Уважаемые читатели! В очередном номере нашего издания, который выйдет в свет в дни празднования 75-й годовщины Великой Победы, мы публикуем статьи генерал-майора А. Пенчевского «Об операции на окружение и оперативной терминологии», генерал-лейтенанта Е. Шиловского «Армия и фронт в системе ведения операций (В порядке обсуждения)», генерал-майора Н. Замятина «Некоторые особенности Берлинской наступательной операции», напечатанные в журнале «Военная Мысль» в № 6–7 (июнь—июль), № 8 (август), № 12 (декабрь) 1945 года соответственно.

Авторская пунктуация, орфография и хронология событий сохранены.

ОБ ОПЕРАЦИИ НА ОКРУЖЕНИЕ И ОПЕРАТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Генерал-майор А. ПЕНЧЕВСКИЙ

Наступательная операция, проводимая с предельно решительной целью окружения и уничтожения оперативно-стратегической группировки противника, является, несомненно, наиболее сложным видом операции и в то же время наименее разработанной в теоретическом отношении. Теоретическое исследование богатейшего опыта, накопленного Красной Армией по организации и ведению операций на окружение, поможет восполнить этот пробел. Решение этой задачи потребует известного времени. Но уже сейчас важно определить некоторые отправные данные для разработки этого вопроса. С этой точки зрения нельзя не отметить почин, сделанный генерал-лейтенантом П. Ярчевским в его статье «Операция на окружение. Образование внешнего и внутреннего фронтов (обводов)», помещенной в № 4-5 журнала «Военная мысль». Однако эта статья по своему содержанию и трактовке вопросов, которые в ней развиваются, выдвигает некоторые спорные положения, их мы и хотим коснуться в данной статье.

Эти спорные положения возникают прежде всего потому, что автор противопоставляет, как он говорит, две категории в понимании операции на окружение, а именно: «С вопросами образования внешних и внутренних фронтов (обводов) в операции на окружение мы не связываем определение понятий оперативного и тактического окружения. Это — разные категории».

Автор в своей статье стремился осветить, по его выражению, один частный вопрос, а именно — вопрос образования внешнего и внутреннего фронтов (обводов) при операциях на окружение. Следует сказать, что в статье нет определения терминов «внешний и внутренний фронты (обводы)» в смысле их оперативного значения. Это понятно, так как автором принят не совсем правильный метод исследования вообще и метод выработки новых оперативных понятий и определений в частности.

Прежде чем разобрать спорные вопросы в этой связи, дадим краткую характеристику операциям на окружение, для того чтобы далее более целеустремленно развивать некоторые частные положения.

Характер наступательных операций Красной Армии в Великой Отечественной войне вытекает из самого существа сталинской стратегии. Верховным Главнокомандованием были поставлены перед Красной Армией, перешедшей в наступление в конце 1942 г., решительные цели: разгром основных сил немецко-фашистской армии, сосредоточенных на советско-германском фронте; освобождение от гитлеровских захватчиков всей территории Советского Союза; перенесение боевых операций на территорию самой Германии для окончательного уничтожения фашистского зверя в его собственном логове. Совершенно естественно, что задачи такого рода, во-первых, сообщали всем наступательным операциям Красной Армии громадный размах, а во-вторых, придавали им характер операции на разгром и уничтожение основных стратегических группировок врага. Таким образом, цели этих решительных операций были определены в результате того стратегического преимущества в силах, которое обозначилось на стороне Красной Армии в зимней кампании 1942/43 г.

Всякая операция имеет свою определенную цель. В непосредственной зависимости от этой цели находится ее размах, т. е. ширина фронта и глубина наступления войск, а также состав и группировка этих последних в исходном положении на направлениях главных ударов, форма маневра в ходе самой операции и время, потребное для ее подготовки и осуществления. В конечном итоге все подчинено цели операции, а способы достижения этой цели могут быть различны в каждой конкретной обстановке. Однако известно, что достижение крупного оперативного успеха вообще, т. е. конкретное воплощение военного искусства, зависит от выполнения некоторых необходимых условий, из которых главными и важнейшими принято считать следующие:

— сосредоточение главных сил наступающего в решающий момент на направлении главного удара;

— сосредоточение такой массы средств подавления и разрушения, т. е. боевой техники, которая не только обеспечила бы сокрушение противника при первоначальном ударе, но и отвечала бы требованиям взаимодействия родов войск до решения конечной задачи;

— правильное определение момента решающего удара, когда готовность войск наступающего полностью отвечала бы требованиям выполнения поставленной перед ними задачи;

— неуклонное проведение в жизнь намеченного плана через все и всякие затруднения и осложнения на пути к достижению конечной цели;

— своевременное маневрирование резервами из глубины для продолжения и доведения до конца намеченного удара;

— надежное и непрерывное управление войсками.

Для автора упомянутой выше статьи было бы, по нашему мнению, наиболее целесообразным придерживаться этих необходимых условий и подчинить свои исследования строгой зависимости между целью операции и всеми прочими факторами, которые подчиняются этой цели.

Во всякой операции группировка войск должна соответствовать той цели, которой необходимо достичь в результате ее проведения. Опыт нынешней войны показал, что окружение крупных группировок вообще, как правило, создается в результате прорыва обороны противника и дальнейшего развития этого прорыва в оперативной глубине. В первоначальном, т. е. еще в исходном, положении, которое занимают войска, должна быть заложена идея оперативного развития прорыва и создания условий для окружения противника. Как показал опыт войны, оперативное построение армий и фронтов при операции с решительными целями всегда подчинено этому основному правилу, и войска в исходном положении обычно имеют следующее оперативное построение:

— главную группировку войск, наносящую главный удар и осуществляющую ведущую роль во всей операции до ее завершения;

— группировку войск, предназначенных для оперативного обеспечения удара главной группировки при развитии успеха;

— часть сил, которые вспомогательными действиями сковывают противника, не давая ему возможности маневрировать резервами и снимать их с других участков фронта в целях направления этих резервов против главных сил наступающего.

Мы считаем единственно правильным производить разбор операции на окружение, имея постоянно в виду цель операции и группировку войск, которая создается для ее выполнения. Следует сказать, что в статье генерал-лейтенанта Ярчевского принята несколько иная методология, и мы не можем признать ее правильной, так как автор считает создание внешнего и внутреннего

фронтов окружения оперативной задачей при осуществлении маневра на окружение. Разберем затронутые вопросы по существу.

Характеризуя эпоху, предшествующую нынешней войне, автор, ссылаясь на операции при Каннах и под Седаном, указывает, что в военной теории и в мировой военной литературе до Сталинградской операции, проведенной Красной Армией в 1942—1943 гг., было бы бесплодным делом искать терминов «внешний фронт», «внутренний фронт», «внешний и внутренний обводы окружения», а тем более каких-либо определений подобных понятий и явлений. «Объясняется это просто, — пишет он: — в таких терминах и определениях не было нужды». Следовало ожидать, что, поскольку автор вводит эти новые термины, он даст и их определение, исходя из современных условий ведения операций. Однако он ограничивается только относительной аналогией с «линиями обложения», применявшимися в древние времена. Назначение этих линий совершенно понятно: одна из них блокировала крепость, другая предназначалась для отражения противника, подходившего к крепости. Но какое предназначение в современных операциях на окружение имеют внешний и внутренний фронты (обводы)? В какой операции на окружение в нынешней войне мы ставили себе целью создание таких фронтов (обводов)? Не было ли в этих операциях иных целей?

На разборе современных операций — Сталинградской, Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской и Бобруйской — автор пытается дать теоретическое обоснование этих понятий, одновременно указывая, что в современных условиях «операции на окружение в том или ином виде, большие или малые по своему размаху, с т а л и о д н о й и з г л а в н е й ш и х ф о р м (разрядка наша. — А. П.) ведения наступательных операций Красной Армией», но дальше начинаются неточности.

Опыт войны показал, что возросшая мощь Красной Армии, ее боевая выучка и применение тактики маневрирования привели к тому, что маневр на окружение, несмотря на всю сложность его осуществления, стал основной и ведущей формой маневра наших войск. Маневр на окружение и полное уничтожение крупных группировок противника из уникального исторического события превратился в типичный вид операций Красной Армии.

В какой последовательности протекает подобная операция на окружение? Автор указывает, что «под Сталинградом основные силы участвующих в операции фронтов — Юго-Западного, Донского и Сталинградского — направлялись для прочного замыкания кольца окружения двух немецко-фашистских армий, выделяя сравнительно небольшие силы для внешнего обеспечения». Это утверждение неточно. На первом этапе перед войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов стояла задача прорвать оборону противника на флангах немецкой группировки и, развивая наступление, соединиться в районе г. Калач, осуществив тем самым оперативное окружение главной группировки войск противника. Часть сил на этом этапе, а именно соединения центра и правого крыла Юго-Западного фронта и часть сил войск Сталинградского фронта должны были обеспечить группировку, наносившую главный удар, но они отнюдь не стремились к созданию какого-либо «внешнего фронта». Как войска центра и правого крыла Юго-Западного фронта, так и войска левого крыла Сталинградского фронта имели задачу — выходом на выгодные рубежи по р. Чир и в район Аксай надежно обеспечивать в оперативном отношении открытые фланги обеих главных группировок войск.

Далее автор утверждает, что на втором этапе Сталинградской операции «основное внимание было уделено активной борьбе на внешнем обводе, для чего привлекались вновь подошедшие соединения, войска со смежных флангов

и ряд соединений с внутреннего обвода». Но в силу каких обстоятельств борьба активизировалась на этом «внешнем обводе»? Что изменилось в обстановке и какие цели стали перед войсками фронтов в развитии операции?

После того как наши войска, соединившись в районе Калача, решили задачу оперативного окружения главных сил немецкой группировки, противник, не имея свободных резервов, не мог сразу оказать воздействие извне. Но как только из района Тормосин и Котельниково стала нависать угроза сильного удара немцев, так главные силы фронтов были обращены на юго-запад, и именно сюда были направлены подошедшие уже к этому времени резервы Верховного Главнокомандования. Следовательно, тут с предельной ясностью вскрывается, как цель той или иной операции определяет направление главных усилий наступающего. Если на первом этапе основной целью являлось оперативное окружение группы Паулюса с одновременным в ходе операции уплотнением боевых порядков вокруг окруженных войск противника, то на втором этапе главной целью явился разгром тормосинской и котельниковской группировок противника. И этому были подчинены и группировка сил, и их состав, и те формы маневра, которыми осуществлялся каждый этап в отдельности.

Наконец, автор указывает, что «на третьем этапе операции, как только внешние направления оказались обеспеченными, боевые действия активизировались на внутреннем обводе с целью ликвидации окруженного противника». Это также неясно. Боевые действия действительно активизировались против окруженной группировки, но ведь это являлось уже целью операции только одного Донского фронта, тогда как и Юго-Западный, и Южный (переименованный из Сталинградского) имели уже совершенно иную цель: они, преследуя противника, должны были выйти на рубеж Северного Донца и развивать свое наступление с задачей освобождения Донецкого бассейна.

Спрашивается: где тут при таком методе рассуждений место определениям «внешний и внутренний фронты»? Видимо, такие определения неуместны. Ведь каждому этапу Сталинградской операции соответствовала конкретная, определенная цель, и этим определялось содержание каждого из них, а если войска геометрически группировались на внешний и внутренний фронты, то ведь это ни в коей степени не может говорить об их предназначении.

Далее. Разбирая Корсунь-Шевченковскую операцию, автор отмечает ее особенности, которые заключались в том, что войска 1-го и 2-го Украинских фронтов, осуществляя операцию, в своем стремлении соединиться у Звенигородки сразу же «...направили большое количество сил на внешний фронт (обвод), стягивая туда свои резервы и ряд соединений с участков смежных армий. Одновременно с этим и на внутреннем обводе окружения велись активные боевые действия с целью раздробить и уничтожить по частям окруженную неприятельскую группировку».

Это опять-таки не отражает действительности. Операция по ликвидации Корсунь-Шевченковского выступа противника началась с прорыва обороны немцев, причем маневр войск 1-го и 2-го Украинских фронтов заключался в том, чтобы встречными ударами соединиться в районе Звенигородки и завершить здесь оперативное окружение главной группировки врага. Но обстановка резко отличалась от той, которая была под Сталинградом, так как противник имел возможность в самое кратчайшее время подбросить к району прорыва крупные резервы (главным образом танковые дивизии), которые в ходе операции и представляли для войск обоих наступавших фронтов главную угрозу. И именно сюда, против этой основной группировки противника, и были направлены главные

силы войск, принимавших участие в операции. Именно в этих же интересах командование 1-го и 2-го Украинских фронтов приступило к перегруппировке своих сил, стягивая с соседних участков крупные силы. Так, в течение операции оба ударных направления были усилены танковыми и стрелковыми соединениями.

Одновременно с решением главной задачи, т. е. с ликвидацией крупных сил противника, рвавшихся извне к окруженной группе войск, осуществлялось ее уничтожение. Но это последнее на первом этапе операции не было главной целью, и поэтому задача войск, непосредственно ведших бои в районе Корсунь-Шевченковский, состояла в жесткой обороне. Вполне естественно, что при такой обстановке, т. е. когда противник к району прорыва мог подбросить сильные резервы, не могло быть и речи о создании «внешнего и внутреннего фронтов» окружения. Не в этом заключалась цель операции. Она состояла в том, чтобы разгромить противника, что и определяло построение войск и направление их главных усилий. Это и было подтверждено ходом событий.

Развивая свою точку зрения об образовании «внешнего и внутреннего фронтов (обводов)» на примере Ясско-Кишиневской операции, автор впадает в противоречие с самим собой. Указывая на распределение сил в этой операции, он говорит: «Вторая половина всех сил обоих фронтов была направлена на внешний фронт, причем интересно, что сюда вошли все крупные подвижные (танковые, механизированные и кавалерийские) соединения, которые имелись на 2-м Украинском фронте», и тут же продолжает: «Правда, они сперва во взаимодействии с подвижными соединениями 3-го Украинского фронта замкнули кольцо окружения у Хуши, передали затем фронт внутреннего обвода по р. Прут стрелковым войскам, а сами без задержки устремились в западном и юго-западном направлениях». Вот в этом-то и состоит основной порок метода, примененного автором при исследовании. Ведь совершенно ясно, что на первом этапе главной целью, которая ставилась перед обоими наступавшими фронтами после прорыва обороны противника, являлось соединение их главных сил в районе Хуши с завершением здесь оперативного окружения. Когда эта цель была достигнута, подвижные соединения фронтов — отнюдь не в целях создания «внешнего фронта», а в целях развития операции — устремились на запад и юго-запад. После завершения оперативного окружения основной группировки войск врага с выходом наших войск в район Хуши никаких ближайших оперативных резервов противник не имел, и это дало возможность нашим подвижным соединениям развивать наступление на запад и юго-запад с целью выполнения оперативно-стратегического плана Верховного Главнокомандования.

В вопросе о темпах наступления автор употребляет такое выражение: «Исходя из опыта этой же операции можно сделать несколько замечаний и о темпах образования внутреннего и внешнего фронтов (обводов) окружения. Прежде всего тут нужно рассчитать, какого темпа необходимо достигнуть в наступлении к рубежу замыкания кольца окружения». И далее: «Расчеты о темпах также надо распространить на накопление достаточных сил на рубеже замыкания, на внутреннем обводе и на тех направлениях, где возможны попытки прорыва противника из окружения. От этого момента, в дальнейшем уже отдельно, в зависимости от общей обстановки, рассчитываются темпы действий войск на внешних и внутренних направлениях».

Тут опять-таки нельзя согласиться с автором. Опыт войны в вопросе расчета темпов операции совершенно четко устанавливает, что подобные расчеты ведутся по этапам операции. Этап операции — суть действия, приводящие к достижению одной из промежуточных задач данной операции, осуществля-

емые в определенный отрезок времени и имеющие по своему внутреннему содержанию однородный, цельный характер, когда эта промежуточная цель достигается в одной группировке сил.

Если стать на точку зрения автора, задаваясь вопросом расчета темпа, то чем же обусловить расчет образования «внутреннего» и «внешнего» фронтов? Стремлением их создать или решением каких-то промежуточных задач? Повидимому, и сам автор откажется от метода расчета «по стремлению» и станет на точку зрения решения определенных промежуточных задач в целях выполнения основной, стратегической задачи. Тогда делается не совсем понятной и сама позиция автора, когда он говорит: «В Ясско-Кишиневской операции для внешнего обеспечения были выделены мощные силы, и им были предписаны темпы не только для расширения пространства между обводами, но и для быстрого овладения важными объектами». Здесь уместен вопрос: в какой операции перед такими мощными соединениями ставилась задача только по созданию широкого коридора между обводами? Таких операций не было. Во всякой операции на окружение перед мощными и надежными соединениями ставились задачи по овладению оперативно-важными объектами и в зависимости от последовательности и важности их решения рассчитывались и темпы наступления войск, которые эти задачи должны были решать. Следовательно, дело опять-таки сводится к вопросу развития операции, включающей в себя определенные этапы.

Автор замечает далее, что в войнах прошлого дело обстояло куда проще: полководцу достаточно было только задаться целью «окружить неприятельскую армию, замкнуть кольцо окружения и затем ее уничтожить». Вполне естественно, что условия, в которых протекают современные операции, ничего общего не имеют с условиями прошлых войн. Это бесспорно, но и перед современным полководцем ставится ведь также простая по смыслу задача: «окружить и уничтожить противника». Однако современный полководец располагает совершенно иными средствами для достижения цели, перед ним поставленной, а качество и количество этих средств изменили и содержание самих операций.

Тут же автор говорит, что в современных условиях, «как показывает опыт упомянутых выше операций, уже при зарождении и оформлении их замысла при разработке планов их проведения, заблаговременно предусматривалось: как распределить силы между внутренним и внешним фронтами (обводами) окружения; как и на каких этапах операции сочетать взаимодействие между ними, ведущее к достижению основной и единой цели — уничтожению окруженной группировки».

С этим также никак нельзя согласиться. При планировании операции силы и средства армии и фронта (фронтов) никогда и ни при каких условиях не распределяются «между внешними и внутренними фронтами (обводами)». Они распределяются в зависимости от оперативных объектов, а задачи ставятся по определенным рубежам. Группировка войск в исходном положении не подчиняется цели создания какого-то «внутреннего» или «внешнего» фронта; она подчинена определенной и строгой цели в достижении определенного оперативного результата. Если войска предназначены для прорыва, то им соответственно и ставится задача: прорвать оборону противника и выйти на определенный рубеж с тем, чтобы в дальнейшем развивать удар в соответствующем направлении. Если войска предназначены для развития прорыва, то они также получают конкретную задачу по месту и времени. Поэтому в практике боевой работы наших штабов такое понятие, как «внутренний и внешний фронты (об-

воды)» в операции на окружение никогда не употреблялось; оно бесполезно, так как не объясняет существа оперативного маневра.

Наконец, такое выражение, как «взаимодействие обводов», можно допустить при условии обороны крепости или укрепленного района. Тут это уместно, так как самое понятие «обвод» ясно и конкретно: это есть линия или, вернее, полоса, соединяющая либо крепостные форты, либо узлы сопротивления укрепленного района. Таких обводов по глубине может быть несколько, и взаимодействие между ними является непременным. Но вносить это выражение в объяснение развития современной маневренной операции на окружение неуместно.

Подводя итоги всему сказанному, мы решительно возражаем против включения в оперативный маневр на окружение образование «внешнего и внутреннего фронтов» как самостоятельной задачи. Мы считаем, что опыт Отечественной войны дал настолько богатый материал, что можно совершенно точно определить основные этапы операции на окружение, их содержание и зависимость маневра, применяемого в операции, от ее цели.

Следует отметить, что в нашей печати уже были высказаны некоторые принципиальные мысли и положения в части определения понятий оперативного и тактического окружения. В статье генерал-лейтенанта П. Иванова «Маневр и бой на окружение» («Военная мысль» № 8-9 за 1944 г.), с нашей точки зрения, дается правильное определение этим понятиям, так как действительно по своей внешней форме и характеру внутреннего содержания маневр, предпринимаемый в целях окружения, можно подразделить:

1. На «оперативное окружение», под которым «надо понимать такое положение окружаемой группировки, когда, во-первых, окружающий отрезает ее от соседей и выходит на пути сообщения ее с тылом, но не создает еще сплошного фронта, связанного огнем пехоты, и, во-вторых, когда создан сплошной фронт вокруг окружаемой группировки, но ее расположение не простреливается действительным артиллерийским огнем, и она вследствие этого сохраняет свободу для маневра внутри окруженного пространства».

2. На «тактическое окружение», под которым «надо понимать такое положение, когда окруженная группировка не только охвачена сплошным кольцом, но ее расположение простреливается насквозь действительным огнем артиллерии и минометов, и она вследствие этого лишена свободы маневра крупными силами внутри окруженного пространства».

«Если маневр на окружение осуществляется крупной группировкой войск, то первым его этапом обычно будет оперативное окружение, затем тактическое, которое является обязательным условием полного уничтожения или пленения окруженного противника», когда этот последний не потерял боеспособности и продолжает сопротивление с расчетом прорваться из окружения самостоятельно или при поддержке извне. «Маневр осуществляется с возможной стремительностью, с беспрерывным навязыванием своей инициативы окружаемому противнику. Поэтому оперативное окружение должно немедленно перерастать в тактическое, а последнее — в уничтожение окруженной группировки. Это особенно важно, если операция проводится равными или меньшими силами. Основными условиями этого требования являются быстрота продвижения войск, совершающих окружение, четкость взаимодействия родов войск и всех элементов боевого порядка в ходе боя и организация беспрерывного управления»[1].

---

[1] Приведенные положения заимствованы нами из указанной статьи генерал-лейтенанта П. Иванова.

Рассмотрим изложенное на примере Сталинградской операции. По ходу боевых действий эта операция состояла из следующих этапов:

— оперативное окружение с выходом войск Юго-Западного и Донского фронтов на р. Дон и войск Сталинградского фронта на участок Цыбенко, Советский, завершившееся 23 ноября 1942 г.;

— превращение оперативного окружения в тактическое, закончившееся к 30 ноября 1942 г. выходом наших войск на фронт восточнее Вертячий, Мариновка, Цыбенко, образованием так называемого «сталинградского кольца»;

— перегруппировки войск с одновременным отражением попыток противника прорваться к окруженной группировке из района Тормосин, Нижне-Чирская, Котельниково — с 30 ноября по 10 января 1943 года;

— ликвидация окруженной группировки противника — с 10 января по 2 февраля 1943 года.

Операция трех фронтов началась с фронта протяжением в 380 км (19 ноября) и глубиной (при выходе на р. Дон) для Юго-Западного фронта в 80—130 км, Донского — в 60 км и Сталинградского — в 110 км. Средний темп продвижения войск до завершения оперативного окружения составлял от 20 до 36 км в сутки; затем, постепенным сжиманием кольца окружения, наши войска в течение шести дней (с 24 по 30 ноября) создали сплошной фронт вокруг главной немецкой группировки, которая занимала территорию 55×30 км с периметром в 175 км. Оперативная плотность в начале операции для частей Красной Армии составляла 6—7 км на дивизию, а для противника — около 10 км на дивизию. С завершением тактического окружения оперативная плотность наших частей повысилась до 3,5 км на дивизию, а для противника — до 7 км на дивизию. Подвижные соединения (танковые, механизированные и кавалерийские корпуса), принимавшие непосредственное участие в оперативном окружении, в тактическом окружении участия не принимали; их усилия были направлены на юг и юго-запад от Калача для оперативного обеспечения наших войск, действовавших против окруженной группы.

Именно здесь, в битве за Сталинград, впервые в развернутой форме была применена идея дробления окружаемой группировки с одновременным сжиманием кольца окружения, что и явилось образцом проведения подобных операций и боев в последующие периоды войны. Здесь также в развернутой форме были осуществлены принципы применения подвижных соединений, которые явились основным средством при выполнении маневра на окружение крупной группировки. Сами по себе подвижные соединения далеко не всегда могут провести маневр на окружеиие от начала до конца. Но во взаимодействии с общевойсковыми соединениями такой маневр становится возможным. Это взаимодействие представляется в следующей форме:

— начинают маневр на окружение общевойсковые соединения, обычно путем прорыва обороны противника;

— подвижные соединения (танковые, механизированные, кавалерийские) развивают его и доводят до оперативного окружения;

— после этого ведущая роль переходит к общевойсковым соединениям; они доводят оперативное окружение до тактического и завершают уничтожение окружаемой группировки.

Как видим, цель окружения — уничтожение или пленение противника — достигается последовательными действиями, лишающими его свободы маневра, начиная с прорыва оборонительной полосы и кончая действиями по уничтожению окруженной группировки, когда эта последняя лишается уже всяких возможностей для маневра.

Большую роль в успехе проведения операций на окружение играет также размах наступательных операций. Особенно благоприятные условия как для прорыва неприятельской обороны, так и для последующего маневра на окружение получались в результате развертывания наступления наших войск одновременно на широком фронте. Это приводило к рассечению неприятельской обороны на ряд отдельных, изолированных друг от друга участков и к парализованию всей системы управления войсками противника. Одновременно создавалась обстановка для развития маневра на окружение с разгромом изолированных неприятельских группировок ударами по их флангам и тылу.

Стремительность и мощь наступления неизменно приводили к провалу всех попыток врага сдержать натиск на промежуточных оборонительных рубежах. Наступающие войска, в первую очередь танковые и кавалерийские соединения, взаимодействующие с авиацией, выходили к промежуточным рубежам раньше, чем противник успевал создать там прочную оборону, подтянуть резервы, организовать систему огня, наладить управление.

И чем шире был размах наступательных операций, тем более благоприятные условия создавались для осуществления маневра на окружение крупных группировок, так как вражеское командование лишалось возможности целесообразно использовать свои ограниченные резервы для парирования нашего маневра.

Далее, характерно, что в ходе Отечественной войны возможность применения маневра на окружение возникала в самой разнообразной обстановке, и дело сводилось к искусству командования во-время обнаружить и не упустить этой возможности.

Основная черта советского военного искусства заключается в том, что оно чуждо всяческих омертвевших схем и шаблонов. Эта особенность наглядно проявилась в замысле и осуществлении операций, проводившихся с целью окружения немецких войск. Все они строились, исходя из учета конкретных особенностей обстановки, соотношения сил, начертания фронта, группировки противника и т. п. Замысел таких операций, как Сталинградская, Корсунь-Шевченковская, Ясско-Кишиневская, заключается в нанесении мощных концентрических ударов по флангам главной неприятельской группировки; тотчас после прорыва оборонительного фронта развивался стремительный маневр для выхода на коммуникации врага; наступающие войска соединялись в тылу вражеской группировки и замыкали кольцо окружения. Осуществлению этого плана благоприятствовали начертание фронта и охватывающее положение наших войск по отношению к немецкой группировке.

В других случаях операция начиналась прорывом неприятельского фронта на нескольких направлениях. Это позволяло подвижным соединениям глубоко вклиниться в расположение противника и ударами по флангам и тылу изолированных друг от друга немецких группировок захлестывать петлю окружения. Так были блокированы и уничтожены немецкие группировки в районах Раздельной, Проскурова, Броды, Львова и многие другие. Разгром центральной группы немецких армий в Белоруссии был осуществлен в результате комбинации обоих методов.

Условия для проведения маневра на окружение могут создаваться в следующей обстановке:

— при наступлении на противника, создавшего позиционную оборону на сплошном фронте, что делает необходимым для проведения маневра на окружение осуществление прорыва этой обороны;

— в ходе операции после преодоления тактической глубины обороны и при развитии действий в ее оперативной глубине, а зачастую и в ходе оперативного преследования отходящего противника;

— во всех указанных выше случаях, когда, кроме того, имеется возможность прижать противника к труднопреодолимым естественным препятствиям;

— в ходе оборонительного сражения, когда переход в контрнаступление создает выгодные условия для окружения противника.

В современных условиях наступательная операция, как правило, начинается с прорыва позиционной обороны. Поэтому наиболее важным является разбор форм маневра на окружение и условий его осуществления именно в этом случае, тем более что в ходе Отечественной войны большинство операций на окружение было связано с необходимостью первоначального прорыва позиционной обороны. Под Сталинградом удары наносились из района Серафимович в направлении на Калач и из района озер Сарпа, Цаца также в направлении на Калач, т. е. по сходящимся направлениям. В результате этих ударов последовало оперативное окружение основной группировки противника, которое было достигнуто на четвертый день после прорыва главной полосы обороны общевойсковыми соединениями стремительным движением в прорыв подвижных соединений. За подвижными соединениями, расширяя прорыв, наступали общевойсковые соединения, которые превратили оперативное окружение в тактическое и лишили окруженную группировку возможности осуществления маневра внутри кольца окружения не только путем его сжимания, но главным образом путем дробления боевого порядка окруженных войск. Таким образом, маневр в Сталинградской операции, преследуя цель окружения крупной группировки противника, развивался в такой последовательности:

— прорыв позиционной обороны противника на направлениях главных ударов; главную, ведущую роль в этот период выполняли общевойсковые соединения, усиленные массой артиллерии, танков и осуществлявшие прорыв в тесном взаимодействии с авиацией;

— ввод в прорыв подвижных соединений с целью быстрого создания кольца окружения, что было достигнуто в быстрых темпах (30—40 км в сутки), при тесном взаимодействии с авиацией, выполняя, таким образом, главную роль в этот (второй) период операции. При выполнении маневра подвижные соединения на пути своего движения встречали упорное сопротивление неприятельских резервов, особенно в населенных пунктах, причем эти резервы иногда действовали разрозненно, будучи застигнуты врасплох. Но не эти резервы являлись главной целью действий вошедших в прорыв подвижных соединений, и в бой они с ними вступали постольку, поскольку те являлись препятствием к главной цели маневра — завершению оперативного окружения, что в данном случае достигалось выходом в район Калача как северной, так и южной наших группировок.

Корсунь-Шевченковская операция была осуществлена ударом по сходящимся направлениям, причем первоначально участки ударов отстояли друг от друга на 200 км (по дуге фронта). Глубина ударов (по прямой между участками прорыва) составляла 120 км. Операция была проведена в два этапа:

— первый этап — прорыв обороны и окружение корсунь-шевченковской группировки немцев (24 января—3 февраля);

— второй этап — уничтожение окруженной группировки (4—17 февраля).

В результате стремительного наступления наших войск операция по окружению немецкой группировки в составе девяти пехотных, одной танковой дивизий и одной мотобригады протекала в такой последовательности:

— оперативное окружение было достигнуто соединением наших подвижных частей 28 января в районе Звенигородки (со средним темпом продвижения в 15—20 км в сутки);

— были приняты меры к обеспечению флангов подвижных соединений в целях воспрещения противнику прорваться через созданный фронт;

— тактическое окружение было осуществлено стрелковыми соединениями и кавалерийскими частями, причем сплошная линия фронта вокруг района Корсунь-Шевченковский (площадь 35×45 км с периметром в 130 км) была установлена 3 февраля;

— затем в течение двух недель наши войска вели бои на уничтожение окруженной группировки.

Характеризуя Сталинградскую и Корсунь-Шевченковскую операции, мы указываем, что в обоих этих случаях тактическое окружение противника создавалось, когда вражеская группировка занимала еще большую площадь: 55×30 км в Сталинградской операции и 35×45 км в Корсунь-Шевченковской операции. Несмотря на то, что эти пространства могли простреливаться только артиллерией крупных калибров, мы все же склонны считать, что для противника были созданы условия тактического окружения, так как, будучи скован с фронта сплошным боевым порядком нашей пехоты, он был лишен возможности маневра крупными силами внутри занятого пространства. В этом и есть некоторая своеобразность этих двух операций.

Витебская операция с окружением и уничтожением пяти дивизий противника была осуществлена после прорыва фронта обороны немцев северо-западнее и юго-восточнее Витебска. Участки ударов отстояли друг от друга на удалении 150 км, общая глубина операции — 100 км (с выходом войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов на Западную Двину). Оперативное окружение было здесь завершено на второй день операции, тактическое — на четвертый день и полный разгром окруженного противника был закончен на пятый день наступления наших войск.

Бобруйская операция имела форму маневра, аналогичную изложенным выше, причем пять немецких дивизий здесь были окружены и уничтожены в течение четырех дней. Наступавшая пехота, действуя совместно с танками, сильным ударом прорвала прочную оборону противника и вышла к огневым позициям его артиллерии. Затем в прорыв было введено танковое соединение, которое обрушилось всей своей силой на ближайшие резервы противника и развернуло прорыв к флангам, углубив его к исходу дня до 20 км. На второй день, когда танки и пехота стремительно развивали успех на север, в прорыв была введена подвижная группа. Силы противника были уже настолько потрепаны, что он не мог оказать какого-либо организованного сопротивления. Подвижная группа, не вступая в серьезные бои с противником, сразу начала преследование отходивших мелких групп. Сделав в первый день свыше 50 км, она на третий день операции, 26 июня, вышла к Глуску, перерезав все пути, ведущие к Бобруйску с юга и юго-запада.

Таково кратко содержание ряда операций на окружение, которые возникли в ходе наступления после прорыва оборонительной полосы противника.

Мы опять-таки склонны согласиться с генерал-лейтенантом Ивановым, когда он опыт наших операций на окружение сводит к следующим основным положениям:

— маневр на окружение является наиболее решительной формой наступления даже против создавшего прочную позиционную оборону противника;

— начальным этапом маневра на окружение в этих условиях является прорыв главной полосы обороны на нескольких участках с развитием удара по сходящимся направлениям;

— маневр на окружение осуществляется в тесном взаимодействии общевойсковых и подвижных соединений, причем первые начинают его прорывом позиционной обороны, превращают оперативное окружение в тактическое и завершают маневр уничтожением окруженной группировки;

— подвижные соединения вводятся в прорыв и быстро выдвигаются в районы, выход в которые приводит к созданию оперативного окружения; двигаясь в намеченный район, подвижные соединения, нарушая и дезорганизуя управление противника и работу его тыла, ввязываются в бой с его резервами и особенно с гарнизонами населенных пунктов лишь в тех случаях, когда это необходимо для успешного осуществления маневра.

При такой последовательности маневр на окружение обычно будет иметь следующие этапы:

первый — прорыв укрепленной полосы противника, ввод в прорыв подвижных соединений для создания оперативного окружения и развитие наступления общевойсковыми соединениями для надежного обеспечения кольца оперативного окружения;

второй — превращение оперативного окружения в тактическое с одновременным дроблением окружаемой группировки на части;

третий — ликвидация окруженной группировки путем дальнейшего расчленения ее и уничтожения по частям.

Боевые действия наших войск дают довольно много примеров проведения маневра на окружение в период развития наступательной операции после прорыва позиционной обороны, а также в ходе оперативного преследования. В этом отношении особенно характерна Белорусская операция, проведенная Красной Армией в июне 1944 года. Не вдаваясь в описание этой операции, отметим только некоторые ее черты, характеризующие маневр наших войск после прорыва фронта обороны немцев под Витебском и Бобруйском.

В основе организации преследования обоими фронтами (1-м и 3-м Белорусскими) были действия подвижных родов войск (танков, конницы, мотопехоты), поддержанных с воздуха мощными ударами авиации. Подвижные войска стремительным движением выходили по параллельным путям на фланги и в тыл вражеским группировкам, окружая и уничтожая их. Подвижные соединения широко применяли частный маневр отдельными группами боевого порядка в целях обхода узлов сопротивления и опорных пунктов противника без каких-либо затяжных лобовых атак, потери времени и темпа. Осуществляемый такими приемами оперативный маневр полностью лишал противника инициативы, нарушал его управление и принуждал вводить имевшиеся у него резервы по частям, развертывая их на случайных промежуточных рубежах, где они подвергались стремительному разгрому.

Форма оперативного маневра в данном случае представляла комбинированное преследование, когда:

— войска 3-го Белорусского фронта составляли северное крыло преследования в направлении на Борисов, Минск, Молодечно, со средним темпом продвижения 30 км в сутки;

— войска 1-го Белорусского фронта составляли южное крыло преследования в направлении на Бобруйск, Минск и на Слуцк, Гродно, со средним темпом продвижения 30 км в сутки;

— войска 2-го Белорусского фронта осуществляли фронтальное преследование, сковывали главные силы 4-й немецкой армии, не позволяли им оторваться, разбивали их на отдельные части и уничтожали в тяжелых для противника арьер-

гардных боях; в соответствии с такой формой маневра 2-й Белорусский фронт вел преследование с темпом вдвое меньшим (до 15 км в сутки), чем его соседи.

В результате такого комбинированного оперативного преследования главные силы 4-й и часть сил 9-й немецких армий были окружены 3 июля 1944 г. с выходом в район Минска с северо-востока войск 3-го Белорусского фронта и с юго-востока — войск 1-го Белорусского фронта. Восточнее Минска в оперативном окружении оказались части 30 немецких дивизий.

Существенной особенностью этого оперативного преследования явилось то, что для создания тактических условий окружения и уничтожения противника, отрезанного под Минском, была оставлена незначительная часть сил, тогда как главные силы 3-го и 1-го Белорусских фронтов продолжали стремительно развивать наступление к рубежу р. Неман. Именно это обстоятельство прежде всего и коренным образом отличает операцию окружения в Белоруссии от окружения немецкой группировки под Сталинградом и является типичной чертой нашего оперативного маневра в условиях летней кампании 1944 года.

Наконец, следует отметить, что и в ходе оборонительного сражения возможен маневр на окружение с переходом обороняющихся войск в контрнаступление. Так, сражение под Сталинградом по своей длительности, по количеству вовлеченных в него войск, а также по разнообразию характера боевых действий на разных этапах представляет сложный комплекс нескольких крупных операций. Операции на подступах к Сталинграду нельзя рассматривать изолированно от последующих (наступательных) этапов генерального сражения, завершившихся окружением и уничтожением группировки немецких войск. Задача наших войск в оборонительном сражении заключалась не только в том, чтобы остановить наступавшие немецкие войска, но и в том, чтобы создать выгодные условия с целью разгрома и уничтожения рвавшейся к Волге немецкой группировки.

Характеризуя условия оперативного и тактического окружения, нельзя также не остановиться на положении, когда войска противника имеют у себя в тылу крупную водную преграду. Здесь, помимо необходимости перерезать сухопутные и воздушные пути сообщения, следует также воспретить противнику базирование на море. Известно, что когда мы проводили операцию по ликвидации восточно-прусской группировки противника, то последний, используя суда различного водоизмещения, имел возможность поддерживать связь со своими войсками через Данцигскую бухту. Таким образом, задаваясь целями решительных операций, ведущих к окружению противника, нам зачастую приходилось планировать и сочетать действия наземных войск, воздушного и морского флотов. Видимо, и здесь, так же как и во всех вышеперечисленных случаях, искать «внешние и внутренние фронты» было бы бесполезным делом.

Этот краткий обзор операций на окружение со всей очевидностью устанавливает отчетливую зависимость формы маневра от конкретных целей, ставившихся перед войсками.

Как уже было указано, группировка войск в операциях на окружение предусматривает, что основные элементы оперативного построения определяются целью нанесения главного удара и обеспечения его выделением части сил для прикрытия флангов и для нанесения второстепенных ударов. При этом нет никакой нужды прибегать к созданию таких искусственных элементов операции на окружение, как «внешний и внутренний фронты (обводы)», а следовательно, и введения этих понятий в военную теорию.

АРМИЯ И ФРОНТ В СИСТЕМЕ ВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ

(В порядке обсуждения)

Генерал-лейтенант Е. ШИЛОВСКИЙ

Оперативное искусство в основе своей занимается использованием вооруженных сил, находящихся на данном театре военных действий, т. е. ведает организацией и проведением армейских и фронтовых операций. Эти вопросы уже нашли свое отражение в статьях генерал-лейтенанта В. Злобина и генерал-майора Н. Таленского, опубликованных в предыдущих номерах журнала[1].

Мы разделяем взгляды, высказанные названными авторами в отношении развития оперативного искусства и основ современной фронтовой операции. Настоящая статья, не повторяя ранее высказанных положений, посвящена актуальному вопросу — о месте и роли армии и фронта в системе ведения операций и о вытекающих отсюда задачах в оперативной подготовке нашего командного состава.

I

В войнах наполеоновской эпохи войска, оперировавшие на отдельном театре военных действий, обычно объединялись в особую армию. При столкновении двух враждебных армий возникали сражения. «Столкновение двух враждебных войсковых объединений называется сражением, когда эти объединения составляют главные армии обеих сторон или, по меньшей степени, действуют независимо на своем особом театре войны», — писал Ф. Энгельс в 1858 г.[2].

В войнах второй половины XIX века на главном театре военных действий могли находиться уже не одна, а несколько частных армий.

Первая мировая война 1914—1918 гг. и гражданская война 1918—1920 гг. дали большое развитие военному искусству и внесли существенные изменения в систему руководства военными действиями.

Увеличился общий размах войны. Массовые армии образовывали обширные, часто сплошные фронты. Боевая техника сильно развилась; усовершенствовались старые рода войск и, в частности, артиллерия; появились новые рода войск: танки, авиация, химические войска. Однако уровень развития техники и общий характер вооруженной борьбы обусловливали ведение операций в линейных формах, последовательно поражая построение противника и продвигаясь от рубежа к рубежу. Ввиду возросшего количества войск и техники, усложнения управления ими и других причин частные армии стали объединяться во фронты (группы армий).

По опыту этих войн фронт (группа армий) представлял собой стратегическую инстанцию, объединявшую полевые армии, находившиеся на определен-

---

[1] Генерал-лейтенант В. Злобин. Современная фронтовая операция. «Военная мысль» № 4-5 за 1945 г.; генерал-майор Н. Таленский. Развитие оперативного искусства. «Военная мысль» № 6-7 за 1945 г.

[2] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, стр. 373.

ном театре военных действий. Фронт самостоятельно, при помощи подчиненных ему вооруженных сил, решал поставленные ему стратегические задачи на данном театре военных действий. Операции, как правило, завершались в пределах фронта. Лишь в отдельных случаях они достигали такого масштаба, что выходили за рамки одного фронта, и требовалось оперативное взаимодействие фронтов, которое в позиционных условиях и при прежней системе управления нередко вырастало в сложную проблему. Общей согласованности в действиях фронтов в стратегическом масштабе стремились достичь соответствующей постановкой целей и задач фронтам. Однако опыт прошедших войн показывает, что этой согласованности также редко удавалось добиться на практике.

Таким образом, по опыту первой мировой и гражданской войн фронт в оперативном отношении был вполне самостоятелен, он являлся «хозяином» на театре военных действий. Обычно он действовал один на данном стратегическом направлении.

В системе ведения военных действий высшее военное руководство занималось стратегией, направляя и объединяя усилия всех категорий вооруженных сил на всех театрах в соответствии с общим планом войны и стратегическими целями, преследуемыми на данном этапе войны. Фронтовое командование являлось организатором операций на своем театре военных действий с преобладанием планирующих функций в руководстве ими: общее планирование фронтовой операции на данном стратегическом направлении; распределение сил между армиями; определение задач армиям и постановка им новых задач по ходу операции; нарезка полос для действий армий и пр. При этом следует учесть, что фронтовое командование в то время почти не имело средств для непосредственного воздействия на ход боевых действий в армейских полосах наступления: фронтовые резервы при вводе их в дело по большей части передавались в подчинение соответствующих командующих армиями; танки и авиация по своему техническому состоянию и развитию еще не были способны к самостоятельным оперативным действиям с крупными результатами.

Армия по опыту этих войн являлась основным оперативным объединением войск для действий на одном операционном направлении (иногда даже на двух и более). Взаимодействие войск и войсковых соединений в основном заканчивалось в армии. В этих условиях армейская операция приобретала довольно большую самостоятельность и известную обособленность. Располагаясь одна в своей полосе действий, где не имелось других, не подчиненных ей войск, армия оперативно взаимодействовала с другими армиями фронта. Армейская операция имела законченные формы, свои довольно четкие границы и не сливалась с другими операциями. Линейные формы операций, широкая полоса действий армии позволяли в армейских рамках проявляться характерным чертам оперативного искусства в довольно развернутом виде.

Таким образом, по опыту этих войн фронт являлся основным руководителем операции на данном театре военных действий с преобладанием планирующих функций. Армейская операция имела большое самостоятельное значение в теории и практике оперативного искусства, являясь его основным звеном в ведении операции. Фронтовая операция представляла почти сумму армейских операций.

Современная теория армейских и фронтовых операций была разработана в Красной Армии на основе теоретического обобщения и развития опыта первой мировой и гражданской войн. Старая русская армия, а также иностранные армии имели общую оперативную теорию, затрагивавшую в общем виде

принципиальные вопросы вождения войск на театре военных действий. Создание конкретной теории армейской и фронтовой операции, преследовавших решительные цели и учитывавших особенности нашей организации, материально-техническое оснащение и характер театров военных действий, явилось новым и большим достижением военной науки и практики Красной Армии. Опыт последних войн был теоретически осмыслен и творчески развит в ней. Общая оперативная теория также получила здесь дальнейшее развитие, была углублена и конкретизирована в применении к частной армии и фронту. Наряду с вопросами вождения войск в ней нашли также четкое разрешение организационные вопросы, было хорошо разработано материально-техническое обеспечение операций, техника управления штабной службы и пр.

Руководящая роль в разработке нашей оперативной теории и доктрины принадлежит товарищу Сталину. Его неоднократные указания по коренным вопросам военного дела обеспечили быстрое развитие нашей военной науки и военного искусства. Самое зарождение современной оперативной теории Красной Армии неразрывно связано с руководящей военной деятельностью товарища Сталина в гражданскую войну. Мы напомним только одно из его указаний (высказанных им в докладе о причинах падения г. Перми от 31 января 1919 г.) по важнейшему вопросу оперативно-стратегического руководства, касающемуся места и роли армии в системе ведения операций.

«Армия, — писал товарищ Сталин, — не может действовать как самодовлеющая, вполне автономная единица; в своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и прежде всего от директив Реввоенсовета республики: самая боеспособная армия при прочих равных условиях может потерпеть крах при неправильности директив центра и отсутствии действительного контакта со смежными армиями. Необходимо установить на фронтах, прежде всего на Восточном фронте, режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определенной, серьезно обдуманной стратегической директивы».

По указаниям товарища Сталина во время гражданской войны и в последующие годы была создана прочная база для разработки теории армейских и фронтовых операций, явившихся основой нашей оперативной доктрины.

За двадцать лет, прошедших между гражданской войной и Великой Отечественной войной, эта теория развивалась и обогащалась, учитывая происходящий прогресс техники и появление новых средств борьбы, а также стремясь заглянуть вперед и проявляя творческий прогноз на будущее. Произошел переход от линейных форм к глубоким формам операций с широким использованием авиации и мотомеханизированных соединений, а также усовершенствованием старых родов войск, в частности «бога войны» — артиллерии. Так сложилась передовая конкретная и смелая теория, которая легла в основу оперативной доктрины Красной Армии. Армии и фронту отводилось четкое место в системе ведения операций. Роль армии и фронта в период, предшествующий Великой Отечественной войне, определялась следующими руководящими соображениями.

Современная операция наиболее полно развертывается во фронтовом масштабе. Она ведется усилиями нескольких полевых армий во взаимодействии с подвижными группами войск, с крупными воздушными силами, а в отдельных случаях и с военно-морскими силами.

С развитием современной авиации, быстрым прогрессом военной техники, созданием крупных мотомеханизированных соединений (что потребовало особенно четкой организации взаимодействия) фронтовая инстанция не может рассматриваться только как организация стратегическая, осуществляющая

общее планирование операций армий на данном стратегическом направлении и ведающая распределением сил и средств между армиями. Фронт теперь обращается в организацию оперативно-стратегическую, включающую в свои функции как планирование боевых усилий армий, так и непосредственное руководство ходом боевых действий, ведение самой операции. Новыми и важными задачами фронтового командования являются: руководство крупными соединениями авиации и мотомеханизированных войск; установление взаимодействия между полевыми армиями, военно-воздушными силами и крупными подвижными соединениями; проведение комбинированных операций и пр.

В условиях сплошных фронтов, насыщенных современными средствами борьбы, армия утрачивает свою самостоятельность в достижении крупных оперативных объектов (а тем более стратегических). Армейская операция на главных театрах обычно составляет часть фронтовой операции, и только в рамках фронта, во взаимодействии с другими армиями, она может наиболее эффективно осуществлять свою роль и развертывать боевую и оперативную деятельность. Вместе с тем необходимо учитывать, что ударная армия для успешного выполнения стоящих перед нею ответственных задач должна обладать мощными силами и средствами. Так, она должна быть в состоянии выполнить своими силами прорыв неприятельской обороны в полосе 25—30 км и надежно преодолеть всю оперативную глубину сопротивления противника.

На второстепенных театрах или там, где в силу географических и других условий действия войск будут протекать по раздельным друг от друга операционным направлениям, армия сохраняет свою оперативную самостоятельность.

Так определялись в основном место и роль армии и фронта в системе ведения операций к началу Великой Отечественной войны.

II

Великая Отечественная война внесла много нового и оригинального в оперативную теорию и практику. Она показала исключительное богатство и многообразие оперативного творчества, выявила различные условия в ведении операций на разных театрах и отсутствие шаблона и схемы в формах и способах действий Красной Армии. Организация управления войсками на различных этапах войны менялась в зависимости от целей и задач, разрешавшихся на данном этапе. Верховное Главнокомандование проявило исключительную гибкость; оно подчиняло организационные формы Красной Армии задачам стратегического руководства, выдвигало на первое место такие формы, которые наиболее отвечали конкретно сложившейся обстановке на данном этапе войны и на данном театре.

При всем многообразии Великой Отечественной войны можно отметить некоторые новые и характерные черты, интересующие нас с точки зрения рассматриваемой темы.

Небывалый размах вооруженной борьбы. Образовался огромный фронт от Баренцова до Черного моря, причем активные операции развертывались одновременно или последовательно на многих театрах военных действий. Масштаб операций сильно возрос; увеличилось количество сил и материальной части, участвующих в них; техническая сторона подготовки, ведения операций, управления войсками и организации взаимодействия сильно усложнилась.

Новый характер вооруженных столкновений: чрезвычайно напряженный, подвижный, глубокий; возможность достижения решительных

результатов от сражений в короткие сроки, даже при столкновении крупных группировок. Сокрушающий стиль борьбы потребовал более централизованного руководства операциями.

Силы и средства, которыми располагает фронтовое и армейское командование, увеличились по сравнению с прошлыми войнами. Огневая и ударная сила современных армий и фронтов в несколько раз возросла по сравнению с армиями и фронтами первой мировой войны. Яркой иллюстрацией этих положений являются данные, приведенные начальником Генерального штаба Красной Армии генералом армии тов. Антоновым в докладе на XII сессии Верховного Совета СССР, которые характеризуют высокий моральный дух, рост силы и технического оснащения Красной Армии за годы войны. Артиллерийская плотность на ударных направлениях доходила до 200—300 стволов на 1 км фронта. Сильно вырос вес огневого залпа армии и корпуса. Красная Армия располагала танками в больших количествах и отличного качества. Наши мощные воздушные силы завоевали превосходство в воздухе над немецкой авиацией.

Наряду с этим следует учитывать, что противник также был более сильный, чем в других войнах, как по общему количеству войск, участвовавших в операциях, так и по их техническому оснащению. А при ведении операций важно не только абсолютное количество участвующих войск или боевой техники, но и соотношение сил сторон. Вместе с тем для правильной оценки эволюции оперативного искусства нужно дать себе отчет в том, какие тенденции определились и какие изменения произошли в относительном положении и значении армий и фронтов на театре военных действий.

Однако, раньше чем переходить к существу этого вопроса, необходимо сделать несколько пояснений. Мы уже отмечали многообразие оперативных форм и способов действий Красной Армии в ходе четырехлетней войны. Различные военные, политические, географические условия на разных театрах военных действий и на разных этапах борьбы влияли на то, что оперативное искусство проявлялось в различных формах, иногда довольно резко отличающихся друг от друга. В богатейшей истории Великой Отечественной войны можно найти случаи, когда, например, ширина полосы действий фронта не только не уступала фронтам первой мировой войны, но даже превосходила их, или когда армия вела вполне самостоятельную, независимую от других армий операцию. То же относится и ко многим другим конкретным показателям фронтовой или армейской операции. Но для понимания развития военного искусства важно брать типичные, характерные для данного периода примеры, показывающие дальнейшую эволюцию военного искусства и черты нового в военном деле.

Для этого мы направим наше основное внимание при последующем изложении не на второстепенные театры или на «особые» случаи, а будем в первую очередь рассматривать главные театры и главные направления Великой Отечественной войны, где развертывались решающие события, достигалась максимальная концентрация сил и техники и где ярче проявлялись некоторые новые черты военного искусства.

В целях лучшего уяснения существа происшедших изменений в положении армии и фронта на театре военных действий сделаем небольшой исторический экскурс в три последние большие войны в отношении некоторых основных театров военных действий. Так, на Белорусском театре (в границах от р. Западная Двина до р. Припять) в первую мировую войну находился один Западный фронт, включавший в разное время от 3 до 5 армий; в гражданскую войну там

действовал также один Западный фронт в составе от 2 до 5 армий. В Великой Отечественной войне количество фронтов и армий было различным на разных ее этапах. В период решительного наступления Красной Армии и разгрома немецких войск в Белоруссии в 1944 г. на Белорусском театре находились силы 3—4 взаимодействующих фронтов, включавшие примерно 10—15 армий. На Украинском театре, к югу от р. Припять, в первой мировой войне действовал один Юго-западный фронт в составе 4 армий. В гражданскую войну здесь также находился один Юго-западный фронт в составе 3—4 армий. В Великую Отечественную войну количество действующих фронтов на Украинском театре доходило до трех-четырех при общем составе 10—15 и более армий. Против Восточной Пруссии в 1914 г. развернулся один фронт в составе двух армий. В Великой Отечественной войне количество фронтов на Восточно-прусском стратегическом направлении возросло в два раза, а количество армий в три-четыре раза. Подобные сравнения можно было бы продолжить.

Из этих примеров видно, что на одних и тех же исторических театрах, имеющих вполне определенную территорию, количество фронтов и армий возросло в два-четыре раза. Это означает, что в данном случае произошло разукрупнение армий и фронтов по территории (особенно армий) и что удельный вес каждой армии (фронта) на театре военных действий стал относительно меньшим.

Оставим пока в стороне вопрос о том, что названные театры также не сохранялись неизменными, что повышались их культурность и емкость, возрастало количество возможных операционных направлений и пр. Также пока только упомянем здесь, что к концу войны в силу ряда условий наметилось некоторое укрупнение фронтов. Эти вопросы требуют особого и более подробного рассмотрения. Отметим лишь в качестве нового явления, что на одном театре военных действий могут теперь находиться несколько фронтов и большое количество армий. Опыт войны показывает, что на важном стратегическом направлении могут оказаться два-три фронта, а на важном операционном направлении — две-три армии. Поэтому встает актуальный вопрос об организации надежного оперативного взаимодействия этих войсковых объединений для решения оперативных и стратегических задач, возникающих в ходе кампании или войны.

Итак, общий масштаб вооруженной борьбы и ее напряжение увеличились. Рамки операций в целом раздвинулись. Фронты и армии возросли по своей огневой и ударной силе, разукрупнились в ряде случаев по своему положению на театре военных действий. Они получили более глубокие и дальнобойные средства поражения, а полосы их действий на главных направлениях стали более узкими (особенно это касается армии). Решительный характер больших сражений, возможность достижения быстрых оперативных результатов и разгрома крупных группировок требуют более централизованного руководства операциями. Отсюда — новое качество операций, новые черты армейской и фронтовой операции, новый стиль ведения операций Красной Армией в Отечественной войне по сравнению с теорией и практикой предшествовавшего периода.

III

Увеличение размаха войны, роста вооруженных сил и количества боевой техники, маневренный и глубокий характер операций вызывают существенные изменения в обстановке на театре военных действий, усложняют управление операциями. Исторический процесс развития показывает, что была эпоха, когда на театре военных действий развертывалась одна армия. Ее сменила

другая эпоха, когда на театре военных действий уже стал оперировать фронт, состоящий из нескольких однотипных полевых армий.

Вполне закономерно было предполагать, что с дальнейшим увеличением напряжения борьбы, количества войск и вооружения, усложняющими управление, на важнейших театрах могут появиться уже не один, а несколько фронтов, состоящих из разнотипных армий (полевых, танковых, авиационных и др.). Великая Отечественная война ярко продемонстрировала этот новый этап в развитии оперативного искусства. И вполне естественно, что Красная Армия, как наиболее передовая армия, первая применила эту новую организационную форму, отвечающую общему ходу развития военного искусства.

Великая Отечественная война включает в себя весь предшествующий оперативный опыт. Армейские и фронтовые операции, существовавшие еще в предшествующий период, развивались в прошедшей войне 1941—1945 гг. на новой материально-технической базе и в иных военных и политических условиях. Вместе с тем Отечественная война, как сказано, дала операции нового типа, которых еще не знала военная история, а именно — операции нескольких взаимодействующих фронтов, решающих одну общую стратегическую задачу на определенном театре военных действий.

История Великой Отечественной войны дает замечательные образцы этих новых операций, приводивших к сокрушению и разгрому сильного противника. Она показывает нам, что многие важнейшие операции, определявшие течение войны, осуществлялись во взаимодействии нескольких фронтов под руководством Ставки Верховного Главнокомандования (например, Сталинградская, Орловско-Курская, Белгородско-Харьковская, Белорусская и др.). Но были также отдельные крупные операции, проводимые силами одного фронта.

Таким образом, теперь на главном театре военных действий, на важном стратегическом направлении могут действовать уже не один, а два-три фронта. Большую операцию замышляет, организует и ведет обычно Ставка Верховного Главнокомандования. Крупная стратегическая задача решается силами нескольких взаимодействующих фронтов. Фронт преимущественно решает часть этой задачи; его операция составляет важную часть общей большой операции стратегического значения. Фронт из стратегической инстанции становится оперативно-стратегической или даже чаще всего оперативной.

В армии можно наблюдать аналогичную тенденцию: чисто оперативный элемент в армии сокращается по сравнению с эпохой первой мировой и гражданской войн, а тактический усиливается. При прорыве тактические функции в армии выдвигаются на первое место. Мы пока ограничимся этими краткими замечаниями. В последующем мы остановимся более подробно на развитии армейской операции.

Перейдем к некоторым предварительным оценкам и выводам по руководству операциями. Раньше основным звеном в руководстве большими операциями было армия—фронт; теперь центр тяжести оперативного руководства операциями стратегического значения переместился в звено фронт—Ставка. Относительное разукрупнение армейских и фронтовых операций (главным образом по территории в отношении ширины полосы действий, так как огневая и ударная сила и глубина поражения возросли), перенос центра тяжести в руководстве большими операциями на главных направлениях из звена армия—фронт в звено фронт—Ставка явились в условиях Великой Отечественной войны крупным шагом вперед в организации операций. Мы уже отметили, что это изменение отвечает развитию современного военного искусства. В частности,

оно явилось одним из наших преимуществ над немцами, которые остались на старых позициях в ведении операций. Да и территориально их армии и фронты по своему относительному положению на театре войны и на театрах военных действий были близки к теории и практике первой мировой войны.

Наше решение организационных вопросов явилось новым, более гибким, позволяющим легче учитывать конкретные условия обстановки и особенности командования. Оно облегчало фронтовому командованию ответственную работу по руководству операциями, которая значительно усложнилась по сравнению с прошлыми войнами. Вместе с тем наша система управления:

— более отвечает высоким темпам развития современных маневренных операций с быстрым изменением значения операционных направлений в ходе борьбы;

— обеспечивает бо́льшую гибкость, оперативную маневренность, а также быстрое создание оперативных группировок;

— благоприятствует широкому, свободному использованию стратегических резервов на всем театре войны, которые иначе были бы привязаны к отдельным стратегическим направлениям, «заморожены» на фронтах;

— позволяет направлять огромные массы войск и техники с обширного фронта на разгром намеченной группировки врага;

— приближает Верховное Главнокомандование с имеющимися в его распоряжении мощными силами, средствами и его авторитетом к непосредственному руководству решающими событиями войны, которые определяют все ее развитие.

Вместе с тем руководство действиями многих фронтов осложняло работу Ставки Верховного Главнокомандования и требовало ряда дополнительных организационных мероприятий (выделения представителей Ставки Верховного Главнокомандования на фронты и пр.), но в целом преимущества были за этой новой системой.

При прежней системе, существовавшей в первую мировую и гражданскую войны, для того, чтобы Ставка Верховного Главнокомандования могла конкретно руководить важной операцией, нужно было:

— либо управлять войсками, подчиненными фронту, через голову командующего фронтом, что имело свои неудобства и отрицательные последствия; например, Брусилов в 1916 г. решительно протестовал против подобного вмешательства, он ставил вопрос так: или я веду операцию, или смените меня, если я не годен, так как не следует иметь двух хозяев в одном деле;

— либо применять различные искусственные приемы; так, например, Людендорф в 1918 г. организовал решающую операцию на стыке двух фронтов, чтобы повысить роль главного командования в руководстве ходом боевых действий.

При нашей системе эти трудности отпадают, так как каждая командная инстанция занимается своим делом в рамках общего плана и своей компетенции.

При прежней системе управления взаимодействие фронтов вырастало в сложную проблему. Как мы знаем, ее так и не удалось разрешить на русском фронте в первую мировую войну. Эту довольно сложную задачу не всегда удавалось разрешить и в гражданскую войну, несмотря на различные принимавшиеся меры. Проблеме взаимодействия фронтов были посвящены многие страницы военно-научных трудов в период между первой мировой и Великой Отечественной войнами. А ныне Красная Армия осуществляла замечательные операции в тесном взаимодействии трех-четырех фронтов (например, Белорусская операция и др.). Этот вопрос решается теперь в практической оперативной работе четко и конкретно.

Разобравшись в основном в современной многообразной и сложной обстановке на театре военных действий и в системе руководства большими операциями, обратимся непосредственно к армейской операции и определим, в каком направлении шло ее развитие. Уже было установлено выше, что в период первой мировой войны и в гражданскую войну армейская операция имела довольно большую самостоятельность. Армия обычно решала самостоятельную оперативную задачу на своем операционном направлении (а иногда и на нескольких направлениях), в своей особой полосе действий, где, как правило, не действовали другие, не подчиненные ей войска. Взаимодействие с соседними армиями носило более широкий оперативный характер.

Опыт Отечественной войны показывает, что при борьбе мощных противников, располагающих большими вооруженными силами, армия утрачивает на главных направлениях свою самостоятельность. Обычно две-три армии тесно взаимодействуют между собой, решают при поддержке фронтовых средств одну общую задачу в рамках фронтовой операции. Армия теперь не ведет, как правило, самостоятельной, обособленной операции на главных направлениях. Она во многих случаях даже не имеет отдельного операционного направления, а получает лишь известную часть его. Заметим попутно, что понятие «операционное направление» также не осталось неизменным.

Развитие крупных мотомеханизированных соединений и объединений, а также мощных объединений авиации (являющихся в основном фронтовыми средствами) привело к тому, что эти мощные и дальнобойные средства глубокого поражения вторгаются ныне в сузившиеся полосы армейских операций, пересекают их в разных направлениях, накладывают свой отпечаток на ход боевых действий в армии, переплетаются с ними, меняют характер и природу боевых столкновений в армиях. Взаимодействие армейских средств с фронтовыми ныне стало более тесным, а во многих случаях даже неразрывным. Управление операциями сделалось более сложным, а ведение оперативных действий более централизованным.

Армейская операция на главных направлениях ныне более тесно сливается с фронтовой, чем это было в эпоху первой мировой и гражданской войн; она утрачивает во многих случаях свою былую самостоятельность и четкие границы, — настолько тесно переплетаются и взаимопроникают фронтовые и армейские средства. Сейчас армейских операций в обособленном виде, в законченных формах на главных направлениях почти нет. Мы уже отмечали выше, что на второстепенных театрах и на вспомогательных направлениях армейская операция и сейчас может сохранять значительную оперативную самостоятельность.

Удельный вес одной армейской операции в общей системе ведения крупных операций стал меньше, чем в период 1914—1920 гг. Это ясно из сказанного ранее. Сократился и объем задач, решаемых одной армией. Так, например, довоенная оперативная теория требовала, как мы отметили выше, чтобы ударная армия была в состоянии выполнить прорыв фронта противника в полосе 25—30 км и преодолеть его сопротивление на всю оперативную глубину. А фактически подобную задачу в ходе Отечественной войны, как мы знаем, обычно решали в тесном взаимодействии две-три армии при поддержке сил и средств фронтового командования. В армии эпохи Великой Отечественной войны тактический элемент возрос, приобрел очень важное значение, а оперативный несколько сократился (по сравнению с армией эпохи первой мировой и гражданской войн).

Значит ли это, что армия занимает ныне маловажное, неответственное место в системе ведения военных действий? Ни в какой степени!

Современная армия является исключительно важным и необходимым оперативно-тактическим звеном в ведении боевых и оперативных действии. Роль современной армии чрезвычайно велика; ее огневая и ударная сила выросла по сравнению с предшествовавшей эпохой; вместе с тем в тех же пространственных границах количество действующих армий ныне увеличилось. Основные силы и средства борьбы сосредоточены в армиях. При сплошных фронтах прорыв неприятельского расположения приобретает огромное значение. Армия организует и осуществляет прорыв тактической обороны противника. А без тактических успехов не получается и оперативных. Она участвует своими основными силами в ведении боя в глубине расположения врага, развивает успех достигнутого прорыва в интересах фронта. В современной армии тактика вплотную смыкается с оперативным искусством. Не нужно пояснять, насколько важно, чтобы этот стык был надежен и крепок, чтобы он обеспечивал перерастание тактических успехов в оперативный. На всех этапах современной операции армия играет огромную, решающую роль в разгроме врага. Поэтому так важно правильно понять развитие армейской операции в ходе Великой Отечественной войны и поставить изучение ее по-современному.

IV

В заключение следует ответить на вопрос: какое отражение в военно-научной работе и в оперативной подготовке нашего командного состава должны найти сдвиги, происшедшие в практике ведения операций Красной Армии?

Раньше можно было (и то с известными оговорками и допусками) в рамках армейской операции изучать основные черты оперативного искусства. Значительная самостоятельность и известная обособленность армейской операции, широкая полоса действий армии (включавшая одно-два основных операционных направления, а по территории — примерно одну треть — одну четверть театра военных действий) давали для этого известные основания и возможности.

Теперь обстановка существенно изменилась. Полосы действий армии и фронта на главных направлениях (т.е. именно там, где сосредоточены основные силы и техника) стали более узкими, а средства глубокого поражения (авиация, мотомеханизированные соединения) обладают возросшим радиусом действия. Современная операция является глубокой в смысле ее воздействия на противника; в этом ее важное отличие от операций первой мировой и гражданской войн. Глубокая операция в значительной степени осуществляется теперь за счет фронтовых средств и средств Верховного Главнокомандования. Армейские рамки являются ныне недостаточными для выявления и изучения характерных черт современных операций. Характерные особенности современных наступательных операций (в которых участвуют крупные танковые и механизированные соединения и объединения, а также мощная авиация) в первую очередь проявляются во фронтовых операциях и выше, а не в армейских.

У нас имеется и может быть много театров с совершенно различными военно-политическими и географическими условиями, и военное искусство может проявляться в различных формах, на различном уровне. Поэтому нельзя «под одну гребенку стричь» среднеевропейский театр войны и, например, Дальневосточный или Среднеазиатский.

Армейская операция на главных направлениях европейских театров больше переплетается и сливается с фронтовой, чем на вспомогательных направлениях или на так называемых «малокультурных» театрах. Там она принимает более обособленный характер, и там, конечно, могут существовать более самостоятельные армейские операции. Следует помнить, что в жизни есть и старое и новое. Автор в настоящей статье хотел сосредоточить внимание не на том, что сохранилось от старого, от прежней оперативной теории и практики (а сохранилось довольно много). Он стремился показать то новое, что родилось в Великой Отечественной войне. Эти новые черты оперативного искусства в большей степени проявляются на главных направлениях, которые в высокой степени были насыщены войсками и современной техникой и где решались судьбы войны. Как мы видели, там армейские операции более тесно сливаются с фронтовой и ярче проявляют свои новые черты и особенности.

Мы начали свое рассмотрение с эпохи, когда армия одна развертывалась на прежнем театре военных действий, будучи оперативно независима от других армий. Мы заканчиваем его эпохой Великой Отечественной войны, когда армия, во много раз возросшая в своей огневой и ударной силе и тесно связанная с соседними армиями и фронтовыми средствами, занимала на главных направлениях около одной десятой—одной пятнадцатой части современного театра военных действий. Конечно, эти цифры имеют весьма относительное и условное значение. Но они все же напоминают о том, что теперь нельзя узкую полосу действий армии вырвать из общей связи военных явлений и сосредоточить на ней все свое внимание.

Для главных театров Великой Отечественной войны характерно (как неоднократно подчеркивалось) тесное взаимодействие армейских и фронтовых средств. При этом уже было отмечено, что современная фронтовая операция осуществляется как полевыми армиями, так и крупными объединениями подвижных войск, авиации и различных специальных и технических войск. Фронтовых операций стало теперь значительно больше, чем в прошлых войнах; современная фронтовая операция (если можно так выразиться) «демократизировалась», и с ней необходимо знакомство большего круга командного состава, чем это было раньше.

Оперативное искусство ныне, как и прежде, должно решать основную задачу: как руководить войсками, находящимися на данном театре военных действий, чтобы победить врага.

Современная армия на главном направлении нередко занимает только часть одного операционного направления, поделив его с другими армиями. Она по территории занимает весьма небольшую часть театра военных действий. А оперативной теорией нужно охватить весь театр военных действий. Иначе мы не получим необходимой цельности и рискуем прививать неправильные представления о современном оперативном искусстве, высший командный состав не будет иметь необходимого оперативного кругозора, его подготовка будет вестись в узких рамках, не отвечающих масштабу и развитию военного искусства. Не только современный командующий или начальник штаба армии, но даже начальник оперативного отдела штаба армии должны понимать основные оперативные вопросы, отдавать себе отчет в том, что делается на современном театре военных действий. А обстановка там, как мы видим, теперь может быть весьма сложной и изменчивой. Армейская операция такого полного понимания не дает; она уже недостаточна в современных условиях, хотя серьезное и глубокое изучение ее попрежнему остается совершенно необходимым.

В армейских рамках теперь трудно правильно изучать многие важные вопросы оперативного искусства, например: оперативную перегруппировку сил с широким маневром, окружение крупной группировки противника, оперативное преследование с применением параллельного преследования и пр.

Между тем, до сих пор нередки случаи, когда теоретическая подготовка высшего командного состава и их ближайших помощников заканчивается на армейской операции, оперативная подготовка в военных академиях завершается изучением армейской операции как венцом военных знаний. С этим нельзя согласиться.

Уточним этот вопрос. В практической работе, при решении оперативных задач, действия армии в рамках фронтовой операции, несомненно, могут и сейчас быть одной из основных тем в оперативной подготовке наших офицеров и генералов. Но чтобы правильно понять роль и место армии в современной операции, чтобы уяснить характерные черты современного оперативного искусства, необходимо это изучение проводить на базе широкой оперативной теории, которая поднимается до границ театра военных действий, которая армию и фронт ставит на свои места, связывает, объединяет их и освещает путь практике. Подобно тому как при изучении принципиальных основ общей тактики мы не можем замыкать современный бой только в рамках стрелкового батальона или полка, а должны охватывать своим рассмотрением бой в целом (привлекая сюда в нужных случаях стрелковую дивизию и корпус), так и в области оперативного искусства мы должны охватить нашей принципиальной теорией армейские и фронтовые операции, а равно операции групп фронтов. В отрыве от этой общей теории нельзя правильно понять и армейскую операцию, изучение которой, повторяем, очень важно и нужно. Наша академическая теория, занимающаяся пока в основном армейской операцией, должна подняться в своей принципиальной части до уровня нашей великой практики в Отечественной войне.

Оперативная доктрина, которой была вооружена Красная Армия, помогла ей разгромить сильного и коварного врага. Великая Отечественная война обогатила и развила нашу оперативную теорию. Армейская и фронтовая операции получили новое содержание и занимают теперь свое особое и неотъемлемое место в общей системе ведения операции. Конкретная и хорошо разработанная теория армейской операции является важным оружием в борьбе с противником, но она не может ныне занимать обособленного, самодовлеющего положения; она должна опираться на более широкую оперативную теорию. Современная фронтовая операция требует к себе большего внимания со стороны наших военно-научных кадров, и серьезное изучение ее необходимо для основных оперативных работников. Операция нескольких взаимодействующих фронтов представляет собой новое явление в военном искусстве; она должна быть изучена и теоретически осмыслена.

Мы считаем, что важная задача нашей военно-научной мысли заключается в скорейшем изучении и освоении богатейшего оперативного опыта Отечественной войны и в разработке на основе сталинской военной науки такой оперативной теории, которая поднимается в своем рассмотрении до границ театра военных действий, охватывая в общей связи все многообразие возможных форм и способов действий. Такая оперативная теория даст нашему командному составу необходимую ориентировку и оперативный кругозор. Тогда он успешнее может справиться как с руководством армейской операцией, так и с другими важными вопросами боевой и оперативной работы.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕРЛИНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Генерал-майор Н. ЗАМЯТИН

В ходе Великой Отечественной войны Красная Армия успешно провела большое количество крупных наступательных операций, неизменно заканчивавшихся полным разгромом и большей частью уничтожением крупных оперативных группировок немецкой армии. Это, несомненно, свидетельствует о высоком уровне боевой подготовки Красной Армии, в частности ее командных кадров, а также о бесспорном превосходстве советского военного искусства над немецким военным искусством. Оперативное искусство Красной Армии совершенствовалось из месяца в месяц и к исходу войны достигло высшей ступени своего развития.

Вполне естественно, что плоды этого роста наиболее полно проявили себя в операциях завершающего этапа Отечественной войны. Поэтому особый интерес с точки зрения познавания особенностей советского оперативного искусства представляет изучение Берлинской наступательной операции Красной Армии.

Берлинская операция, приведшая к окончательному разгрому вооруженных сил гитлеровской Германии и к ее безоговорочной капитуляции, является, по существу, завершающей операцией Отечественной войны. При ее подготовке, организации и проведении был творчески использован весь богатейший опыт всех предыдущих наступательных операций Красной Армии.

Приступая к осуществлению этой операции, Верховное Главнокомандование Красной Армии ставило перед собой весьма важную стратегическую цель: разгромить центральную группировку немецких войск, оборонявшихся на советско-германском фронте, овладеть основным военным, политическим и административным центром гитлеровской Германии — Берлином — и лишить ее возможности к дальнейшему организованному сопротивлению.

Общая стратегическая обстановка, сложившаяся как на советско-германском, так и на западноевропейском театрах, необходимость скорейшего разгрома вооруженных сил Германии, действовавших на нашем фронте, где гитлеровцы, уже прекратившие организованное сопротивление на западе, продолжали еще упорно обороняться, потребовали сосредоточения на решающем, Берлинском направлении весьма крупной группировки советских войск и большого количества всевозможной боевой техники. С другой стороны, гитлеровское командование, отчетливо понимая решительный характер этого сражения, учитывая, что от его результата будет зависеть не только исход всей войны, но и судьба фашистского режима, решило драться за Берлин до последней крайности. Только на собственно Берлинском направлении для защиты своей столицы и подступов к ней гитлеровское командование сосредоточило группировку, насчитывавшую свыше 500 тыс. войск. В ходе сражения, для усиления оборонявшихся на этом направлении войск, немцами было подброшено в качестве резервов (с других участков советско-германского и западно-европейского фронтов) свыше 12 дивизий. Кроме того, в обороне Берлина приняло участие много батальонов фольксштурма, сформированных из государственных служащих и членов различных нацистских организаций.

Ни в одном из предыдущих сражений немцам не удалось достигнуть такой большой плотности огня в обороне, как под Берлином. Это было осуществлено за счет использования для нужд противотанковой обороны большей части многочисленной зенитной артиллерии берлинской зоны ПВО. Для борьбы с нашими танками противник имел во всех подразделениях солдат, вооруженных «панцер-фаустами» и «панцер-шреками». Наконец, в сражении за Берлин немцы вынуждены были драться с отчаянием смертников, ибо отступать им было уже некуда.

Все это говорит о том, что Берлинское сражение характеризовалось высокой степенью напряженности боевых действий, участием в нем большого количества войск и технических средств и крайней решимостью обеих сторон.

Прежде чем перейти к выявлению некоторых особенностей оперативного искусства Красной Армии, нашедших свое выражение в этой операции, мы считаем необходимым дать краткий обзор обстановки, сложившейся к началу наступления и развития операции.

В ходе наступления зимой и весной 1945 г. наши войска, разгромив немецкую оборону на Висле, очистив от вражеских войск Польшу и вторгнувшись в пределы Германии — в провинции Померанию, Бранденбург и Силезию, — на широком фронте вышли: 1-й Белорусский фронт — на р. Одер от Балтийского моря до устья р. Нейсе и к р. Нейсе от ее устья до Шенкендорфа, а в районе Цеплин, Гольцов, Лебус (все пункты северо-западнее, западнее и юго-западнее Кюстрина) войсками фронта был захвачен плацдарм на западном берегу Одера, который был расширен затем в результате частных операций; войска 1-го Украинского фронта вышли на р. Нейсе к югу от Шенкендорфа.

Перед войсками обоих фронтов оборонялись войска группы «Висла» и центральной группы армий в составе 9-й, 17-й полевых и 3-й, 4-й танковых армий противника, всего около 45 дивизий, не считая нескольких десятков всевозможных отдельных полков, специальных частей и подразделений, переданных на усиление обороны на реках Одер и Нейсе. Немецкие войска имели в своем распоряжении большое количество техники.

Операция должна была осуществиться и фактически осуществилась в течение второй половины апреля 1945 г.

16 апреля войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова и 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева перешли в решительное наступление. К 19 апреля неприятельская оборона перед обоими фронтами была разгромлена, и советские войска приступили к осуществлению намеченного оперативного маневра. К 25 апреля, в результате согласованных действий обоих фронтов, неприятельская группировка была рассечена на две части. Одна часть ее была окружена в районе Берлина, а вторая, так называемая «франкфуртско-губенская» группировка — в лесах юго-восточнее Берлина. В то же время наши войска, развернув стремительное наступление на запад, к 25 апреля вышли на р. Эльба, где на ряде участков установили связь с американскими войсками, достигнув, таким образом, рассечения всего германского фронта на две изолированные части.

В период с 26 апреля по 2 мая войска обоих фронтов вели ожесточенные бои по ликвидации окруженных группировок и захвату Берлина. К 30 апреля была полностью ликвидирована «франкфуртско-губенская» группировка, а 2 мая завершена ликвидация вражеской группировки, оборонявшейся в районе Берлина, и весь город целиком занят нашими войсками. С 3 по 7 мая, т. е. до момента капитуляции Германии, войска обоих фронтов на широком фронте выдвигались к Эльбе и устанавливали связь с союзными войсками.

* * *

Замысел операции. Одной из главных особенностей наступательных операций Красной Армии, с предельной отчетливостью выявившейся уже в самом замысле и планировании Берлинской операции, является их четкая целеустремленность, определяемая не какими-либо частными целями, а решительной стратегической целью, причем замысел операции основывался всегда на реальной оценке обстановки и опирался на столь же реальное материальное обеспечение. Именно в этом прежде всего и состояло превосходство нашей стратегии и оперативного искусства.

Одна из характерных особенностей германской стратегии заключается в постоянной переоценке своих сил и недооценке сил противника, в стремлении добиваться стратегических целей при отсутствии достаточных для этого сил и средств. Такой характер германской стратегии еще в первую мировую войну, особенно в 1918 г., породил весьма любопытное явление — преобладание моментов тактического порядка над стратегическими при планировании наступательных операций. В ряде случаев операции намечались и планировались не для достижения заранее выбранной оперативной или стратегической цели, а под влиянием факторов чисто тактического порядка, главным образом исходя из удобства прорыва того или иного участка неприятельского фронта. Наиболее ярко эта мысль выражена Людендорфом, когда он говорит: «Там, в России, мы всегда ограничивались тем, что назначали ближайшие цели, а затем становилось ясным, как мы могли продолжать операцию»[1]. Отсутствие ясно выраженной стратегической перспективы характерно для немецких операций и на западе, что и приводило Людендорфа к существенным и непоправимым ошибкам при подготовке и руководстве наступательными операциями немецкой армии в 1918 г. По этому поводу принц Баварский вспоминает: «Что особенно поражает, это то, что во время наступления мы никогда не могли усмотреть ни в одной из инструкций верховного командования (т. е. Людендорфа) точной директивы; в них всегда шла речь исключительно лишь о районах, которых надлежало достигнуть. У меня создалось впечатление, что верховное командование живет изо дня в день, не имея никакой определенной стратегической цели... Однажды, когда я осведомился у верховного командования относительно его стратегических целей, Людендорф ответил мне: «Избавьте меня от этого выражения «стратегическая операция»; мы сначала проделаем дыру, а дальше будет видно, что надо делать»[2].

Хотя германское командование и стремилось тогда добиться решительной стратегической цели — нанести сильный удар по армиям союзников, чтобы подготовить выгодные условия для почетного выхода из войны, при исчерпании стратегических резервов, все же оно не вышло за рамки неглубоких тактических решений. Авось удастся получить крупный тактический успех, который значительно изменит общую оперативную обстановку, а «там видно будет». Таков основной лейтмотив стратегических спекуляций Людендорфа в 1918 г.

Наиболее ярко эти черты германской стратегии, вытекавшей из порочности всей политики германского империализма, выявились в борьбе против Советского Союза. Наступательные операции германской армии первого этапа Оте-

---

[1] Цитируем по книге генерала Луазо «Германская стратегия в 1918 году», ГВИЗ, 1930 г., стр. 129.
[2] Там же, стр. 372.

чественной войны осуществлялись на основе предвзятых замыслов, без учета объективной обстановки и соотношения сил. Поэтому в ходе боев с Красной Армией характерным для руководства германской армией было стремление к достижению скорейших тактических успехов без реального учета дальнейшей стратегической перспективы, игнорируя изменения в обстановке и в соотношении сил, происходившие в ходе сражения. Но тактические успехи не могут явиться самоцелью. Тактику необходимо применять к задачам и возможностям стратегии. Забвение этого принципа неизменно приводило немецкую армию к катастрофам в стратегическом масштабе, даже после значительных иногда первоначальных тактических успехов. Увлечение тактическими успехами при отсутствии реально обеспеченных стратегических планов вело германскую армию от катастрофы к катастрофе — от разгрома под Москвой к краху под Сталинградом, а затем к поражению у Курска, где, наконец, немецкая наступательная стратегия окончательно провалилась.

Для наступательных операций Красной Армии наиболее характерной чертой является именно то, что они проводились на основе тщательно разработанных и реально обеспеченных планов, составленных с необходимой и возможной детализацией на весь период вплоть до достижения поставленной перед операцией стратегической цели. Этими планами предусматривалось не только непосредственно самое развертывание боевых операций, но и использование глубоких резервов, а также мероприятия по парированию возможных контрударов противника. Такой именно характер планирования, реальность последнего и обеспечивали всем наступательным операциям Красной Армии неизменный и огромный успех.

Блестящей иллюстрацией к рассматриваемому положению является стратегический план наступательных операций Красной Армии в 1944 году. Если мы проследим ход основных операций этого года, то увидим, что все они являлись составными частями единого гениально продуманного, обеспеченного необходимыми силами и средствами и успешно осуществленного стратегического замысла Верховного Главнокомандования. Завершение каждого наступательного маневра наших войск неизбежно создавало новые благоприятные условия для нанесения еще более мощных ударов, чтобы выполнить новый маневр, вытекавший из единого стратегического замысла.

В планировании наступательных операций Красной Армии определяющим фактором всегда являлась оперативная или стратегическая цель, в зависимости от масштаба операции, и ей подчинялись все вопросы тактического порядка, в том числе выбор участков и направлений ударов при прорыве. Это придавало операциям большую целеустремленность; все тактические эпизоды и бои подчинялись единому, заранее разработанному плану операции в целом. Советское командование никогда не становилось на платформу «примата тактики над стратегией», ибо оно не видело в этом нужды, так как операции обеспечивались в полной мере необходимыми силами и средствами.

С точки зрения выявления именно этой особенности оперативного искусства Красной Армии Берлинская операция представляет несомненный интерес как образец глубоко продуманной, блестящей по замыслу и выполнению современной крупной наступательной операции с решительной стратегической целью.

Если мы рассмотрим ряд предшествующих крупных наступательных операций Красной Армии, то увидим, что по своему замыслу, по идее, заложенной в них, они значительно отличались одна от другой, так как советское командование, чуждое всякого шаблона, каждую операцию планировало в зависимости от тех конкретных условий обстановки, в которой та или другая операция проводилась.

Сталинградская наступательная операция осуществлялась в условиях, когда в районе Сталинграда в результате мужественной обороны этого города нашими войсками оказалась скованной крупная и компактно-расположенная неприятельская группировка, ограниченная в возможности осуществления оперативно-стратегического маневра. Немецкое командование располагало на Сталинградском направлении ограниченными оперативными резервами, так как все наличные резервы были втянуты в безуспешные и кровопролитные бои за Сталинград. К этому следует добавить, что наши войска занимали по отношению к основной группировке противника охватывающее положение, так как фронт представлял собой громадную дугу, обращенную своей выпуклой частью на восток.

В этих условиях операция планировалась, а затем в точном соответствии с планом и осуществлялась как операция на окружение основной неприятельской группировки; двусторонний удар наносился с целью затягивания того гигантского «мешка», в котором оказались немецкие армии, выдвинувшиеся к Сталинграду.

Ближайшая стратегическая цель — окружение и уничтожение главной группировки немецких войск, создание решительного перелома в ходе кампании на юге — достигалась сходящимися ударами мощных ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Ликвидация окруженной группировки была отделена значительным промежутком времени от момента завершения операции по окружению. В течение этого времени были осуществлены две крупные наступательные операции с целью решительной ликвидации попыток противника освободить свою окруженную группировку.

Разгром центральной группировки немцев в ходе Берлинского сражения осуществлялся в иной и значительно усложненной обстановке.

Для достижения поставленной стратегической цели — разгрома центральной группировки врага и овладения Берлином — советские войска прежде всего сталкивались с необходимостью прорыва мощного неприятельского оборонительного рубежа на западном берегу Одера, в особенности сильно укрепленного непосредственно на Берлинском направлении. Наши войска находились здесь примерно лишь в 60 км от восточных окраин Берлина. Поэтому естественно, что германское командование приняло все меры к тому, чтобы превратить всю местность между Одером и Берлином в сплошную укрепленную полосу. Нужно отметить, что местность на западном берегу Одера в чрезвычайной степени облегчала организацию сильной обороны. Она изобиловала большим количеством рек, болот и каналов, которые в условиях весеннего половодья представляли труднопреодолимые препятствия как для танков, так и для пехоты. Здесь имелись крупные лесные массивы, также выгодные для организации упорной обороны. В полосе наступления наших войск было расположено большое количество крупных населенных пунктов городского типа, каждый из которых легко превращался в сильный опорный пункт или узел сопротивления.

Немецкие войска создали на западном берегу Одера мощную систему обороны, состоявшую из трех сильных оборонительных полос. Каждая из них состояла из двух-трех оборонительных позиций. Глубина каждой полосы достигала 4—6 км. Подступы к ним были прикрыты различными заграждениями: минными полями, проволочными заграждениями, надолбами и т. п. Была создана огневая плотность, значительно более высокая, чем в других оборонительных операциях, в силу того, как мы уже отмечали, что немцы использовали здесь всю массу зенитных орудий берлинской зоны ПВО. Для прикрытия своего оборонительного рубежа с воздуха немцы широко использовали также авиацию из системы ПВО Берлина.

Помимо этих трех оборонительных рубежей, имелся еще так называемый берлинский оборонительный обвод, представлявший собой систему оборонительных сооружений, кольцом опоясавший вражескую столицу и опиравшийся на постройки пригородов.

Если в районах Сталинграда, Корсунь-Шевченковского, Ясс и Кишинева конфигурация фронта благоприятствовала осуществлению маневра на окружение, так как наши войска занимали охватывающее положение по отношению к противнику, то под Берлином фронт проходил по Одеру почти прямолинейно с севера на юг. К этому следует добавить, что операция в полосе 1-го Белорусского фронта могла развиваться, в основном, с наличных плацдармов на западном берегу Одера, что определяло уже основные направления наших ударов и, что особенно важно подчеркнуть, лишало нас в значительной степени преимуществ оперативно-стратегической внезапности.

Чисто фронтальное наступление в этих условиях вряд ли могло дать большой эффект, и во всяком случае оно было бы связано с громадными потерями и потребовало бы для достижения поставленной цели весьма длительного промежутка времени. Вряд ли здесь можно было бы достигнуть быстрого успеха и охватывающим маневром внешними флангами обоих фронтов с целью окружения всей центральной группировки. Этому мало благоприятствовала конфигурация фронта. Кроме того, если бы такой маневр даже и удался и было бы осуществлено оперативное окружение центральной группировки противника, то последующая ликвидация этой группировки, опиравшейся на такой исключительно выгодный для обороны район, включая один из крупнейших городов мира — Берлин, притом заблаговременно приспособленный к обороне, была бы сопряжена также с очень большими трудностями и потребовала бы длительного срока, что было особенно невыгодно в той конкретной стратегической обстановке.

План Берлинской операции, разработанный по указаниям Верховного Главнокомандования, поражает прежде всего целеустремленностью и соответствием той обстановке, в условиях которой он должен был проводиться в жизнь.

Советским командованием был разработан план, исходивший из необходимости достижения намеченной стратегической цели и вытекающих из нее частных оперативных целей, подчинявший этому основному фактору все вопросы тактического порядка. Общий план операции был разработан с возможной полнотой на всю операцию.

Кроме того, советское командование сосредоточило на Берлинском направлении такое количество сил и средств, которое полностью обеспечивало выполнение принятого плана. Неуклонно и успешно проводимая в ходе войны Верховным Главнокомандованием Красной Армии линия на решительное изменение соотношения сил дала свои результаты и позволила на решающем этапе войны добиться решительного превосходства в силах над противником на основных направлениях.

Важнейшая проблема лишения врага свободы маневра, сковывания резервов последнего и рассредоточения его сил на максимально широком фронте здесь также была успешно разрешена. Наступление было организовано одновременно на широком фронте — около 275 км, считая и участок 2-го Белорусского фронта от моря до района Шведт, на котором войска этого фронта, сменив войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, также наносили удар в западном направлении из района севернее и южнее Штеттина.

Основные удары наших войск развивались как севернее, так и южнее Берлина при одновременном развитии фронтального удара частью сил 1-го Бе-



лорусского фронта непосредственно на Берлин с востока. В этих условиях все возможности немецкого командования в отношении маневра резервами были парализованы. Ослабление противником своих флангов севернее или южнее Берлина облегчило бы нашим войскам возможность успешного завершения охвата Берлина с флангов. С другой стороны, попытки в ходе сражения усилить свои фланги за счет центра облегчали бы нашим войскам прорыв центра неприятельской обороны непосредственно на Берлинском направлении. Расстояние от исходного положения наших войск до Берлина было наименьшим, и всякое ослабление обороны на этом направлении могло бы привести наши войска в течение считанных часов к восточным окраинам города.

Таким образом, намеченный замысел операции лишал немецкое командование возможности осуществления какого-либо крупного контрманевра силами, сосредоточенными на Берлинском направлении. Противник мог использовать лишь резервы, переброшенные либо с других отдаленных участков фронта (что было также маловероятно, ибо наступление развертывалось на всем советско-германском фронте), либо за счет переброски сил из глубины Германии или с западно-европейского фронта. И то и другое было трудноосуществимым

в большом масштабе, так как немецкое командование к этому времени уже почти не располагало свободными стратегическими резервами; кроме того, союзные армии также в это время развивали свое наступление на восток. Все же немцы, правильно считая, что именно под Берлином решается исход войны, в ходе сражения для усиления своей обороны в районе Берлина перебросили сюда свыше 12 дивизий, не считая отдельных полков и батальонов, при этом в маневре резервами участвовала только одна дивизия из состава соединений, действовавших в полосе наступления обоих наших фронтов; остальные резервы были переброшены с западно-европейского фронта (6 дивизий) и с других участков советско-германского фронта.

В рассматриваемой операции немцы по отношению к наступающим войскам Красной Армии оказались в положении стороны, действующей по внутренним операционным направлениям. Однако в ходе рассматриваемого сражения еще раз наглядно подтвердилась старая истина, что действия по внутренним операционным направлениям выгодны лишь тогда, когда применяющая их сторона располагает достаточной территорией и временем для осуществления маневров, а также достаточным количеством резервов. В рассматриваемом сражении в результате вышеизложенного замысла операции и стремительности темпов наступления Красной Армии немцы лишились преимуществ действий по внутренним операционным направлениям.

Основной замысел операции, как уже отмечалось, заключался в нанесении по неприятельской группировке нескольких ударов с целью расчленения ее на две меньшие группировки, окружения каждой из них в отдельности и последующего их уничтожения. Одна группировка должна была подвергнуться окружению в районе Берлина и другая — юго-восточнее германской столицы. При таком решении стоявшей перед командованием Красной Армии стратегической проблемы несколько упрощался маневр, уменьшались неудобства, обусловливавшиеся конфигурацией фронта, и, наконец, вместо решения сложной задачи — уничтожения крупной, централизованно управляемой вражеской группировки — наши войска должны были ликвидировать силы противника, уже разобщенные на изолированные части.

Самым же важным и основным с точки зрения облегчения достижения главной стратегической цели — овладения столицей фашистской Германии — являлось то обстоятельство, что на период решающих боев за Берлин значительная часть сил противника (основные силы 9-й немецкой армии) выключалась из этой борьбы, будучи окруженной и изолированной в лесах юго-восточнее Берлина.

Одновременно с решением этой задачи наши войска получили другую, также важную задачу — наступлением на запад (к р. Эльба) южнее Берлина рассечь неприятельский фронт на всю глубину и на р. Эльба соединиться с войсками союзников, достигнув тем самым расчленения всей территории Германии и ее вооруженных сил на две изолированные части, способствуя этим скорейшему завершению полного военного разгрома Германии.

В Берлинской операции было искусно применено сочетание дробления неприятельского фронта, расчленения на две части крупнейшей неприятельской группировки и одновременное окружение двух вражеских группировок.

Задача, поставленная 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам, разрешалась ударами наших войск в обход Берлина с севера и с юга с одновременным нанесением фронтального удара по основной группировке немецких войск, оборонявшей Берлин и подступы к нему с востока, с тем чтобы окружить ее и, расчленив, уничтожить. Одновременно развертывалось наступле-

ние центра 1-го Украинского фронта в западном направлении — на Виттенберг и Торгау — для соединения на Эльбе с американскими войсками.

Таким образом, в результате умело построенного маневра одновременно разрешались три важные оперативные задачи, вытекавшие из общей стратегической цели: окружались две крупные группировки немцев и создавались весьма выгодные условия для ликвидации изолированной в районе Берлина основной неприятельской группировки и захвата Берлина. Путем разгрома вражеской обороны на всю глубину, осуществлялось соединение наших войск с войсками союзников на Эльбе.

Все крупные наступательные операции Красной Армии в Отечественной войне выполнялись одновременными сопряженными усилиями нескольких фронтов. Например, Ясско-Кишиневская, Корсунь-Шевченковская операции осуществлялись силами двух фронтов, Сталинградская — силами трех фронтов, Белорусская — силами четырех фронтов.

В сражении под Берлином для достижения единой стратегической цели взаимодействовали два фронта. Опыт этой операции подтвердил еще раз и достаточно наглядно, что в современных условиях крупная стратегическая цель обычно может быть достигнута лишь в результате совместных усилий двух или более взаимодействующих фронтов.

Прорыв и осуществление маневра. Немалую роль в успехе такого сложного маневра сыграла стремительность нашего наступления, его высокие темпы. Это в свою очередь было достигнуто в результате быстрого прорыва неприятельской заблаговременно подготовленной обороны и стремительного развития удара в оперативной глубине. Стремительность маневра спутала все карты противника, помешала ему осуществить крупные контрмероприятия для парирования или задержки нашего наступления либо для вывода из-под ударов своих войск, когда над ними нависала угроза окружения. Подбрасываемые немецким командованием резервы громились нашими войсками с хода, по частям; противнику не давалось времени на стабилизацию обороны на промежуточных рубежах.

Опыт предыдущих наступательных операций показал, что наибольший эффект достигается при прорыве неприятельской обороны в тех случаях, когда наступление организуется на широком фронте, а прорыв производится одновременно на нескольких направлениях. Это маскирует подготовку к наступлению, мешает противнику заблаговременно выяснить направление основных ударов, рассредоточивает внимание разведки и сковывает резервы, затрудняя маневр последними. При этом достижение на направлениях основных ударов безусловного превосходства в силах, в особенности по артиллерии, танкам и авиации, было обязательным условием организации наступательных операций, проводимых Красной Армией.

В рассматриваемой операции наши войска перешли в наступление, как мы уже указывали выше, одновременно на широком фронте, причем войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов осуществляли прорыв одновременно более чем на пяти направлениях, что привело к раздроблению всего неприятельского оборонительного фронта на отдельные, изолированные друг от друга куски, неспособные к длительному самостоятельному сопротивлению.

На направлении основных ударов было достигнуто решительное превосходство в силах и средствах над противником. На главных направлениях создавались группировки такой большой пробивной силы, которые были способны

сломить любое сопротивление врага. Ударные группировки обеспечивались достаточным количеством танков прорыва. С воздуха наши войска поддерживались мощной авиацией, насчитывавшей в своем составе около 5 000 самолетов.

На направлениях основных ударов наши войска строили глубоко эшелонированные боевые порядки, что обеспечивало поддержание на необходимом уровне пробивной силы наступающих войск в течение всего процесса прорыва.

Уместно отметить, что с целью создания более компактной группировки на основном, Берлинском, направлении незадолго до начала операции была произведена некоторая перегруппировка войск. Закончившие операцию по ликвидации восточно-прусской и померанской немецких группировок войска 2-го Белорусского фронта вышли к Одеру и сменили части правого крыла 1-го Белорусского фронта на участке от моря до Шведт. Таким образом, войска 1-го Белорусского фронта могли сосредоточить все свое внимание на решении основной задачи — овладении Берлином, в то время как 2-й Белорусский фронт наступал на запад из района севернее и южнее Штеттина.

Наступлению на Берлинском направлении предшествовала тщательная и всесторонняя подготовка как в отношении боевой готовности войск, ведения разведки, накопления запасов, осуществления необходимых перегруппировок, подтягивания резервов, так и в отношении подготовки плацдармов для наступления и организации форсирования рек, так как на ряде участков первоначальный этап наступления был связан с необходимостью форсирования рек Одер и Нейсе.

Следует отметить, между прочим, как характерную особенность многих крупных наступательных операций Красной Армии, что все они начинались с форсирования значительных водных преград, либо им предшествовали частные операции по захвату плацдармов на берегу противника и по расширению последних. Так было в Сталинградской, Киевской, Крымской, Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и, наконец, Берлинской операциях. Объясняется это тем обстоятельством, что противник, стремясь сделать свою оборону максимально прочной, при выборе оборонительных рубежей отдавал предпочтение тем из них, которые прикрывались значительными водными преградами. Поэтому, нам кажется, что наступление с форсированием водной преграды едва ли можно рассматривать как какой-то особый вид наступления, ибо оно является обычным и наиболее часто применяемым видом наступления.

Как известно, р. Одер была форсирована нашими войсками с хода во время последнего этапа наступления 1-го Белорусского фронта от Вислы к Одеру в конце января 1945 года. Весь промежуток времени от выхода наших войск на Одер до начала Берлинской операции был заполнен большими и малыми боями с целью удержания за собой захваченных плацдармов и их расширения. В результате частных операций нам удалось расширить основной плацдарм на западном берегу Одера, в районе западнее Кюстрина, до таких размеров, что оказалось возможным сосредоточить на нем перед началом наступления большое количество войск и техники. Кроме того, в связи с расширением плацдарма и увеличением его глубины наши войска получили возможность организовать необходимое количество мостовых переправ, обеспечивавших как нужды оперативных перегруппировок, так и потребности подвоза. Хорошо была налажена и противовоздушная оборона переправ, что приобрело особо важное значение, так как основные усилия вражеской авиации были направлены на ликвидацию переправ через Одер.

Как показывает опыт этой и ряда предшествовавших операций, необходимость наступления с плацдармов накладывает специфический отпечаток на

организацию наступления, группировку сил и средств. Направления ударов в этих условиях привязываются к определенным участкам местности, что позволяет противнику заблаговременно усиливать оборону на участках, противостоящих плацдармам, и создавать соответствующую группировку своих резервов. Наступление с плацдармов требует сосредоточения большого количества войск и техники обычно на ограниченных территориях. Для вывода войск на плацдармы по ограниченному числу переправ нужен тщательно разработанный план. Необходимость скрытого от противника размещения сосредоточиваемых войск требует больших работ по инженерному оборудованию плацдарма с целью увеличения его емкости.

Большая и напряженная работа, проделанная штабами и войсками в период подготовки Берлинской операции, обеспечила успех прорыва сильно укрепленной обороны немцев на западном берегу Одера. Прорыв был завершен в период с 16 по 19 апреля на участке наступления обоих наших фронтов.

Стремительность оперативного маневра в глубине вражеской обороны обеспечивалась наличием в составе основных ударных группировок обоих фронтов крупных танковых соединений, усиленных большим количеством самоходной артиллерии и поддерживаемых действиями авиации. Большую роль в успешном и быстром развитии маневра сыграло наличие заблаговременно выдвинутых в район сражения крупных оперативных резервов и своевременный ввод их, когда этого потребовала обстановка.

Взаимодействие между танковыми и общевойсковыми соединениями на различных участках наступления организовывалось по-разному в зависимости от конкретных особенностей обстановки. Например, танковые соединения генералов Рыбалко и Лелюшенко, составляя эшелон развития успеха и действуя на левом заходящем фланге главной группировки 1-го Украинского фронта, после прорыва тактической обороны были немедленно использованы для стремительного броска вперед, в северо-западном направлении с целью скорейшего выхода к южной окраине Берлина и в район Потсдама для окружения берлинской группировки противника. Характер наступления общевойсковых соединений на этом направлении в значительной степени определялся действиями танкового эшелона, наступавшего со скоростью свыше 40 км в сутки, с отрывом от своих войск на несколько десятков километров.

Совершенно иная обстановка сложилась в полосе действий 1-го Белорусского фронта. Как мы уже отмечали, вся 60-километровая полоса местности между Одером и Берлином была превращена в сплошную оборонительную систему, состоявшую из нескольких заблаговременно подготовленных оборонительных рубежей и большого количества населенных пунктов, превращенных в сильные узлы сопротивления. Кроме того, непосредственно на Берлинском направлении противник создал наибольшую тактическую плотность обороны, — насыщенность ее огнем была доведена до предела. Ввиду этого наступавшие танковые соединения на этом направлении действовали, в основном, в тесном тактическом взаимодействии с общевойсковым эшелоном, с его пехотой и артиллерией. Такой способ использования танков в большой степени увеличивал мощь и пробивную силу общевойсковых эшелонов, и последние, наступая с упорными боями, смогли значительно повысить свой темп продвижения, что позволило им преодолеть укрепленную зону, отделявшую их от Берлина, в течение пяти суток и к 20 апреля выйти к северо-восточным окраинам города.

К исходу 24 апреля правофланговые соединения 1-го Белорусского фронта, взаимодействовавшие с крупными танковыми частями, обошли Берлин с севе-

ра и северо-запада и вышли в район севернее Потсдама, где в ночь на 25 апреля соединились с танковыми частями 1-го Украинского фронта. Таким образом, к 25 апреля был завершен оперативный маневр на окружение, в основном, всей центральной группировки немцев, действовавшей на Берлинском направлении. Одновременно в результате выхода к юго-восточной окраине немецкой столицы войск центра 1-го Белорусского фронта и соединения их в этом районе с танковыми частями 1-го Украинского фронта, наступавшими на Берлин с юга, была выполнена другая весьма важная задача — расчленение окруженной центральной группировки немцев на две части, одна из которых осталась в окружении в Берлине, а другая оказалась окруженной в лесисто-болотистом районе юго-восточнее столицы. Последующий ввод в действие оперативных резервов как 1-го Белорусского, так и 1-го Украинского фронтов позволил создать вокруг второй группировки плотное кольцо окружения и значительно увеличить «перемычку» между нею и берлинской группировкой. «Франкфуртско-губенская» группировка противника, насчитывавшая в своем составе около 14 дивизий и ряд специальных частей, были полностью изолированы от берлинской группировки, и в период решительных боев за немецкую столицу они не смогли помочь войскам, оборонявшим непосредственно район города. Это, несомненно, в чрезвычайной степени облегчило Красной Армии выполнение такой сложной задачи, как овладение одним из крупнейших городов мира, заранее подготовленным к упорной обороне.

Одновременно с осуществлением маневра по расчленению и окружению центральной группировки немцев, как указывалось уже ранее, наносился удар частью сил 1-го Украинского фронта с задачей скорейшего прорыва вражеской обороны и дальнейшего развития удара на запад, быстрого преодоления немецкой обороны на оперативную глубину (130—160 км) и выхода на р. Эльба для соединения с войсками союзников. Этот маневр был также успешно осуществлен.

Ликвидация окруженных группировок. В ходе Отечественной войны Красная Армия неоднократно проводила операции по ликвидации окруженных вражеских группировок, причем в различных операциях эта задача осуществлялась по-разному, так же как по-разному осуществлялся и самый маневр на окружение, что свидетельствует об отсутствии шаблона в нашем оперативном искусстве.

В сражении под Сталинградом советские войска, окружив основную группировку немецко-фашистских войск и используя отсутствие у противника готовых оперативных резервов, оставили часть сил для блокады окруженной группировки, а основными силами развивали стремительное наступление на запад и юго-запад, чтобы максимально разгромить неприятельские группировки, создаваемые для деблокирования окруженных армий. Только после решения этой задачи советские войска осуществили операцию по ликвидации окруженной группировки.

В сражении под Корсунь-Шевченковским к моменту завершения окружения неприятельской группировки немецкое командование имело в резерве две сильные танковые группы, немедленно перешедшие в наступление с целью прорыва кольца окружения извне и освобождения окруженных войск. В этих условиях задачей войск Красной Армии явилась скорейшая ликвидация окруженной группировки и одновременно создание сильной обороны на пути наступающих танковых группировок с тем, чтобы задержать наступление последних до завершения ликвидации окруженной группировки. После ликвидации окруженной группировки наши войска возобновили наступление и разгромили обе вражеские танковые группы.

Ликвидация вражеских группировок, окруженных в ходе Берлинского сражения, происходила в оригинальной и своеобразной обстановке. Здесь необходимо было одновременно ликвидировать две крупные группировки, причем в условиях, когда сложившаяся обстановка заставляла врага драться с отчаянием смертников.

Группировка, окруженная в районе Берлина, насчитывала в своем составе не менее 200 000 человек. Она опиралась на территорию громадного города, заблаговременно подготовленного к обороне. Таким образом, ликвидация этой группировки была связана с необходимостью ведения упорных уличных боев. «Франкфуртско-губенская» группировка была окружена в лесисто-озерном районе, который представлял исключительные трудности для действий наших войск и сильно облегчал организацию упорной обороны.

Берлинская группировка имела своей задачей до последней крайности удерживать столицу гитлеровской Германии — Берлин. «Франкфуртско-губенская» группировка, наоборот, не была связана с районом, в котором она оказалась окруженной, и стремилась во что бы то ни стало прорваться из окружения, для того чтобы помочь берлинской группировке, а в дальнейшем, быть может, соединиться с ней для усиления обороны Берлина.

Ликвидация неприятельской группировки в Берлине совпадала с основной стратегической задачей Красной Армии — захватом столицы Германии. Вражеские войска, оборонявшие Берлин, были обеспечены большим количеством боевой техники и достаточным запасом боеприпасов. Борьба в городе была завершена в течение 12 дней — весьма короткий срок, принимая во внимание величину города и силы защищавших его войск.

В отношении «франкфуртско-губенской» группировки немцев перед нашими войсками стояла задача: не прекращая и не ослабляя ударов по Берлину, ликвидировать эту группировку, ни в коем случае не допуская прорыва ее в западном или северо-западном направлениях. С большими потерями она была отброшена в район Вендиш-Бухгольц, Хальбе. Окруженные войска предприняли попытку прорваться в западном направлении — из района Хальбе на Лукенвальде. С этой целью были осуществлены сопряженные удары силами самой окруженной группировки в западном направлении и значительной группы войск из района Гольцов, Бельциг в восточном направлении, навстречу удару «франкфуртско-губенской» группировки.

Первая попытка немцев вырваться из окружения завершилась тем, что группа неприятельских войск, продвинувшаяся 26 апреля из района окружения в леса в 10 км западнее Хальбе, была на следующий день полностью уничтожена ударами наших резервов. Однако 29 апреля силами всей окруженной группировки был нанесен новый удар из района Хальбе на запад. В результате действий наших резервов прорывавшаяся группировка, продвинувшись на 35 км и достигнув головными частями района Лукенвальде, сильно растянулась и затем рядом ударов с севера и юга была разрезана на куски и к 30 апреля полностью ликвидирована. Попытка немецких войск пробиться навстречу этой группировке из района Гольцов, Бельциг вообще не удалась.

Все это, с одной стороны, еще раз подчеркивает, что Берлинское сражение проходило в весьма напряженной и динамической обстановке, а с другой — свидетельствует о высоком оперативном искусстве нашего командования. Ни в какой степени не приостанавливая и не ослабляя ударов по Берлину, советское командование, учитывая важность изоляции «франкфуртско-губенской» группировки с точки зрения дальнейшего хода Берлинской операции в целом, приняло действенные меры в этом направлении.

Оперативное обеспечение. Опыт всех крупных операций с решительной целью, проведенных Красной Армией в ходе Отечественной войны, показал, что с успешным завершением маневра на окружение операция отнюдь не заканчивается, а лишь вступает в новую фазу своего развития. Окруженная крупная группировка может сопротивляться в течение довольно длительного промежутка времени; она, как правило, предпринимает попытки прорыва из окружения. Длительность процесса ее ликвидации предоставляет неприятельскому командованию время на перегруппировку своих сил и создание новой группировки для осуществления удара извне с целью прорыва кольца окружения и освобождения блокированных войск. Поэтому процесс ликвидации окруженной группировки зачастую осуществляется с напряженными боями, с одной стороны, с окруженной группировкой, а с другой — с атакующими извне неприятельскими частями. Именно так проходил процесс ликвидации окруженных группировок в сражениях под Сталинградом, Корсунь-Шевченковским, в Прибалтике, в Восточной Пруссии.

Кроме того, немецкое командование, как это выявилось в ходе некоторых наступательных операций Красной Армии, стремясь всеми силами задержать наше наступление обороной на промежуточных рубежах, одновременно пыталось замедлить или сорвать его ударами по флангам наступающих войск, используя для этого резервы, подбрасываемые из глубины. Так было под Сталинградом, при наступлении наших войск с целью разгрома белгородско-харьковской группировки немцев (август 1943 г.), при наступлении войск 1-го Белорусского фронта от Вислы к Одеру (январь 1945 г.).

В то же время характерной особенностью всех наступательных операций наших войск являлось то, что план, разработанный советским командованием для той или иной операции, несмотря на яростные попытки врага помешать его осуществлению, неизменно проводился до конца без сколько-нибудь существенных изменений. Объясняется это в первую очередь тем, что обеспечению операций командованием Красной Армии всегда уделялось особое внимание. Задача оперативного обеспечения наступления решалась по-разному. Под Сталинградом ликвидация неприятельских попыток освободить окруженную группировку была достигнута наступательными операциями войск правого крыла Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта (декабрь 1942 г.), а затем войсками Сталинградского фронта против группы Манштейна. Под Корсунь-Шевченковским эта задача была выполнена путем организации жесткой обороны, надежно преградившей путь атакующим танковым группировкам врага. Попытке противника воздействовать на открытый правый фланг войск 1-го Белорусского фронта в январском наступлении 1945 г. наше командование вначале противопоставило сильные заслоны, организуемые за счет резервных частей фронта, а затем в марте 1945 г. провело специальную операцию с целью разгрома так называемой померанской группировки немцев, висевшей над северным флангом 1-го Белорусского фронта.

В Берлинской операции все попытки противника освободить из окружения свою «франкфуртско-губенскую» группировку ударами как изнутри, так и извне были парированы силами тех соединений, которые участвовали в маневре окружения, а также путем использования сильных оперативных резервов, введенных в бой в ходе сражения. При помощи этих резервов удалось быстро устранить опасность воссоединения обеих окруженных группировок. При помощи оперативных резервов 1-го Украинского фронта были отражены попытки прорыва немцев в западном направлении и окончательно ликвидирована сама «франкфуртско-губенская» группировка.

Обеспечение внешних флангов основных ударных группировок фронтов в рассматриваемой операции достигалось следующим образом. Внешний фланг правого крыла 1-го Белорусского фронта, наступавшего севернее Берлина, обеспечивался наступлением правофланговых соединений фронта в общем направлении на Ной-Руппин, Виттенберг и выдвижением сильных отрядов- заслонов, занимавших оборону по южному берегу канала Финов фронтом на север. Кроме того, правый фланг 1-го Белорусского фронта в процессе развития наступления, в дальнейшем, надежно обеспечивался с севера наступлением от Одера в западном направлении войск 2-го Белорусского фронта. На этом направлении противником не предпринималось крупных попыток воздействовать на северный фланг 1-го Белорусского фронта.

Несколько по-иному сложилась обстановка на внешнем фланге главной группировки 1-го Украинского фронта. Этот фланг обеспечивался с юга наступлением в западном направлении от р. Нейсе из района севернее Герлиц общевойсковых и кавалерийских соединений центра 1-го Украинского фронта в общем направлении на Дрезден. Здесь противник сделал довольно решительную попытку воздействовать на фланг главной группировки 1-го Украинского фронта, сорвать наступательную операцию и создать сложную оперативную обстановку. С этой целью немецкое командование сосредоточило в районе Герлица группировку в составе двух танковых и одной пехотной дивизий и в период с 21 по 24 апреля пыталось развить удар из этого района в северном направлении. Вот здесь-то и сыграла свою положительную роль группировка наших войск, наступавшая на Дрезденском направлении. Немцы втянулись в затяжные бои с войсками обеспечивающей группировки; их наступление к 24 апреля выдохлось, а затем наши войска в короткий срок ликвидировали и тот незначительный успех, который был достигнут немцами в первые дни развития контрудара.

Как и в предыдущих операциях, благодаря своевременно принятым нами мерам по обеспечению флангов, немцам ни в какой мере не удалось повлиять на ход операции и заставить наше командование отклониться от выполнения намеченного плана.

* * *

Заканчивая на этом краткий разбор Берлинской операции, мы считаем, что она, являясь завершающей операцией Великой Отечественной войны, в то же время была наивысшим образцом сталинского оперативного искусства Красной Армии, синтезом всего боевого опыта, накопленного и творчески освоенного нашими войсками в ходе Отечественной войны.



ОТ РЕДАКЦИИ

Вы читаете этот номер журнала как раз в то время, когда отмечается знаменательная дата — **75-летие Великой Победы**. В такой святой для любого из нас момент считаем своим долгом еще раз вспомнить наших уважаемых авторов-фронтовиков, плодотворно сотрудничавших с журналом долгие годы. Сегодня мы посвящаем их трудам специальную **рубрику-ретроспективу**, где представлены статьи прошлых лет по актуальным и ныне проблемам военной теории и практики.

И пусть с нами рядом уже нет этих заслуженных ветеранов Великой Отечественной, настоящих военных Мыслителей, их методологические подходы к исследованию военного дела и определению перспектив его развития останутся востребованными на десятилетия вперед. Как мудрые Наставники они подготовили не одно поколение военных ученых и продолжают сегодня жить в делах и научных трудах своих многочисленных учеников. И конечно, они живы в сердцах и в памяти всех тех из нас, кому посчастливилось вместе с этими поистине великими Авторами подготовить для журнала целый ряд глубоких по содержанию научных публикаций.

Пополнив собой ряды БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА, они навечно останутся и в Почетном строю авторов-фронтовиков журнала «Военная Мысль»!

Еще раз о военной футурологии*

Генерал-майор в отставке И.Н. ВОРОБЬЕВ,
доктор военных наук, профессор



ВОРОБЬЕВ Иван Николаевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, почетный профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе, действительный член Международной академии информатизации и Академии военных наук — родился 22 июня 1922 года. Участник Великой Отечественной войны — с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года.

В годы войны прошел боевой путь от курсанта до майора — командира стрелкового батальона. За отличия в боях награжден тремя орденами, в том числе орденом Красного Знамени. В общей сложности имеет 25 правительственных наград.

В Вооруженных Силах СССР с 1940 года. В 1950 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе с отличием и золотой медалью; в 1955 году — адъюнктуру академии. Проходил службу на преподавательской работе на кафедре тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе в течение 17 лет и служил в научном подразделении Генерального штаба ВС СССР 16 лет. В войсках занимал должность заместителя командира дивизии.

До конца жизни (02.04.2018) являлся профессором Общевойсковой академии ВС РФ. Автор более двухсот научных работ по тактике и оперативному искусству, среди них — капитальные военно-теоретические труды «Принципы общевойскового боя», «Военная футурология»; является соавтором трудов «Тактика» из серии «Библиотека офицера», «Боевые действия в особых условиях», «Боевые действия ночью», «Методология военно-научного познания», «Культура военного мышления», «Боевые действия в вооруженном конфликте», «Тактика миротворческих сил», «Контртеррористическая операция», «Тактика общевойскового боя»; ежегодно выступает на страницах журнала «Военная Мысль». Ряд его статей удостоен Первой премии министра обороны РФ. За цикл работ о тактике И.Н. Воробьеву в 2000 году присуждена премия Академии военных наук имени А.А. Свечина.

---

* **От редакции.** По данной теме генерал И.Н. Воробьев уже выступал во втором номере журнала в 1996 году со статьей «Военная футурология как особая форма военно-го предвидения». Автор в последующем продолжил работать над этой темой. Его монография «Военная футурология», изданная в 1997 году в Военной академии имени М.В. Фрунзе, затем была доработана и дополнена в соавторстве с доктором военных наук, профессором В.В. Кругловым и издана под названием «Основы военной футурологии» в 2000 году. В переработке третьего издания монографии принял участие еще один автор — доктор космологии, доктор военных и физико-математических наук А.И. Суптель. Монография с их соавторством под названием «Военная футурология» ограниченным тиражом издана в 2001 году в Общевойсковой академии ВС РФ и Военной академии им. Петра Великого.

Как истинный энтузиаст от науки И.Н. Воробьев не удовлетворен тем, что военная футурология до сих пор находится у нас «на обочине» военной науки, и просит дать ему возможность еще раз выступить с аргументированной статьей по этому поводу.

ФУТУРОЛОГИЯ «как область научных знаний, ставящая целью предвидение будущего развития человеческого общества и отдельных сфер жизни общества»[1], в советский период получила, также как и наука кибернетика, резкое неприятие по идеологическим мотивам. В видных философских трудах отмечалось: «Марксизм-ленинизм отвергает буржуазную футурологию, поскольку она не имеет предмета исследования»[2].

Такое ортодоксальное отрицание нового научного направления надолго затормозило у нас его развитие и нанесло ощутимый ущерб, в частности, военной науке. Возможно, по этой причине военная футурология и сейчас находится как бы в «подвешенном состоянии». Наша попытка привлечь внимание к этой проблеме пока оказалась безрезультатной, видимо, недостаточно убедительными были аргументы. Попытаемся дополнить и расширить их.

Поставим вопрос так: почему все же нужна некая «наука о будущем», или, как ее называли изначально, «прогностика», «футуристика», а позже — «футурология»? Определенным толчком к зарождению такой науки явились явные провалы в области военных прогнозов, с особой яркостью проявившиеся в части определения продолжительности и характера Второй мировой войны. Это побудило ученых к поиску принципиально новых методов политического, военного и социологического прогнозирования. Положение еще более усугубилось уже в наше время, когда кончилась эра «классических» войн и началась полоса войн новой технологической эпохи — эпохи информатики, космоса, электроники, робототехники, искусственного интеллекта.

Сравнительно небольшие по пространственному размаху локальные войны последних десятилетий (имеются в виду война в зоне Персидского залива 1991 года и война в Ираке в 2003 году) оказались непредсказуемыми для военной теории из-за нетрадиционного способа их ведения. Это еще раз подтверждает, что выработанные ранее методы прогнозирования военных событий далеки от совершенства. Стало очевидным, что необходимо не просто делать упор на интуитивное предвидение, а изыскать более эффективные методы прогнозирования, которые отмечались бы высокой степенью обоснованности, научной аргументированностью, логичностью и объективностью. Все это семь десятилетий назад стало причиной формирования новой ветви в науке в виде футурологии.

Полагаем уместным привести примеры того, какой резонанс в зарубежных странах имело развитие новой методологии прогнозирования не только для военных целей, но и целей экономики. Прагматичные американцы еще на стадии зарождения новой прогностичной науки сумели оценить, какую «выгоду» можно получить, если оперативно использовать данные, содержащиеся в прогнозах. По их утверждениям, каждый доллар, вложенный в разработку прогнозов, через короткое время оборачивается пятьюдесятью долларами чистой прибыли[3]. Такая выгода, посчитали они, возможна не только в экономике. В послевоенное время Америку охватил настоящий футурологический бум, стал быстро увеличиваться поток прогностических исследований — издано немало трудов по этой проблематике, наибольшую популярность среди которых получили: «Экономические прогнозы и принятие решений» Г. Тейла

---

[1] См. Словарь русского языка. Изд. 2-е, М.: Изд. «Русский язык», 1984. Т. 4. С. 589.

[2] Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики. М.: Воениздат, 1982. С. 147.

[3] См. Фесенко Р. «Бум прогнозов» в США // Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 3.

(1965), «12 способов предсказания» Д. Белла (1964), «Социальная технология» О. Гелмера (1966), «Прогностика» Ф. Полака (1968), О. Тоффлера «Футурошок», «Экоспазм» (1975), «Третья волна» (1980).

В военной области настоящее потрясение имели работы Г. Канна «О термоядерной войне» (1960), «Размышления о немыслимом» (1965), «Об эскалации» (1966), «Год 2000» (1967).

Одновременно в США стали создаваться многие исследовательские прогностические учреждения, в том числе крупнейшая корпорация «Рэнд корпорейшн», а также специализированные фирмы, названные «торговцами прогнозов». К 1965 году число американских учреждений, занимающихся разработкой только научно-технических прогнозов, достигло трехсот, а к 1967-му году это число удвоилось[4].

Особое внимание уделялось развитию прогнозов в оборонной области. При командованиях видов вооруженных сил были созданы научно-исследовательские центры по прогнозированию. Так, при командовании ВВС в таком центре в 1960-х годах насчитывалось более 5000 экспертов-прогнозистов[5].

Футурология как новое направление в науке оказала свое влияние и в западноевропейских странах. Так, в ФРГ в 1960-х годах только для экономического прогнозирования было создано 27 институтов. Нечто подобное имело место и в Великобритании, Франции, Италии и Японии[6].

В Советском Союзе, хотя футурология официально и не признавалась, прогностические исследования в экономике, социологии, политологии, информатике проводились довольно успешно. В 1960—70-х годах вышло в свет большое число трудов по этой проблематике, в числе которых получили известность работы Г.М. Доброва «Прогнозирование науки и техники» (1969), И.В. Бестужева-Лада «Окно в будущее» (1970), В.В. Косолапова «Информационное обеспечение и прогнозирование науки» (1970), В.А. Лисичкина «Отраслевое научно-техническое прогнозирование» (1971), С.А. Саркисяна «Теория прогнозирования и принятия решений» (1977).

Развитие теории прогнозирования в военной области происходило в русле других общественных наук по общим законам материалистической диалектики, и здесь были достигнуты ощутимые научные результаты. Так, в 1950—60-х годах в связи с принятием на оснащение Вооруженных Сил ракетно-ядерного оружия были в кратчайшие сроки выработаны принципиально новые взгляды на характер вооруженной борьбы будущего, роль и место в них видов Вооруженных Сил и родов войск. Практически в это время была заново разработана стратегия ведения широкомасштабной войны в новых условиях.

В 1970—80-х годах, когда произошел резкий скачок в развитии информационных и управляющих систем, появились военно-космические средства и наметился крупный прорыв в развитии обычных средств борьбы, когда происходила форсированная разработка и массовое внедрение в войска систем управляемого высокоточного оружия, советская военная наука в основном верно сумела определить новые ориентиры в военном строительстве, обеспечении боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил.

В 1970—80-х годах у нас было издано большое количество военно-теоретических трудов по прогнозированию, среди них: М.И. Чередниченко «Теория

---

[4] Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. М.: Изд. «Мысль», 1970. С. 253.

[5] Вопросы внешнеполитического прогнозирования. М.: АА СССР, 19809. С. 372.

[6] Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. С. 252—258.

и практика военного прогнозирования»[7], Ю.В. Чуева, Ю.Б. Михайлова «Прогнозирование в военном деле»[8], «Методология военно-научного исследования»[9], И.Г. Завьялова «Скорость, пространство, время»[10]. Обобщая, можно сказать, что к концу 80-х годов прошлого столетия военное прогнозирование превратилось в общепризнанную отрасль военной науки. Об этом свидетельствует тот факт, что было разработано свыше 150 различных методов военного прогнозирования. Среди них — методика расчета соотношения сил и средств по так называемым потенциалам. Но не все проходило гладко.

Наибольшие достижения в области прогнозирования были отмечены в тех областях, которые поддаются количественным исчислениям (например, развитие систем вооружения, определение боевого потенциала группировок войск, военно-экономических возможностей сторон, соотношения сил и средств и др.). Там же, где необходимо применять качественные показатели (а это сердцевина оперативно-стратегических расчетов), прогнозирование не в полной мере отвечало потребностям военной практики. Наиболее ярко это проявилось, когда Вооруженные Силы столкнулись с необходимостью вести военные действия в нестереотипных ситуациях — в Афганистане и на Северном Кавказе.

Советская военная теория не сумела с упреждением разработать рекомендации войскам по противоборству с иррегулярными вооруженными формированиями, применявшими партизанские, диверсионно-террористические методы действий. А если заглянуть в недалекое прошлое, то для нас оказались непредсказуемыми многие из тех новых форм и способов вооруженной борьбы, которые зародились в войнах в Корее, Вьетнаме, на Ближнем Востоке.

Как видим, наряду с достижениями в отношении развития методологии прогнозирования были и очевидные провалы, и чтобы они не стали негативной тенденцией, требуется сосредоточить усилия для очередного научного «рывка» в этой области, чтобы футурология, как и в ведущих зарубежных государствах, заняла свое место на иерархической лестнице военно-научного познания. Недопустимо, чтобы отечественная военная наука теряла свои позиции и утрачивала, пожалуй, самую важную свою функцию — прогностическую. Это означало бы кризис военно-теоретической мысли.

Становится очевидным, что зарождение и развитие военной футурологии — это объективный процесс. Его можно охарактеризовать как определенный качественный рубеж в развитии военно-теоретической мысли. ***В отличие от интуитивного предвидения футурология предполагает использование всего обширного арсенала разработанных методологических средств не только в военной области, но и в других науках.*** Она интегрирует, суммирует накопленный опыт в методах прогнозирования, вырабатывает стратегию научного поиска, выступает как научная система более высокого уровня, охватывающая все отрасли военно-научных знаний, а поэтому имеет универсальный характер. Конечно, нельзя не учитывать, что военно-прогностические исследования имеют свою специфику: они далеко не всегда могут подтверждать свои выводы, гипотезы математическими расчетами — их инструментарий в основном логический.

Разработанные к настоящему времени методики поисковых и нормативных прогнозов открывают немалые перспективы для заглядывания вперед в обла-

---

[7] Чередниченко М.И. Теория и практика военного прогнозирования. М.: ВАГШ, 1989.

[8] Чуев Ю.В., Михайлов Ю.Б. Прогнозирование в военном деле. М.: Воениздат, 1975.

[9] Методология военно-научного исследования. М.: Воениздат, 1977.

[10] Завьялов И.Г. Скорость, пространство, время. М.: Воениздат, 1970.

сти развития теории и практики военного искусства. Тем не менее, их возможности в долгосрочном прогнозировании весьма ограничены. Требуется более совершенная методология прогностических поисков, которая обеспечила бы взаимоувязанность и соподчиненность прогнозов различных уровней иерархии объекта прогнозирования (войны, операции, сражения, боя), непрерывность процесса исследования, согласованность различных выводов прогнозов, выявление возникающих противоречий и путей их разрешения, корректирование полученных результатов прогноза.

Военная футурология пока что не вошла в обиход военной теории и практики во многом потому, что ее научный аппарат не полностью сформировался.

Нужно разработать своего рода «Рабочую книгу (учебник) по методологии прогнозирования», где аргументированно обосновать, насколько важно на современном этапе определять новые ориентиры в военной теории, когда устаревают выработанные в прошлом, казалось бы, незыблемые постулаты в стратегии, оперативном искусстве и тактике. Такой предмет, как «Военная футурология», должен органически войти в систему военного образования в высших военно-учебных заведениях России, поскольку овладение выработанной мировой и отечественной практикой методологией военно-научного познания важно не только для отдельных специалистов-прогнозистов, но и для практической деятельности командиров, офицеров штабов по управлению войсками.

В «Рабочей книге (учебнике)» по прогнозированию целесообразно изложить, как исторически формировалась методология военно-научного познания; как происходил процесс перехода от интуитивных поисков к созданию научного фундамента методологии военного познания и предвидения; какие имели место достижения и неудачи военно-научной мысли в XX веке; какие уроки и выводы вытекают из этого; каково современное состояние военного прогнозирования; изложить и обосновать методологические принципы военной футурологии, методы и модель прогнозирования вооруженной борьбы, необходимость системного подхода к ее исследованию; какова концептуальная система законов вооруженной борьбы, математическое представление таких законов.

«Рабочая книга (учебник)» может стать настольной книгой для генерала, офицера, если в ней будут изложены практические рекомендации по методологии исследования и прогнозирования стратегии, оперативного искусства и тактики.

Задача не ставится так, чтобы найти некий «эликсир прогноза», чтобы преодолеть «таинственную завесу времени», но пробивать «окно в будущее», познавать такое архисложное явление, как вооруженная борьба, какое влияние на ее характер окажут самые последние открытия в науке, перспективных средствах борьбы — это непреходящая задача военной науки. Без этого невозможно целенаправленно разрабатывать военную доктрину, планировать на долгие годы вперед военное строительство, реформировать Вооруженные Силы.

Военная футурология призвана выполнять не только предсказательную функцию, некую роль пророчества, прорицания, предугадывания и предвосхищения будущего, но и созидательную — «окрылять военную практику» новыми идеями. Ее методологический инструментарий — методы прогнозирования, которые, однако, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Представляется, что в первую очередь требуется обратить внимание на такие методы поисковых прогнозов, как *экстраполяция*, *корреляционные*, *системные и факторные анализы*, *теория математического моделирования*, *военные игры*, *метод аналогий*.

Особое место в этом ряду занимает ***метод экстраполяции***, дающий возможность, опираясь на использование достижений в кибернетике, определять новые ориентиры движения вперед, в том числе на отдаленное будущее. Широко распространенные в настоящее время ***методы системного***, ***факторного анализа*** нуждаются в совершенствовании, с тем чтобы они способствовали выработке рациональной военной политики, определению перспективных стратегических направлений оборонного строительства, выявляли тенденции и закономерности развития военного дела с учетом возможных новых технических прорывов.

Здесь не обойтись без использования последних достижений точных наук, социологии, политологии, военной статистики, военно-инженерной психологии.

Несомненно, в выработке новой методологии военно-научного познания футурология должна опираться на прочный и испытанный фундамент — ***методы материалистической диалектики***, способствующие более глубокому познанию законов и закономерностей происходящих военных процессов на переломном этапе их развития. Футурология по своей сути является философской прогностической наукой, поскольку ее принципы, составляющие «опорную сеть» научных исследований, всецело вытекают из принципов диалектики — это единство анализа и синтеза, индуктивных и дедуктивных методов; всесторонность исследования; аргументированность и объективность выводов; активная поисковая направленность; использование военно-исторического опыта.

Образно говоря, футурологический прогноз — это «прыжок через разрыв информации», обнаружение сущности грядущих военных явлений при очевидной неполноте исходных данных.

В этой связи позволительно сослаться на один из «законов» известного английского публициста и политолога С.Н. Паркинсона, отличающегося парадоксальностью формулировок, их остроумным содержанием. Он пишет, что «хороший руководитель находит правильное решение при недостатке информации, выдающийся — при ее отсутствии».

С.Н. Паркинсон в данном случае имеет в виду интуитивный подход — предугадывание, предвосхищение будущего на основе подсознательного опыта, дающего определенную возможность делать более или менее верные предположения. Но футурология не могла бы претендовать на статус науки, если бы основывалась только на интуиции и догадках

Эвристическое предвидение по условной градации можно отнести только **к первому уровню** научной вероятности, **второй уровень** — расчетное прогнозирование, использующее математическое моделирование, электронную вычислительную технику, автоматизированные системы, и **третий уровень** — футурологические исследования. Естественно, каждая из этих категорий имеет свою специфику, свою глубину исследования, свои методы. Их взаимосвязь основывается на принципе диалектики.

Приведем еще один «закон» С.Н. Паркинсона: «Умение рисковать — это умение проводить границу между оправданным и неоправданным риском в каждом конкретном случае». Прогноз в какой-то мере сравним с риском, поскольку нет гарантии, что он безупречен. Назначение футурологии в том и состоит, чтобы уменьшить до минимума вероятность рискованных гипотез и рекомендаций, за которыми стоят в сражении, бою роковые ошибки. И здесь мы подходим к одной из главных констант футурологии — ее взаимосвязи с военной теорией. ***Назначение футурологии состоит в том, чтобы упрочить связь теории и практики.*** Теория дает ориентиры мышлению,

а мышление направляет прогноз. Без теоретических обоснований прогноз стал бы голым пророчеством. Конечно, футурология не может брать на себя решение прикладных задач военной практики. Ее выводы нельзя рассматривать как доказательство. В отличие от точных наук в военном деле нет формальных теоретических структур, на которых мог бы базироваться прогноз. Строгая математическая выверенность аргументов, доказательств здесь далеко не всегда имеет место. Отсюда заключения футурологии носят гипотетический, рекомендательный, многовариантный характер с определенной степенью обоснованности, где не исключается и риск.

Хотелось бы выразить свое согласие с авторами статьи «О необходимости новой парадигмы военно-научных исследований» Ю.Н. Голубевым и В.Н. Каргиным, которые пишут, что «...современная военная наука, и в первую очередь военное искусство, не могут эффективно влиять на практику военного дела государства без опережающего развития военной информации, включая ее в качестве равноправной концептуальной составляющей в триаду военного дела (теория, практика, информатизация)... Реальный эффект от внедрения новых и новейших информационных технология может быть получен только при условии перехода к новой парадигме военно-научных исследований...»[11].

Современная отечественная военная наука прошла большой, сложный и противоречивый путь в своем развитии, в свое время она завоевала передовые позиции в мире, показав свою действенность, особенно в период Великой Отечественной войны, и ныне не оскудела талантами военных ученых Великая Россия.

Закончить статью хотелось бы словами знаменитого русского ученого К.А. Тимирязева: «Мочь и предвидеть — дар чудодействия и дар пророчества, вот о чем с самой своей колыбели мечтало человечество, наделяя ими своих сказочных героев. Эти два дара принесла ему наука... Оракулы древности, говорят, прорицали и впопад, но их прорицания бледнеют в сравнении с пророчеством науки наших дней»[12].

---

[11] Военная Мысль. 2008. № 1. С. 80.

[11] Воробьев И.Н., Круглов В.В., Суптель А.И. «Военная футурология». Общевойсковая академия ВС РФ, Военная академия им. Петра Великого, 2001. С. 6.

Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства

Генерал-майор в отставке В.Д. РЯБЧУК,
доктор военных наук, профессор



РЯБЧУК Виктор Дмитриевич — действительный член Российской академии безопасности, обороны и правопорядка и Академии военных наук — родился 21 марта 1924 года в селе Станишевка Таращанского района Киевской области. С первых дней Великой Отечественной войны и до ее окончания прошел боевой путь от бойца курсантского истребительного батальона до капитана — начальника разведки бригады. Участвовал в боях под Ленинградом и Воронежем, в Курской битве, в форсировании Днепра, освобождении Киева и всей Украины, в Карпатско-Дуклинской, Западно-Карпатской, Моравско-Остравской и Пражской операциях. Был ранен и контужен. Дважды полный кавалер ордена «Отечественная война».

После войны окончил Военную артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского и проходил службу в Туркестанском военном округе в должностях офицера штаба округа, начальника штаба артиллерии армейского корпуса, командира полка и командующего артиллерией дивизии. С 1961 года — в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Прошел должности от старшего преподавателя кафедры оперативного искусства до начальника кафедры управления войсками и службы штабов. После увольнения в запас до конца жизни (12.11.2011) продолжал работать в научно-исследовательском центре академии. Автор более 200 научных трудов, в том числе книг «Управление, эффективность, интеллект», «Теория управления боем», «Военная доктрина — путь к победе», удостоенных премий имени А.В. Суворова и А.А. Свечина Академии военных наук.

ЖУРНАЛ «Военная Мысль» все 90 лет со дня основания успешно оправдывает свое название, уделяя огромное внимание выявлению и решению актуальнейших проблем военной науки, опираясь как на богатый исторический опыт, так и на военно-научное прогнозирование, проникая на базе его методологии военной мыслью в близкое и отдаленное будущее на всех уровнях — от военной политики и стратегии до оперативного искусства и тактики.

Однако, как показали проведенные исследования, опыт последних войн в Югославии, Ираке, Афганистане, тенденции расширения НАТО на Восток, события вокруг Косово и на Ближнем Востоке, объективно требуется вновь вернуться к анализу и решению все разрастающихся былых и новых проблем военной науки, ее методологии и путей ее дальнейшего развития. Это в первую очередь определяется **резким повышением роли и значения интеллекта, информации, прогнозирования в любых формах противоборства — военного и невоенного — и их сочетании. Попробуем разобраться в этом хитросплетении**.

Широко известно, что первой в бой вступает мысль. Именно она является оружием, причем самым мощным оружием в условиях использования современных мощнейших средств вооруженной борьбы и новых информационных технологий. Но мысль в то же время является фундаментом научного потенциала и прогнозирования его совершенствования. На наш взгляд, в основу определения научного потенциала Вооруженных Сил правомерно положить его возможности по развитию определенных отраслей военной науки исходя из его кадровой, методологической, материально-технической, информационной обеспеченности, готовности к решению научных задач. Основу научного потенциала составляют высококвалифицированные научно-педагогические кадры — доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, старшие научные сотрудники, их мысль, их интеллект.

В современных условиях наряду с необходимостью прикладных, «сиюминутных» исследований, практических рекомендаций командирам, штабам и войскам на ближайшую перспективу особенно остро ощущается недостаток именно *фундаментальных исследований долговременных проблем военной науки*. Это обусловлено как стремительным развитием науки, техники, технологий, а следовательно, и средств вооруженной борьбы, так и кардинальным изменением военно-политической обстановки в мире. Надо решительно отказаться от метода проб и ошибок, который раньше был распространен, но сейчас отвергнут всем цивилизованным миром из-за масштабности проб и катастрофических последствий ошибок в условиях наличия высоких технологий и мощных разрушительных средств. Однако у нас в последние годы данный метод не только стал основополагающим в практике проведения политических, экономических, социальных и других реформ, но и овладел умами большого числа руководителей и ученых. В его основе лежат «глубокие убеждения» и «гениальные идеи» того или иного власть имущего лица (коллектива), а также стремление немедленно воплотить их в жизнь, не задумываясь о последствиях.

По нашему глубокому убеждению, это недопустимо. Надо опираться на научные методы математического, эвристического, социального моделирования и прогнозирования, оценивая возможные результаты действий в разнообразных условиях. Весьма важно четко определять соотношение положительных и отрицательных результатов каждого альтернативного варианта решения, чтобы в практической деятельности усиливать влияние положительных факторов и нейтрализовать отрицательные. А для этого нужны научные кадры: современные энгельсы, клаузевицы, жомини, верховские, иссерсоны, триандофиловы и блиохи.

Наука — система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль этих знаний[1]. ***С информационной точки зрения наука может рассматриваться как сложная динамическая система, созданная человеком для сбора, анализа и переработки информации в целях получения новых знаний (истин) и их практического приложения.*** Чем сложнее научная структура и разнообразнее способы ее функционирования, тем все более необходимым становится науковедение, открывающее механизмы управления ею. Стратегическая задача здесь заключается в переходе от эпизодических воздействий на научные системы с помощью частных рекомендаций и мероприятий к систематическому диагнозу состояния, анализу тенденций и прогнозу будущего развития науки, а также в создании и исполь-

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс 21 век, 2004. С. 504.

зовании для этих целей новых информационных технологий и автоматизированных систем управления. Особое место в системе наук занимают военные науки, поскольку они непосредственно связаны с решением проблем обеспечения безопасности государства, исследуют конкретные вопросы военного противоборства систем, преследующих противоположные (антагонистические) цели, т. е. **процессы, носящие двусторонний характер**.

Мысль — не только мощнейшее оружие, первая вступающая в бой, но и первооснова генерации научных знаний. Следует заметить, что нельзя, особенно в практической деятельности, сужать понятие интеллектуального потенциала. Оно шире понятия «ум». Еще Наполеон считал, что военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума. Дарование настоящего полководца он сравнивал с квадратом, основание которого — воля, высота — ум. Если воля превышает ум, полководец будет действовать решительно и мужественно, но малоразумно; если наоборот — у него будут хорошие идеи, но не хватит мужества и решительности осуществить их. В наше время к «квадрату Наполеона» прибавляется третье измерение — информатика (с опорой на системы и средства автоматизации управления войсками и оружием), резко повышающая возможности интеллектуальной и волевой деятельности. Квадрат превращается в куб, становится объемным, а его формирование и использование многократно усложняется.

В современных условиях, а тем более в обозримой перспективе, роль управления, опирающегося на достижение интеллектуального превосходства над противником, не просто возрастает, но становится решающим фактором. В условиях научно-технического прогресса, в век информатики, автоматизации и сложных динамичных систем войска с меньшими поражающими возможностями, но с высокоэффективной системой управления и разведки способны одержать победу над более мощным противником, уступающим в противоборстве систем управления и информационно-электронных структур. Начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Ю.Н. Балуевский, выступая на заседании Совета Федерации 16 ноября 2007 года, сообщил, что определены программы развития Вооруженных Сил до 2016 и до 2020 года. При этом он уточнил, что такое развитие пойдет по пути качественного совершенствования, а не простого наращивания сил, так как сегодня воюют информационным оружием[2].

В свою очередь, в США руководством Пентагона было принято решение об организации и основании новых структур, которые будут отвечать за противоборство в сфере информации. Так, в конце 2006 года министерство обороны США создало информационно-пропагандистскую группу «быстрого реагирования». Ее задача заключается в том, чтобы в случае необходимости за максимально короткий срок доставить группу специалистов по PR в распоряжение командования любой операции американских вооруженных сил. Группа сформирована в качестве отдельного управления в составе объединенного командования ВС США[3].

Выдающийся китайский государственный деятель, полководец и военный ученый Сунь-Цзы еще в XVI веке до н. э. писал в своем «Трактате о военном искусстве»: «Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника, на следующем месте — разбить его союзы, на следующем — разбить его войска. Самое худшее — оса-

---

[2] Военно-промышленный курьер. 2007. 21 ноября.

[3] Военно-промышленный курьер. 2008. 30 января.

ждать крепости». При этом он особо подчеркивал, что «хорошо воюет тот, кто управляет противником и не дает ему возможности управлять собой». Карл Клаузевиц кроме широко известного доктринального изречения «война есть продолжение политики только иными средствами» сформулировал и еще одну важную, особенно для нашего времени, подмеченную ранее Суворовым, закономерность: «В основе военных действий лежит разум». Клаузевиц утверждал, что «для достижения своей цели мы должны сделать своего противника бессильным, теоретически это и есть истинная цель войны». Наиболее парадоксально сформулировал в XI веке военную доктрину Средневековья Никколо Макиавелли: «Люди, оружие, деньги и хлеб — вот живая сила войны. Но первые два важнее всего, ибо имея людей и оружие всегда можно добыть деньги и хлеб». Как ни странно, но эта примитивная идея вполне реально и успешно реанимируется спустя полтысячелетия в современных вооруженных конфликтах, что игнорировать при решении задач государства и общества нельзя.

Итоги Второй мировой войны, в которой США оказались в числе победителей, при этом не только не познав разрушительных последствий военных действий на своей территории, но и значительно обогатившись, предоставили реальную возможность реализации этой доктрины. Единственной военной и политической силой, которая в то время могла противостоять этому, был Советский Союз. Для США необходимо было устранить это весьма серьезное препятствие. На это были направлены и создание ядерного оружия, и разработка доктрины угрозы его применения, и речь Черчиля в Фултоне, и рождение «Атлантического союза» — НАТО, и долгосрочные программы идеологического, психологического и информационного воздействия, которые со временем все совершенствовались и в конечном итоге привели к успеху. СССР и Организация Варшавского Договора были побеждены информационным оружием, как бы ни утверждали некоторые современные военные ученые, что это домыслы, а не реальность.

В официальных документах США и НАТО заложено основополагающее требование: иметь такой военный потенциал, который должен убедить вероятного противника, что риск последствия его агрессии будет для него значительно превышать ожидаемый выигрыш. На наш взгляд, в самом концентрированном, хотя и популистском виде военная доктрина США была сформулирована Джоржем Бушем-старшим в его речи по случаю торжества, посвященного спуску на воду авианосца «Джордж Вашингтон», где он заявил, что, для того чтобы обеспечить поддержание мира, нужно иметь мощные вооруженные силы.

Однако военная наука и военная доктрина не ограничиваются сколь угодно хлесткими и убедительными формулировками. Они должны, опираясь на научное прогнозирование, выражать цели существования и функционирования того социального образования, государства или союза государств, которым они служат, а также определять пути и способы достижения этих целей насильственными (в том числе военными) или ненасильственными средствами.

Как показал исторический опыт, важнейшей причиной возникновения идей мирового господства является ограниченность ресурсов. В свое время мы успешно разгромили идеи Мальтуса, который на рубеже XVIII и XIX веков предсказывал (и даже облекал это в форму «вечного закона природы») отставание роста средств существования от роста народонаселения. Однако спустя два века мы сами приходим к убеждению в ограниченности природных ресурсов. Для того чтобы остаться в составе «золотого миллиарда», обеспеченного благоприятными условиями существования, необходимо не просто овладеть таковыми ресурсами, но уметь управлять ростом их добывания в своих интересах и ограничением

их использования остальной частью человечества. Одним из путей решения этой задачи было развязывание «холодной войны», мягко перетекающей в «информационные», «информационно-психологические», «интеллектуально-информационные» войны, опирающиеся на тот факт, что к концу второго тысячелетия, «на первое место среди ресурсов общества вышел ***разум*** человека»[4].

Особое внимание этому обстоятельству уделяют США при прогнозировании характера, содержания способов подготовки и ведения войн будущего, в том числе при разработке вариантов информационно-психологической составляющей военной доктрины или собственно *информационно-психологической доктрины*. Об этом можно спорить, но нельзя не обратить внимания на четкую целеустремленность доктринальной направленности и глубокую детализацию определения способов достижения цели в этих условиях.

15 августа 2001 года президент США Д. Буш предложил министру обороны Д. Рамсфельду подготовить стратегическое представление о том, как американская армия «должна выглядеть сегодня и как она должна выглядеть завтра». Но тут грянули события 11 сентября, и в одном из выступлений, прозвучавшем сразу после терактов, Д. Рамсфельд отметил, что в связи с совершенными в Нью-Йорке и Вашингтоне нападениями «мы наблюдаем появление нового поля боя... конфликтов иного типа». Он заявил, что в ближайшем будущем Америке предстоит решить две важные задачи: одержать победу в борьбе с терроризмом путем ликвидации сети террористических организаций, а также осуществить подготовку к совершенно другой войне — войне, разительно отличающейся не только от войн прошлого столетия, но и от той новой войны с терроризмом, которую США ведут в настоящее время.

А в октябре 2001 года в статье «За рамками войны с террором» Д. Рамсфельдом были обозначены контуры новой стратегии. Он подчеркивает, что в свете последних событий в США подготовка к внезапному нападению — подготовка быстрая и решительная — должна стать одним из слагаемых военного планирования в XXI веке. Для того чтобы отражать внезапные удары, военные стратеги США должны перенести центр тяжести в системе оборонного планирования с модели, в которой отправным моментом является угроза и которая до сих пор доминировала в теории обороны, на модель, опирающуюся на силы и средства, необходимые в будущем.

Вместо того, считает Д. Рамсфельд, чтобы искать очередного противника и планировать крупномасштабные войны на точно определенных театрах военных действий, необходимо предвидеть проявление новых и разнообразных врагов, которые будут полагаться на фактор внезапности, обмана и на применение асимметричного оружия для достижения своих целей. Согласно определению Института национальных стратегических исследований Национального университета обороны Соединенных Штатов, под «асимметричными» угрозами понимаются «использование фактора неожиданности во всех его оперативных и стратегических измерениях, а также использование оружия такими способами, которые не планируются США».

Как заявил Д. Рамсфельд, подготовка к такому развитию событий стала целью проводящегося раз в четыре года анализа состояния и перспектив развития обороны, результаты которого были представлены конгрессу США. В этом анализе изложена новая стратегия обороны Америки в XXI веке, призванная реализовать *четыре ключевые задачи*: заверить союзников в незыблемости по-

[4] Военная Мысль. 2001. № 1. С. 56.

ставленных целей и способности выполнять обязательства в сфере безопасности; разубедить потенциальных противников в целесообразности проведения программ или мероприятий, которые могут создавать угрозу интересам США или интересам их союзников; обеспечить сдерживание агрессии и силового давления за счет передового развертывания сил и средств, способных быстро остановить разрастание кризиса, а также предпринимать решительные действия по нейтрализации любого противника в том случае, если методы убеждения и сдерживания окажутся неэффективными.

Вскоре после теракта 11 сентября США поменяли концепцию «реалистического устрашения» на доктрину «упреждающих действий». Зародилась она еще в период войны против Югославии и выкристаллизовывалась в афганской войне и в период подготовки к вторжению в Ирак. Соединенным Штатам в соответствии с этой доктриной не требуется решений ООН и других международных организаций и даже согласия союзников по НАТО для силового достижения своих военно-политических целей.

«Единая перспектива — 2020» — новый программный документ по строительству вооруженных сил, принятый в США в 2002 году. На его основе разработаны концепции: оперативно-стратегическая «Всеохватывающее господство»; оперативные — «Господствующий маневр», «Высокоточное сражение (бой)» и «Всеобъемлющая защита войск (сил)». В этих документах проявляется приоритетность активизации космического пространства при ведении боевых действий не только в стратегическом и оперативном звеньях, но и на тактическом уровне, а также возрастание роли «информационной войны».

Вопрос, «кому, какая и зачем нужна военная наука, военная доктрина, методология военного прогнозирования» далеко не однозначен и совсем не так прост, как может показаться на первый взгляд. И прежде чем непосредственно подойти к попытке ответить на него, надо вернуться к некоторым основополагающим понятиям, таким как «война», «государство», — как они связаны с содержанием и предназначением военной науки и военной доктрины.

Сравним для примера два определения, зафиксированные в двух официальных документах с разницей менее чем в 20 лет. Прежде всего обратимся к «Советской Военной Энциклопедии». Здесь «война» определяется как «общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами... Для достижения политических целей в войне используются вооруженные силы как главное и решающее средство, а также экономические, дипломатические, идеологические и другие средства борьбы»[5].

Напротив, в новой «Военной Энциклопедии» определяется, что «война — это социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами, средствами *насилия военного*... Война появилась вследствие социальной дифференциации общества и образования государств как один из насильственных способов разрешения возникающих между ними противоречий»[6]. Сущность войны рассматривается с двух сторон. Первая — политическое намерение является целью, война же — только средством, другая — это вооруженная борьба, которая обладает свойством обратного воздействия на политику.

---

[5] Советская Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 305.

[6] Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 233.

А что же такое государство? Вот точка зрения «Советской Военной Энциклопедии»: «Государство — это организация господствующего класса, главное орудие его политической власти. В эксплуататорском обществе предназначено для обеспечения господства собственников основных средств производства над массой трудящегося населения»[7].

В «Военной Энциклопедии» «государство» определяется как «ядро политической организации общества, которое наряду с функциями управления и руководства жизнью общества, вырабатывает и осуществляет политику в области обеспечения военной безопасности страны или военную политику. Ее направленность определяется военно-политической концепцией государства, которая концентрируется в его *доктрине военной* и базируется на *идеологии военной*»[8]. Таким образом, первичным является государство, одной из функций которого является разработка и проведение в жизнь военной политики. А военная политика концентрируется в военной доктрине. Вот какова связь между этими понятиями.

Итак, государство, военная политика как составная часть общей политики государства, военная доктрина как концентрированная форма военной науки и военной политики составляют единую, динамичную, сложную, целенаправленную систему. Система эта направлена на обеспечение национальной безопасности государства, предотвращение войн и военных конфликтов, упрочение стратегической стабильности, т. е. на обеспечение благоприятных условий для надежной защищенности государства, общества, личности. **При этом даже мирные средства обеспечения военной безопасности эффективны, только если они опираются на достаточную военную мощь.** Мы должны признать, что к настоящему времени военная наука не выявила четкого обобщенного типа современной войны и вооруженного конфликта. Поэтому Вооруженные Силы Российской Федерации и высшие органы военного управления должны быть готовы к участию в военном конфликте любого типа.

Военная наука и военная доктрина должны учитывать степень развития теории и практики информационного противоборства сторон. Сегодня это, наверно, важнейшая из проблем. По нашему глубокому убеждению, **информационное противоборство — это одна из форм управления**, в том числе противником, и защиты от его аналогичного воздействия на деятельность соответствующих органов наших войск. Поэтому такая форма управления должна найти отражение в военной доктрине. Кроме того, информационное противоборство, конечно же, связано с вопросами *внезапности* и *неожиданности*, направленными, с одной стороны, на предотвращение таковой деятельности противника, а с другой — на стремление свои действия сделать неожиданными и внезапными для противостоящей стороны.

В связи с необходимостью дальнейшего совершенствования теории и практики информационного противоборства и повышения его эффективности, видимо, следует разработать общее методологическое толкование понятий «информационное противоборство», «внезапность» и «неожиданность» в диалектической взаимосвязи, обосновать неординарные пути решения проблем, требующих специального исследования, переосмысления и поиска новых подходов их разрешения. Взгляд на военную доктрину как на один из инструментов управления государства в области обеспечения его военной безопасности

---

[7] Советская Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 622.

[8] Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 468.

связан с появлением целого ряда новых факторов, условий, обстоятельств, которые характеризуют XXI век. К ним в первую очередь относится всевозрастающая роль взаимодействия, взаимозависимости, взаимовлияния сложных динамичных систем социально-политического, организационно-технического, интеллектуально-информационного характера.

Военная безопасность превращается в интеллектуальную разведывательно-информационно-навигационно-ударную систему, которая требует особого отношения к управлению ее деятельностью. Именно системный, синергетический подход к оптимизации функционирования всех общественно-политических, научно-образовательных и других органов вызывает необходимость целенаправленного управления ими в интересах достижения целей государства, в интересах обеспечения его безопасности.

Сегодня необходимы единые системы идей, взглядов по обеспечению безопасности государства. Нужна четко и понятно сформулированная концепция национальной безопасности, доктрина военной безопасности. В первую очередь это необходимо для тех органов, сил и средств, которые непосредственно выполняют задачи по обеспечению военной безопасности государства.

В свете этого ясно, почему сегодня оказалось так сложно кратко и точно выразить четкую и понятную военную доктрину, обосновать ее цели, задачи, структуру, сцементировать ее интеллектуальный, информационный, экономический фундамент. Новая военная доктрина должна стать действенным инструментом управления и всем государством в целом, и его структурами, непосредственно связанными с обеспечением военной безопасности.

Вот почему сегодня необходим специальный штатный орган при Президенте Российской Федерации, состоящий из профессиональных специалистов в области научного управления и оценки его эффективности. Данный орган должен непрерывно заниматься разработкой и совершенствованием военной доктрины. Это обусловлено слишком быстро меняющейся обстановкой в мире, появляющимися новыми формами насильственных действий, связанных и с террористической и с разной другой деятельностью. Приходится учитывать эти изменения, которые происходят гораздо быстрее, чем во все прошлые века. Непрерывная работа над доктриной такого высокопредставительного органа должна быть поставлена на службу государству.

Следует заметить, что нельзя считать, что достижение цели военной безопасности возможно при использовании только малых возможностей нашего государства. Это большая ошибка. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации является важнейшим направлением деятельности государства. Из этого надо исходить и для этого изыскивать и создавать соответствующие возможности.

В современных условиях в связи с бурным ростом возможностей технических средств, а также математических и программных способов добывания, сбора, обработки, хранения и передачи информации повышается эффективность информационного воздействия на функционирование боевых систем, вплоть до возможностей бескровной победы в вооруженном конфликте практически любого масштаба. Происходит процесс перехода общества к качественно новому состоянию, основанному на использовании информации (знаний) как материальной силы. Это явление и составляет главное содержание понятия «информатизация». А нарастающая информатизация всех социальных сфер, в том числе и военной, приводит к усилению значимости и информационного обеспечения их деятельности. Применительно к боевым системам это вызвало появление нового термина – «информационная борьба» и его системного наполнения.

Информационная борьба как система включает *три составляющих элемента*: информационное обеспечение функционирования своих боевых систем, информационное противодействие функционированию боевых систем противника и информационную защиту своих боевых систем от информационного противодействия возможного противника. На протяжении длительного периода велась разработка теории информации, методов оценки ее количества, передаваемое по средствам связи, а также степени ее важности для решения управленческих задач. В настоящее же время наиболее остро стоит проблема разработки методических, математических и технических приемов оценки эффективности информации в обеспечении функционирования своих систем управления и создания помех системам управления противника.

В решении этой задачи важную роль могут сыграть методы военной системологии, такие, например, как экспертные системы, искусственный интеллект, а также все виды моделирования — от игрового и ситуационного до эвристико-математического.

Можно спорить о том, являются ли информационное оружие и информационное противоборство реальностью или домыслом, но игнорировать объективный опыт их использования в современных конфликтах и прогнозируемом будущем уже нельзя. Надо просто оторваться от пристрастия к формально утвержденной терминологии, вникнуть в их новое содержание и найти способы реализации в будущем.

Информационная безопасность как составная часть информационной борьбы включает информационную защиту своих боевых систем от неблагоприятных социально-экономических и экологических условий, от противодействия противника или стихийных сил природы; она должна обеспечить эффективное функционирование своих боевых систем.

Поскольку военная системология выделяет в качестве специфических объектов исследования науку, образование и концептуальную основу практической деятельности управленческих кадров (включающую и теоретико-системную концепцию военного искусства), то пути решения проблем информационной безопасности как сложной системы проходят через системологию их научного исследования, системологию создания и поддержания на должном уровне интеллектуального потенциала теоретиков и практиков в этой сфере деятельности, системологию организации и практического обеспечения информационной безопасности. Системология научного исследования проблем информационной безопасности опирается на целеполагание (построение «дерева целей»), определение и описание системы критериев (построение «дерева критериев»), а также разработку моделей функционирования системы информационной безопасности.

Системология создания и функционирования интеллектуального потенциала опирается на систему интеграционного (гражданского и военного) образования[9].

Весьма значимую роль в выявлении и решении актуальных современных и перспективных проблем военной науки, научного обоснования путей и способов ее дальнейшего развития играет не так давно созданная в Российской Федерации на общественных началах, но уже заслужившая всемирную известность Академия военных наук (АВН). Наиболее существенным в ее деятельности оказалось военное прогнозирование и определение на его основе приоритетов в анализе и системной оценке специфики будущих войн, операций, боев

[9] Военная Мысль. 1994. № 2. С. 33.

и любых других военных и невоенных форм вооруженного и невооруженного противоборства в интересах обеспечения надежной безопасности России.

Последовательность, содержание, системность и комплексность решаемых при этом проблем военной науки будущего легко просматривается на примере тематики ежегодных научных конференций АВН. Вот некоторые из них.

Самая первая научно-теоретическая конференция АВН была проведена в 1995 году по корневой проблеме военной науки: «Методологические проблемы военной науки на современном этапе». Материалы конференции, включающие доклад Президента АВН генерала армии М.А. Гареева, выступления участников, были изданы отдельной книгой и послужили основой для дальнейшего формирования системы научных знаний о войне и армии.

В них нашли свое обоснование понятия о предмете и структуре военной науки, военной проблематике других наук, о научных критериях классификации военных знаний, о науковедческих и системологических основах методологии военной науки. Президент АВН, подчеркнув, в частности, что «необходимость обсуждения методологических проблем военных наук вызвана тем, что в связи с крупными изменениями в мире, образованием нового российского государства перед нами в ином свете встают многие мировоззренческие, методологические и собственно научные проблемы»[10], обратил внимание, что «в ряде областей знаний военная проблематика настолько усложняется и разрастается, что, сохраняя свои связи с базовыми науками, постепенно превращается в специальные отрасли военных знаний, тесно примыкая к военной науке», которая «в совокупности с сопредельными с ней военными отраслями общественных, естественных и технических наук, в собирательном смысле может рассматриваться как *система военных наук*, которая составляет научные основы военной доктрины»[11].

В ряду ежегодных конференций Академии не менее судьбоносными были из числа последних. Так, в 2004 году была проведена военно-научная конференция по самой злободневной для военной практики теме: «Проблемы современной системы военного управления и пути ее совершенствования с учетом изменения характера будущих войн», в 2007 году — конференция «Структура и основное содержание новой военной доктрины России», основы которой (смотри выше) и составляет система военных наук.

И наконец, в январе 2008 года состоялась научная конференция «Национальная безопасность России на современном этапе», которая вышла на высший общегосударственный, военно-политический и военно-научный уровень, обеспечивающий национальные интересы нашей Родины.

Доклад Президента АВН М.А. Гареева и выступления участников конференции заслуживают самого внимательного изучения в военно-учебных за-ведениях, научно-исследовательских учреждениях и в войсках, ибо в них аккумулированы самые новые научные взгляды на цели, задачи, содержание, перспективы и приоритеты развития системы военных наук, методологии военного прогнозирования, управления процессами предотвращения войн и обеспечения безопасности и защиты национальных интересов государства путем достижения интеллектуально-информационно-разведывательно-электронно-навигационно-ударного превосходства в противоборстве с любым эвентуальным противником.

---

[10] Методологические проблемы военной науки на современном этапе. М.: Издание АВН и ВАД, 1996. С. 5.

[11] Там же. 1996. С. 18.

Важнейшим результатом конференции можно считать выдвинутый начальником Генерального Штаба ВС РФ и Президентом АВН тезис о необходимости «ввести практику долгосрочного стратегического планирования, которое предусматривало бы оценку перспектив развития геополитической обстановки в мире, роли и места России в международном сообществе, ее союзников и партнеров при решении как долгосрочных, так и промежуточных задач, приоритетные национальные интересы и основные направления деятельности государства и общества по их реализации и обеспечению национальной безопасности»[12], что фактически соответствует постановке новой задачи как перед военной наукой и военным прогнозированием, так и в сфере практической деятельности всей военной организации государства.

Новые задачи, тем более в современных условиях, естественно, должны решаться и новыми силами, средствами и методами. Из их числа конференция наибольшее внимание уделила роли сбалансированного сочетания невоенных и военных средств, особо выделив интеллект и информацию. Президент АВН генерал армии М.А. Гареев, подчеркивая роль интеллекта в современном противоборстве, отмечает, что до сих пор нами «при научном анализе военно-политической обстановки и в практической разведывательной деятельности недостаточно уделяется внимания проникновению и выявлению замыслов и практических действий многочисленных международных и транснациональных сил, особенно их сугубо скрытых мозговых политических и экономических центров, соответствующих филиалов в различных странах»[13].

Далее Президент АВН, подчеркивая системный характер противодействия угрозам национальной безопасности России, в число которых входят «враждебные информационные и информационно-психологические действия», отмечает, что «национальная безопасность — весьма сложная, многоуровневая функциональная система, в которой непрерывно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства в противоборстве с различными внутренними и внешними угрозами». И указывает, что требуется «системная научная разработка проблем противоборства невоенными средствами, подготовка соответствующих кадров широкого профиля и практическое овладение всеми формами борьбы»[14].

На этой основе делается вывод: «Главная задача государства, общества, личности состоит в том, чтобы на основе научного обоснованного прогнозирования, предвидения, разведки, досконального знания положения дел во всех отраслях деятельности прежде всего стремиться предотвратить и нейтрализовать назревающие угрозы, а когда это не удается, то оперативно реагировать и эффективно противодействовать им, обеспечивая надежную безопасность во всех сферах жизнедеятельности страны»[15].

При этом, подчеркивает Президент АВН, «наиболее острый характер при-обретает информационное противоборство, которое пронизывает изнутри все формы борьбы — начиная от дипломатической, экономической и кончая вооруженной — и вместе с тем имеет относительно самостоятельный характер. Информация и информационные технологии становятся все более

---

[12] Независимое военное обозрение. 2008. 25 января. Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

[13] Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

[14] Там же.

[15] Там же.

действенным оружием, и овладение ими — важнейшая задача не только духовной, но и всей системы национальной безопасности»[16].

На конференции эти мысли нашли поддержку и развитие в выступлениях ее участников.

Например, Главнокомандующий Военно-воздушными силами генерал-полковник А.Н. Зелин отметил: «Анализ развития средств воздушно-космического нападения иностранных государств показывает, что уже в период до 2020 года произойдут коренные изменения, связанные с освоением воздушно-космического пространства как единой сферы вооруженной борьбы... Произойдет интеграция средств разведки, связи, навигации и управления в единую информационно-разведывательную управляющую систему»[17].

В связи с этим А.Н. Зелин, обосновав целесообразность создания в Российской Федерации объединенной под единым командованием системы ***военно-космической обороны (ВКО)***, подчеркнул что «безусловным приоритетом в создании ВКО должно являться развитие системы разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении и системы управления. Решение этих проблем должно осуществляться на основе интеграции существующих и перспективных информационных средств различного базирования вне зависимости от видовой принадлежности, на создании разведывательно-информационного поля, а также соответствующей системы управления, способной обрабатывать эту информацию для принятия своевременного решения на применение войск и сил ВКО»[18].

Таким образом, **вооруженная борьба на современном этапе превращается в процесс взаимного противодействия боевых систем как сложных интеллектуально-информационных и организационно-технических функциональных организмов**, который обусловливает принципиальные изменения самого характера вооруженной борьбы. При этом появляются новые формы и способы применения войск, сил и средств в бою и операции. На основе теоретико-системного подхода своя и противостоящая группировки войск (сил) должны рассматриваться как сложные антагонистические динамические системы организационно-информационного характера (боевые системы).

На этой основе и должны, на наш взгляд, развиваться система военных наук и методология военно-научного прогнозирования без оглядки на шаблонную терминологию и «устоявшиеся положения».

---

[16] Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

[17] Независимое военное обозрение. 2008. 25 января.

[18] Там же.

Тактика танковых войск Советской Армии в годы Великой Отечественной войны и ее эволюция в послевоенное время

Полковник в отставке Н.К. ШИШКИН,
Заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор



ШИШКИН Николай Константинович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, почетный профессор Военной академии бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского, действительный член Академии военных наук и Российской академии безопасности, обороны и правопорядка. Родился 19 декабря 1921 года в городе Челябинске. В Вооруженных Силах СССР с 1939 года. Участник войны с белофиннами (1939—1940 гг.).

Будучи наводчиком полкового орудия, участвовал в боях при прорыве линии Маннергейма, штурме Выборга.

Начало Великой Отечественной войны встретил в звании сержанта. Участвовал в обороне военно-морской базы Балтфлота, обороне Ленинграда и прорыве блокады, в боях на Курской дуге под Орлом, на правобережной Украине, в Белорусской, Висло-Одерской, Восточно-Прусской и Померанской операциях в составе Ленинградского, Брянского, 2-го Украинского, 3-го Белорусского, 1-го Прибалтийского, 2-го Белорусского фронтов в должностях командира ИСУ-152, командира батареи ИСУ-152, заместителя начальника штаба полка, заместителя командира тяжелого танкосамоходного полка. Закончил войну в мае 1945 года под Берлином.

В 1949 году окончил Военную академию бронетанковых войск и после войны был назначен на должность офицера в ГБТУ. В 1951 году поступил в адъюнктуру (ВА БТВ) и после защиты диссертации с присуждением ученой степени кандидата военных наук оставлен преподавателем кафедры. В дальнейшем был старшим преподавателем, заместителем начальника кафедры тактики. После увольнения из Вооруженных Сил (1988) — старший научный сотрудник НИО, профессор кафедры тактики ВА БТВ и ОА ВС РФ, профессор кафедры оперативного искусства Военной академии ГШ ВС РФ.

Награжден двумя орденами Красного Знамя, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной звезды, орденом «Знак Почета», орденами «За службу Родине в ВС СССР» II и III степени, двумя медалями «За Отвагу», медалью «За боевые заслуги», орденами «Александра Невского» и «Ломоносова», многими медалями СССР, России и других государств.

Автор и соавтор 286 научных работ, в том числе книг «Танки и танковые войска», «Применение танковых войск в современных операциях», «Воен-

ное искусство и танки», «Марш и встречный бой», «Эволюция тактики общевойскового боя», «Танки в локальных войнах и вооруженных конфликтах», «Фактор поля боя в вооруженной борьбе», «Танки в бою и операции».

Лауреат премий имени А.А. Свечина (АВН), имени М.В. Фрунзе (МО), имени М.В. Ломоносова.

До конца своей жизни (03.09.2010) Николай Константинович являлся профессором кафедры тактики Общевойсковой академии ВС РФ. Он также вел активную работу в ветеранских организациях, являлся заместителем председателя Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии и 10-го гвардейского добровольческого Уральско-Львовского танкового корпуса.

В ИСТОРИИ рождения и боевого применения танковых войск просматриваются три периода: ***первый*** — годы Первой мировой войны, появление танков на полях сражений в относительно небольшом количестве; ***второй*** — годы Второй мировой и Великой Отечественной войн; ***третий*** — послевоенное время. В каждом из них на применение танков объективно влияли их конструктивные особенности с соответствующими характеристиками таких боевых свойств, как: ***огневая мощь***, *защищенность* и *подвижность*, особенно по местности в районе поля боя.

В Первой мировой войне танкам удалось решить весьма узкую задачу — ***помочь пехоте прорвать оборону***, и в первую очередь — путем разрушения проволочных заграждений, подавления многочисленных пулеметных огневых точек обороняющихся войск. Однако успех был незначительным из-за конструктивных недостатков танков того времени и только тактическим в борьбе за первые полосы обороны. Кроме того, достигнутый на реке Сомма и под Камбре в целом положительный результат являлся лишь временным, поскольку, потеряв основную массу танков, английские части в результате контратак немцев вскоре вынуждено отошли на исходные позиции. Так что реально в этих боях англичанам не только не удалось добиться оперативного успеха, но ими даже был утерян тактический.

Однако во Второй мировой войне в первые же месяцы нападения на Советский Союз в немецкой армии основная ставка делалась уже ***помассированное применение крупных танковых группировок на решающих направлениях*** с целью их стремительного выхода в оперативную глубину. И это приносило существенные успехи. Причем для поддержки своей пехоты танки не выделялись. Вместе с тем, как только оборона наших войск становилась все более устойчивой в противотанковом отношении, размах немецких танковых ударов резко пошел на убыль. Более того, танки все чаще стали применяться совместно с пехотой, в том числе и путем выделения их пехотным дивизиям. К тому же даже танковым армиям и корпусам в немецкой армии уже во втором периоде войны ставились и оборонительные задачи.

В Советской Армии к началу Великой Отечественной войны имелась четко сформулированная **теория глубокого боя (операции)**. В соответствии с ней в составе танковых войск предполагалось ***иметь танки непосредственной поддержки пехоты*** (НПП) в составе общевойсковых соединений, танки в составе РГК (будущие танковые части прорыва) и отдельные механизированные (танковые) соединения типа корпусов.

В соответствии с этой теорией в Советской Армии еще до войны планировалось сформировать несколько механизированных корпусов. Количество танков в каждом из них должно было составлять 1031 единицу. Но боевых ма-

шин было мало, и поэтому даже первые корпуса имели укомплектованность танками около 50 %, а артиллерией — 10—40 %. В итоге несоответствия замысла о комплектовании мощных ударных бронетанковых формирований с возможностями по их укомплектованию новой боевой техникой, созданные механизированные корпуса в первые же недели войны понесли большие потери и были расформированы. Танковые дивизии, входившие в их состав, передали в армейские объединения (армии).

В дальнейшем стали формироваться отдельные танковые бригады батальонного состава и танковые батальоны. В первую очередь это было связано с необходимостью усиления стрелковых дивизий, поскольку дробление с этой целью танковых бригад приводило к распылению их усилий и усложняло управление ими. Это повышало ударную силу стрелковых частей и соединений в наступлении, цементировало их оборону и обеспечивало активность ее ведения за счет решительных контратак и маневра.

В годы Великой Отечественной войны на танковые войска возлагались в основном наступательные задачи с самыми решительными целями. Основными способами боевого применения танковых войск в наступлении были **совместные боевые действия танков с пехотой в качестве средства ее непосредственной поддержки (танки НПП) и самостоятельные действия по прорыву обороны и развитию успеха в оперативной глубине**. Для совместных с пехотой боевых действий в качестве танков НПП в Советской Армии использовались отдельные танковые батальоны, полки и бригады.

В зависимости от условий местности и характера обороны противника танки НПП занимали место в линии впереди пехотных цепей на удалении не более 200—400 метров от них, если наступление велось на открытой местности против недостаточно подготовленной обороны. В случае наступления на хорошо укрепленную оборону и на пересеченной местности танкам рекомендовалось передвигаться за развернутыми стрелковыми цепями на удалении около 200 метров.

Плотность танков НПП во время Великой Отечественной войны имела тенденцию роста — от 5—10 танков на километр фронта в 1941 г., до 30—40 танков и САУ во втором периоде, а в третьем периоде и до 60—70 единиц.

Рост плотности танков и САУ объясняется тем, что уже в 1943 году немецко-фашистские войска все чаще стали применять глубоко эшелонированную позиционную оборону с использованием системы траншей и сплошных позиций. Прорыв такой обороны требовал решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов, создания высоких плотностей средств подавления, в том числе глубокого эшелонирования боевых порядков. В этой связи по сравнению с операциями второго периода войны количественный состав танковых групп НПП в третьем периоде увеличился в два-три раза, а основную их часть стали составлять тяжелые танки и САУ. Эти изменения резко повысили огневую и ударную силу танков и САУ НПП.

Из придаваемых стрелковым дивизиям танков и САУ начиная с 1943 года стали создаваться *танко-самоходные группы*, являвшиеся средством командира дивизии. Эти группы принимали боевой порядок в два боевых эшелона. В первом обычно были две боевые линии. В первой линии наступали танки на удалении 200—400 м от пехоты. Они подавляли огневые средства противника, уцелевшие после артиллерийской подготовки. Вторую линию составляли САУ, двигавшиеся в 100—200 метрах за танками, а иногда и в боевом порядке пехоты. САУ поддерживали своим огнем атакующие танки первой линии. Стрелковые цепи следовали обычно за боевыми линиями танков и САУ.

При прорыве глубокоэшелонированной обороны противника порядок построения танковой группы НПП строился еще более глубоким — в два-три боевых эшелона. Впереди двигались танки-тральщики (попарно или по три машины), за ними — танки первого эшелона (одна-две боевые линии тяжелых и средних танков). В 200—300 м от второй линии танков первого эшелона двигался второй эшелон бригады (полка тяжелых танков НПП). На удалении 200—300 м от этого эшелона двигались развернутые в боевые линии стрелковые подразделения. Таким было построение в 31-й гвардейской стрелковой дивизии в Орловской операции (июль 1943 года). В Белорусской операции в июне 1944 г. в дивизиях 11-й гвардейской армии боевых линий в атаке было еще больше, но с уменьшенными удалениями. В этой операции танки-тральщики, тяжелые танки и САУ, огнеметные танки и самоходные батареи стрелковых дивизий имели 6 линий с дистанциями между ними от 100 до 200 м. Интервалы между танками в боевой линии составляли около 50 метров.

Наступление танков и пехоты поддерживалось сначала огневым валом, а затем — последовательным сосредоточением огня и ударами авиации, в том числе штурмовиков ИЛ-2. При бое в глубине обороны основной задачей танков НПП было отражение контратак пехоты и танков противника, осуществлявшееся, как правило, огнем с места из-за укрытий.

Постепенно танки и САУ НПП из поддерживающего средства пехоты стали превращаться в основное ударное ядро, вокруг которого группировались подразделения других родов войск. Так, после прорыва обороны танковые подразделения, действовавшие в качестве НПП, получали задачу действовать в качестве передовых отрядов стрелковых дивизий и корпусов для атаки противника с ходу на второй полосе и ее прорыва, а затем для развития успеха в глубину с целью окружения противника, захвата выгодных рубежей, плацдармов на водных преградах.

Большое внимание при применении танков НПП уделялось **тесному взаимодействию их с пехотой, артиллерией и авиацией**. Помимо того, что танки поддерживали пехоту централизованно в форме подчинения танковой группы НПП пехотному командиру, предусматривалось также закрепление танковых батальонов и рот за определенными стрелковыми полками и батальонами, а иногда и танковых взводов за стрелковыми ротами, а отдельных танков — за стрелковыми взводами, т. е. *децентрализованно*.

В третьем периоде войны и до ее окончания ведущей тенденцией развития танковых войск стало ***повышение боевой самостоятельности частей и соединений*** путем усиления их ударной силы, роста огневой мощи, подвижности и возможностей по боевому и материально-техническому обеспечению. В частности, для наращивания ударной и огневой мощи танковых формирований в них было увеличено количество танковых батальонов. Так, если в танковых бригадах по штату 1942 г. был один батальон средних танков (две роты по 10 танков) и один смешанный батальон (рота средних и две роты легких танков, всего 53 танка), то с конца 1943 г. в бригаде все три батальона стали иметь средние танки (всего 65 танков).

Огневая мощь танковых бригад с конца 1943 г. резко возросла в связи с оснащением танков Т-34 пушкой калибра 85-мм (вместо 76-мм) и выпуском вместо КВ тяжелого танка ИС-2 со 122-мм пушкой, а также тяжелой самоходной установки со 152-мм орудием. Танковые части и соединения при совместных действиях с авиацией и артиллерией придавали наступательным боям и операциям большой размах и решительность в достижении целей. Они обеспечивали высокий темп наступления, быстрый разгром окружаемых группировок.

Не менее существенной была роль танковых войск и **в ходе оборонительных действий**. Танки придавали им высокую устойчивость и активность, играли решающую роль при разгроме атакующего противника и его прорывающихся группировок. В тактике применения и действий танковых подразделений и частей в обороне в годы Великой Отечественной войны можно выделить следующие *тенденции их развития*.

В начале войны в обороне танки, вследствие их малочисленности, по сути, линейно и равномерно выделялись на усиление стрелковых дивизий и полков с расположением в ротных опорных пунктах. Их огневые позиции выбирались с расчетом ведения огня на максимальную дальность. Часть танковых подразделений назначалась во вторые эшелоны стрелковых дивизий и корпусов для проведения контратак.

Особенно частым в первый период войны в связи с подавляющим численным превосходством противника в бронетанковой технике было применение танков и танковых подразделений в качестве ***танковых огневых засад***. Большую роль такие засады играли в боях под Москвой. Так, 4-я танковая бригада М.Е. Катукова в бою в районе Мценска осенью 1941 г., используя танковые огневые засады, в течение только одного дня (6 октября) отразила атаки до 100 танков с мотопехотой. Бой продолжался весь день. Танкисты бригады подбили 43 танка, уничтожили 16 орудий, несколько сотен вражеских солдат и офицеров, потеряв всего 6 танков. За героические действия 4-я танковая бригада была преобразована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду. Кроме нее в боях под Москвой 9-я и 8-я танковые бригады стали 2-й и 3-й гвардейскими соответственно. Так родилась танковая гвардия.

В условиях подавляющего численного превосходства противника в танках такие засадные действия в боях под Москвой применялись на многих направлениях. Например, на Клинском участке боев в первом эшелоне 30-й армии оборонялись 21-я и 8-я танковые бригады. Они отразили удары почти 300 танков и только за два дня (15 и 16 ноября) подбили 65 танков. На Волоколамском направлении, учитывая численное превосходство противника в танках, командование 16-й армии решило прикрыть район вдоль Волоколамского шоссе системой эшелонированных в глубину танковых засад. Первый эшелон составляли 1-я гвардейская и 27-я танковая бригады. Во втором эшелоне были 23-я и 28-я танковые бригады. Третий эшелон танковых засад был создан из танков 33-й танковой бригады.

Вершиной сочетания искусного ведения танковыми войсками оборонительных и наступательных действий по праву следует считать ***Курскую битву*** (июль—август 1943 г.). В этом сражении у противоборствующих сторон суммарно участвовало около 8000 танков и САУ. Для применения наших танковых войск в обороне было характерно ***их массирование на решающих направлениях в сочетании с глубоким эшелонированием***. Причем каждый эшелон имел определенное целевое назначение. Так, часть отдельных танковых полков и бригад, полков самоходной артиллерии составляла первый эшелон и располагалась в пределах оборонительных полос стрелковых дивизий и корпусов и частично составляла их танковые резервы. Некоторые танковые подразделения (роты, взводы) использовались в составе противотанковых опорных пунктов и узлов обороны, составляя совместно с противотанковой артиллерией основу противотанковой устойчивости обороняющихся войск.

Танковые корпуса и часть танковых бригад выделялись во второй эшелон и резерв и располагались в 30—50 км от переднего края. Они были основным маневренным средством, обеспечивающим своевременное реагирование на

резкие изменения обстановки в связи с переносами направлений ударов немецких танковых дивизий и корпусов. Например, 5—12 июля в полосе Воронежского фронта совершили маневр: на Обоянское направление одна танковая армия, три танковых бригады, два танковых полка; на Прохоровское направление — одна танковая армия и четыре танковых корпуса. Всего же из 20 танковых бригад, входящих в состав фронта, аналогичные действия осуществили 18 бригад с плечом маневра 40—60 километров.

В послевоенное время взгляды на действия танковых войск также подвергались изменениям, что обуславливалось дальнейшим совершенствованием бронетехники и ее количественным насыщением Сухопутных войск. Сказывалась и обстановка «холодной войны». В целом же в течение многих лет происходил процесс дальнейшего развития взглядов на роль танков с учетом уроков минувшей войны. Закреплялся опыт их массирования на решающих направлениях. С учетом повышения боевых свойств танков уточнялись нормативы и способы их действий в обороне и наступлении.

Акценты при определении способов действий танковых частей и подразделений в 60-е годы прошлого столетия тесно увязывались ***с ролью ядерного оружия***. Считалось, что это оружие создает предпосылки для широкого маневра и стремительных, в том числе самостоятельных действий не только танковых армий, но также и дивизий, полков и даже батальонов. При этом предусматривалось, что вслед за ядерными ударами в глубину должны быстро продвигаться крупные танковые группировки с темпом до 100 км в сутки. В эти годы даже задача дивизий на день определялась на глубину от 80 до 100 км. Однако вскоре стало ясно, что от ядерных ударов будут нести неприемлемые потери и наступающие. В итоге в 70—80-е годы прошедшего столетия ядерная эйфория закончилась, а показатели размаха боевых действий практически вышли на нормативы первых послевоенных лет. Стали, в частности, предусматриваться увеличение ширины полос наступления и снижение его темпов. При этом, если в ходе войны танки в составе стрелковых дивизий в наступлении чаще всего выполняли задачу НПП с плотностью 15—30 единиц на один километр, то в 80-е годы предполагалось на участках прорыва на километр фронта иметь их до 60—80 единиц. К тому же благодаря возросшей огневой мощи танков, позволяющей обеспечить наступающих мощной огневой поддержкой, стало предусматриваться усиление первого эшелона танковыми частями и соединениями, возложением на них боевых задач не только в качестве танков НПП, но и по самостоятельному прорыву обороны на направлении главного удара. При этом танковые соединения и части получали задачу сразу же рассекать обороняющегося противника, обходить его через промежутки и на флангах, а также окружать его и уничтожать.

В 1970—1980-е годы отрабатывался порядок преодоления танковыми и мотострелковыми частями первой оборонительной позиции *в едином бронированном боевом порядке* под прикрытием подвижной огневой зоны на воздушных разрывах. Проводились даже соответствующие учения. Но в последующие годы из-за сложности и угрозы потерь от своих же снарядов от этой идеи отказались. В 90-е годы с учетом повышения возможностей войск по мощному огневому воздействию по противнику авиацией и ракетным оружием с применением высокоточных боеприпасов в наступлении все большее внимание уделяется ***самостоятельным действиям танковых формирований по направлениям***, в том числе не только крупными танковыми группировками, но также отдельными бригадами и батальонами. С большой наглядностью эту тенден-

цию подтверждает опыт арабо-израильских и ирано-иракских локальных войн и военных действий на рубеже XX и XXI столетий.

В послевоенное время также неоднократно в нашей армии изменялись взгляды на оборону и действия в ней танковых войск. Основной причиной этого было отношение к роли ядерного оружия и появление мощного высокоточного оружия. Так, в начале 60-х годов XXвека с учетом наличия в армиях вероятного противника ядерного оружия считалось, что оборона теряет свое значение, а ее главной целью является срыв наступления. Но уже в 70-е и 80-е годы целью обороны стали считать как срыв, так и отражение наступления превосходящих сил противника. Более того, чаша весов все более склонялась в сторону отражения наступления с учетом оборонительной направленности военной доктрины. Основным видом обороны стала считаться позиционная. Хотя в это время допускалось и ведение маневренной обороны.

В 90-е годы прошедшего столетия в связи с возросшими возможностями нанесения поражения противнику обычным оружием одной из целей обороны вновь становится срыв наступления противника. В соответствии с таким характером изменений взглядов на цели обороны менялись и точки зрения на ***способы действий танковых частей и соединений в обороне***. Так, при акцентах на жесткую позиционную оборону в армейские корпуса и дивизии первого эшелона для повышения их устойчивости стали включать танковые полки и батальоны. Уставными документами предписывается усиливать мотострелковые батальоны первого эшелона танковыми ротами. Одновременно часть танков включалась в состав второго эшелона для нанесения контратак и быстрого маневра на угрожаемые участки.

Основу батальонных районов обороны в мотострелковых и танковых полках стали составлять ротные и взводные опорные пункты, располагаемые достаточно рассредоточено по очаговому принципу. Противотанковые опорные были пункты убраны. И стало считаться, что основу противотанковой стойкости обороняющихся частей должны составлять танки и другие штатные противотанковые огневые средства полков и батальонов. Особое внимание стало обращаться на применение засадных действий с использованием в них танков и БМП. Причем целесообразно создавать по сути ***систему зон засадных действий***.

В целом развитие способов применения танковых войск в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время показало, что **они остаются одной из важных составляющих боевой и в первую очередь ударной мощи Сухопутных войск**. При этом выявилось, что в качестве основных тенденций в применении танковых войск на тактическом уровне в послевоенное время можно отнести повышение тактической самостоятельности их частей и подразделений, расширение характера решаемых ими боевых задач в различных видах боя на основе активного маневра при действиях как в первом, так и во втором эшелоне или общевойсковом (танковом, противотанковом) резерве, а также в передовых и рейдовых отрядах. Важной явилась тенденция быстрого сосредоточения танков на решающем участке (направлении или позиции) из состояния достаточно целесообразного рассредоточенного исходного положения. Во всех случаях при решении любых боевых задач одним из важнейших условий эффективного применения танков стала надежная непрерывная поддержка их действий огнем артиллерии, ударами авиации, особенно боевыми вертолетами, а также прикрытие от ударов с воздуха, тесное взаимодействие с подразделениями других родов войск.



Победа, которую у России никому не отнять (75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне над нацизмом посвящается)

Генерал-лейтенант запаса В.Н. БУСЛОВСКИЙ,
кандидат политических наук

«Мы обязаны... последовательно отстаивать историческую правду... Необходимо пресекать любые попытки оболгать, сфальсифицировать прошлое, в том числе принизить решающую роль нашей страны в разгроме нацизма».

Президент Российской Федерации В.В. Путин

АННОТАЦИЯ

Анализируются основные «черные мифы» о Великой Отечественной войне и показываются истинные причины их появления, не имеющие никакого отношения к истории Великой Победы.

ABSTRACT

The paper analyzes the principal "black myths" about the Great Patriotic War and shows the real reasons for their emergence, which bear no relation to the history of Great Victory.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великая Отечественная война, Победа над фашизмом, фальсификация.

KEYWORDS

Great Patriotic War, Victory over fascism, falsification.

ВОТ И НАСТУПИЛИ весенние майские дни 2020 года. Российский народ, все прогрессивное человечество в очередной раз торжественно отмечают славную Победу над гитлеровскими захватчиками.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне имеет непреходящее значение для всего мира и особенно для России. Как метко подметил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, даже если бы Россия вообще ничего не сделала серьезного в своей тысячелетней истории, победа над фашизмом должна была бы войти во все учебники истории мира.

Ни одно государство планеты не пережило такого мощного, я бы сказал, великого потрясения в годы суровых испытаний за всю историю существования человечества. Эта Победа является для нашей страны, в год семидесятипятилетия от Рождества Победы, своеобразной нравственной иконой. Она как недоступная для врага небесная звезда мощным лучом правды и тепла согревает и объединяет российский народ, вызывает у него справедливое чувство гордости за мужество и героизм наших отцов и дедов.

В 1941—1945 годах советские люди, используя в качестве щита и меча социалистический строй, отстояли свое право не просто на бытие в истории, но и на свое величие. Долгосрочным результатом Победы стали сверхдержавность СССР, восстановление советской экономики, создание ракетно-ядерного щита, рывок в космос, высокий уровень образования, несколько десятилетий спокойной мирной жизни, в основе которой лежали мощь социального строя, уверенность людей в завтрашнем дне.

Победа в Великой Отечественной войне — это до сих пор то немногое, что духовно, исторически объединяет многих людей на постсоветском пространстве, причем людей не только старшего и среднего возраста, но и молодежь. Об этом свидетельствует прохождение в День Победы многомиллионного Бессмертного полка по городам нашей страны и в других государствах мира.

При социологическом опросе Российской академии наук в 2017 году Победе советского народа в Великой Отечественной войне как факте национальной гордости отдали свои голоса 76 % россиян. Это самый высокий процент. Достаточно отметить, что «горбачевскую перестройку» поддержали только 2 %, Великую Октябрьскую социалистическую революции — 6 %. Вот почему русофобы всех мастей всячески пытаются нанести наибольший моральный урон авторитету государства именно в области Великой Победы над фашизмом.

Когда закончилась война, один из наших военачальников как-то сказал: «Мы их победили, и они нам этого никогда не простят». Действительно, наши недруги постоянно пытаются отнять у России величие Победы. Взахлеб говорят о поражениях первых лет войны, о трупах, которыми якобы наши бездарные полководцы заваливали поля сражений, об отважных и храбрых немецких генералах, о якобы массовом насилии воинами Красной Армии над целомудренными немецкими нордическими девами. Чего только стоит объявление русской версией английской Би-би-си памятника советскому воину-освободителю в Трептов-парке в Берлине памятником «Неизвестному насильнику». Дошло до того, что главу нашего государства В.В. Путина не пригласили на церемонию по поводу 70-летия освобождения Освенцима, на празднование 75-летия высадки союзников в Нормандии, на мероприятия в Поль-

ше в связи с 80-летием начала Второй мировой войны.

Еще 15—20 лет назад никем в Европе, да и в мире, не ставилось под сомнение, кто во Второй мировой войне победил, а кто потерпел поражение, кто нападал, а кто защищался, кто — преступник, а кто — герой.

Сегодня началась поголовная ревизия военной истории. Кто был врагом, резко стал стремиться стать героем. К боевой славе СССР примазываются разные «государства-приспособленцы», бодро шагают по улицам Прибалтики и Украины недобитые эсэсовцы, бандеровцы и прочая пронацистская нечисть. Короче говоря, наши недруги на Западе, Востоке и в Соединенных Штатах Америки и те псевдолибералы в России, которые идут в фарватере этой политики, пытаются побольней ударить по самому важному нравственному стержню единства нашего общества — Великой Победе над фашизмом.

Основные направления фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Первое — возложение на СССР (Россию) равной с Германией ответственности за развязывание Второй мировой войны 1939—1945 годов.

Предпринимаются активные попытки уравнивания фашизма и сталинизма посредством признания подобия внутригосударственных явлений в Германии и СССР, а также сходства управленческих подходов Сталина и Гитлера во внешнеполитической деятельности.

Второе направление фальсификации истории Великой Отечественной войны связано с развенчанием характера войны, как народной, освободительной, отечественной. Для этого псевдоисторики преувеличивают масштабы коллаборационизма на территории СССР, оккупированной нацистскими агрессорами, причисляют предателей Родины к рангу «борцов за независимость народов, борцов со сталинским режимом». Они же трактуют причины депортации советских народов как «месть советского режима за национально-освободительную борьбу».

Третье направление фальсификации истории Великой Отечественной войны сосредоточено на лишении России статуса Победителя и права утверждать о ее решающей роли в Победе над фашизмом в Европе. На этом участке информационного противоборства используются мифы о «слабости советского военного искусства, советских полководцев и военачальников», а также о том, что «экономическую основу Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне составили поставки по ленд-лизу».

Еще одно из направлений фальсификации истории Великой Отечественной войны — это лишение России, ее Вооруженных Сил и народа ранее всемирно признанного статуса Освободителя, искажение нравственного облика советского человека и советского воина.

В целом при таком изложении истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов получается, что это не мы победили нацизм благодаря массовому героизму, мужеству, стойкости советских людей, превосходству в военном деле, военной экономике и духовном потенциале, а наши англосаксонские союзники.

Общая цель фальсификации истории нашего Отечества — представив Россию «империей зла, с вековыми традициями деспотии, рабства и мздоимства», отнять у нее героическое прошлое, а у народа историческую память, сделать Российскую Федерацию изгоем мировой политики. Пересмотр итогов Второй мировой войны — часть большего плана по изъятию у России результатов Победы, ресурсов и территорий.

Вот почему в дни празднования 75-й годовщины Великой Победы над фашизмом свою задачу мы видим в развенчивании грубейших фактов фальсификации итогов Великой Отечественной войны, восстановлении исторической справедливости. И начать следует с довоенной истории.

До сих пор в кругах либеральных псевдоисториков бытует суждение об «исторической случайности» появления во главе Германии «мюнхенского пивного ефрейтора» Адольфа Гитлера. Однако Гитлер — это совместный политический проект США, Великобритании, промышленных и финансовых кругов Германии. Судите сами:

- 1929 год — Гитлер получает 10 млн долларов от Амстердамского отделения банка «Мельденсон и Ко»;
- 1930 год — 100 млн марок от «Юнион банкинг корпорейшен» и 10 млн долларов от Роттедамского банковского консорциума;
- в мае 1933 года глава Рейхсбанка Я. Шахт получил кредит от США в сумме 1 млрд долларов, в июне он же добился получения займа в 2 млрд долларов от Великобритании;
- в 1934 году американская компания «Стандарт Ойл» построила крупные нефтеперерабатывающие заводы в Германии, авиакомпании США предоставили технологическое оборудование и патенты для строительства новейших самолетов, в том числе «Юнкерс-87» (прямые американские капиталовложения в германскую промышленность в 1930 году составили 216,5 млн долларов);
- в 1940—1941 годах Гитлер получил кредит у Швейцарии на сумму 315 млн швейцарских франков (всего до 1944 года 980 млн франков).

Таким образом, с 1934 до 31 августа 1939 года военные расходы Германии составили 60 млрд марок, общий же бюджет составлял 101,5 млрд марок, т. е. на подготовку к войне шло 59,1 % госбюджета Германии.

Западные демократии активно участвовали в разжигании Второй Мировой войны:

- 1930 год — захват Японией Маньчжурии;
- 1931 год — японское вторжение в Центральный Китай;
- 1933 год — «Пакт четырех» (Германия, Италия, Англия, Франция) — попытка подчинить своей гегемонии всю Европу, изолировать Советский Союз и другие малые страны от решения европейских дел;
- 1934 год — Пакт Пилсудского — Гитлера (Польша и Германия) о ненападении;
- 1935 год — Англо-германское Морское соглашение, которое позволяло Германии построить 5 линкоров, 2 авианесущих корабля, 21 крейсер, 64 эсминца и 45 % тоннажа британских подводных сил; Гитлер «демократическим плебисцитом» вернул Саарскую область, отданную ранее по Версальскому договору Франции;
- 1936 год — Гитлер произвел бескровный захват Рейнской демилитаризованной зоны; Антикоминтерновский пакт (Германия, Япония) — против Советского Союза; Гитлер признал фашистский режим Франко в Испании, отправив для его поддержки легион «Кондор» (150 самолетов), 180 танков, 5500 человек; германская армия выросла до 700—800 тыс. человек (14 армейских корпусов, 4500 самолетов, 1500 танков);
- 1938 год — Гитлер произвел аншлюс (присоединение—поглощение) Австрии; «Мюнхенское соглашение» — Англия и Франция санкционировали раздел Чехословакии между Германией, Польшей и Венгрией (Польша захватила Тешинскую область, Венгрия в 1939 году — Карпатскую Украину); 16 апреля англо-итальянское соглашение, по которому Британия признавала суверенитет Италии над завоеванной Эфиопией;

30 сентября Декларация о ненападении между Англией и Германией; 6 декабря Декларация о ненападении между Францией и Германией;

• 1939 год — Гитлер отбирает у Литвы «Клайпедский край» и прибирает к своим рукам всю оставшуюся часть Чехословакии; Италия оккупирует Албанию.

Сталин прекрасно осознавал, что происходит. Оказавшись в изоляции, понимая, что рассчитывать на ненадежных западных союзников нельзя, он предпринял попытку «прикрыть тылы» и ответить на Мюнхенское предательство Англии и Франции.

23 августа 1939 года в Москве советский премьер Молотов и глава немецкого МИДа Риббентроп подписали договор между СССР и Германией (пакт Молотова—Риббентропа). Стороны обязались не нападать друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае военных действий с третьей стороной.

В результате этого соглашения произошло воссоединение белорусского народа в единой семье. Современное украинское государство в сегодняшних границах было создано тоже благодаря пакту Молотова—Риббентропа.

Литва по нему получила Вильно (Вильнюс), отрезанный от Польши, и который был провозглашен столицей литовского государства.

Сегодня нам пытаются внушить, что Сталин данным пактом позволил Гитлеру развязать войну. Но это ложь! Ведь до этого Германия уже поглотила Австрию, захватила чешскую область Судеты с большой долей немецкого населения. До того кромсали Эльзас и Лотарингию. Мы оказались последними в Европе, кто договорился с Германией.

Таким образом, подписание пакта нам нужно было для выигрыша времени. «Благодаря советско-германскому договору о ненападении война началась на стратегически более выгодных для СССР рубежах, население этих территорий подверглось нацистскому террору на два года позже, были спасены сотни тысяч жизней», — отмечается в заявлении Министерства иностранных дел России.

Сталин оказался мудрее, чем представлялось нашим недругам, и англосаксонская стратегия полностью провалилась. Им оставалось лишь «сделать хорошую мину при плохой игре». Попытка возложить на советского лидера всю ответственность за советско-германский договор и начало войны (будто Мюнхен и присоединение Австрии к Германии были не более чем второстепенными деталями), провалилась.

В ходе выступления на пленарном заседании клуба «Валдай» 23 октября 2019 года Президент России Владимир Путин коснулся темы оценки Иосифа Сталина и событий Великой Отечественной войны. Он подчеркнул, что все знают, что сталинский режим был связан с репрессиями, с лагерями, с потерями советских граждан в результате этих репрессий. Президент охарактеризовал это время, как «черную страницу истории нашей страны». «Но сказать, что Сталин раз-

Общая цель фальсификации истории нашего Отечества — представив Россию «империей зла, с вековыми традициями деспотии, рабства и мздоимства», отнять у нее героическое прошлое, а у народа историческую память, сделать Российскую Федерацию изгоем мировой политики. Пересмотр итогов Второй мировой войны — часть большего плана по изъятию у России результатов Победы, ресурсов и территорий.

вязал войну — это верх цинизма», — отметил российский лидер. Путин напомнил, что в 4 часа утра 22 июня Германия напала на Советский Союз, а не наоборот, несмотря на имевшийся договор о ненападении.

До сих пор западные и отечественные псевдоисторики и лжеисследователи утверждают, что СССР воевал только с Германией. Но в войне против СССР на военную машину Третьего рейха работала вся промышленность Европы. В первые годы войны почти каждый второй снаряд был отлит из шведской руды. Летом 1941 года каждый четвертый танк в немецкой армии был чешским или французским. Свои первые победы Германия одержала во многом благодаря скандинавскому железу и швейцарской оптике для прицелов.

Мало кто знает, что самым мощным танком вермахта при нападении на СССР был французский B2. Половина сверхтяжелых орудий, обстреливавших Ленинград, Севастополь, были произведены во Франции и Чехии. Так, Чешская оборонная промышленность была в то время одной из крупнейших в Европе. С ее заводов рейх получил более полутора миллионов винтовок и пистолетов, около 4 тысяч орудий и минометов, свыше 6600 танков и самоходных орудий.

Особое значение для Германии играли поставки сырья. Американские нефтяные компании через свои филиалы в странах Латинской Америки передали Гитлеру бензина на несколько десятков миллионов долларов. Компания Рокфеллера *Standard oil* поставила Третьему рейху горюче-смазочных материалов и топлива на сумму в 20 миллионов долларов.

В 1941 году Советский Союз, кроме нападения вермахта, подвергся агрессии армий нескольких европейских стран:

• Венгрия выставила около 500 000 солдат;

• Финляндия — 450 000 солдат;

• Италия — 200 000 солдат;

• Румыния — 200 000 солдат;

• Словакия — 90 000 солдат;

• Хорватия — около 15 000 солдат;

• Болгария с нами не воевала, но ее 12 дивизий противостояли греческим и югославским партизанам, освобождая немецкие дивизии для Восточного фронта;

• Испания, объявив себя нейтральной страной, направила на Восточный фронт «голубую дивизию» (40—50 тыс. чел.), а еще «голубую» авиаэскадрилью, по составу равную полнокровному полку, а также «голубую флотилию» Кригсмарин.

К осени 1941 года треть сил вторжения (70 дивизий) составляли войска союзников и европейских добровольцев. И это только те страны, которые официально объявили войну СССР. По различным данным, против Советского Союза воевало порядка 1,5—2 млн добровольцев из европейских стран: Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Латвии, Литвы, Эстонии, Франции, Сербии, Швейцарии, Люксембурга.

К 17 июля 1942 года немцы (с союзниками) превосходили Красную Армию на Восточном фронте в личном составе в 1,7 раза, а в самолетах — в 2 раза.

И все же советский народ победил.

Три главных фактора, принесших нам Победу.

Первый — ***преимущество советского социалистического строя***.

Победа — это высшее достижение советской эры. Быть может, весь советский проект был задуман историей для того, чтобы в недрах этого проекта воссияла Победа.

В своей статье «Моя эпоха» великий русский философ, писатель, участник Великой Отечественной войны Александр Зиновьев, некогда бывший в роли диссидента и высланным за свои убеждения из СССР, констатировал: «Да, войну вел

и одержал Победу народ. Но не просто какой-то абстрактный народ, а народ советский. Подчеркиваю: советский!.. Народ, коммунистически образованный и воспитанный. Народ, возглавлявшийся Коммунистической партией и высшим руководством во главе со Сталиным... В годы войны и в послевоенные годы этот исторический факт был бесспорным даже для самых заклятых антикоммунистов и антисоветчиков»[1].

Ему вторит известный немецкий поководец-танкист в годы войны Г. Гудериан. После войны, отвечая в своих мемуарах на вопрос: «В чем в конечном итоге заключался источник победы СССР?», кратко и по существу, с прусской незатейливостью ответил: «В сути социального устройства новой России»[2].

В 1923 году ущерб от гражданской войны в СССР составил около 50 млрд золотых рублей, промышленное производство сократилось до 4—20 % от уровня 1913 года, сельхозпроизводство упало в 2 раза, погибло по разным причинам порядка 12 млн человек. Но уже в 1937 году Советский Союз произвел:

• 182 млн 900 тыс. пар кожаной обуви (в 1913 году Россия — 8 млн 300 тыс. пар);

• 37 000 металлорежущих станков (в 1913 году — 0);

• 200 000 автомобилей (в 1913 году — 0);

• 1580 паровозов (в 1913 году — 418);

• 66 100 товарных вагонов (в 1913 году — 14 800).

В 1937—1938 учебном году в вузах СССР обучалось 550 000 человек (в России в 1913—1914 году — 112 000 человек), в начальных и средних школах СССР — 31,5 млн человек (в России 1913—1914 году — 9,5 млн человек).

«При Сталине Советский Союз, — отмечал паталогический антисоветчик З. Бзежинский, — действительно стал великой индустриальной державой. Была в полном объеме отстроена централизованная социалистическая система. И при этом у советской экономики был относительно высокий темп роста. Должен признать, что Сталин был невероятно способным и умным человеком, и уровень советского управления при нем был достаточно высоким».

Меч Победы в ходе войны ковался высоким научным интеллектом советских ученых и конструкторов, организаторским талантом красных наркомов, самоотверженным трудом инженеров и рабочих оборонных предприятий, простыми людьми от мала до велика, в том числе женщинами и детьми.

В 1941 году Германия и ее армия были в военно-техническом отношении сильнее СССР. Но начиная с середины 1942 года Советский союз обогнал Германию. К осени 1942 года на полную мощь заработали эвакуированные на восток предприятия военной промышленности и новая техника и вооружение сотнями тысяч единиц стали поступать на фронт.

В какой степени росла техническая оснащенность Советской Армии по мере развития оборонной промышленности, видно из сопоставления данных о количестве артиллерийских средств, использованных в ряде крупнейших сражений. Так, в декабре 1941 года, под Москвой, советские войска имели около 8 тыс. орудий и минометов, в 1942 году, в контрнаступлении на Волге, их число возросло в 2, в 1943 году, в Курской битве — в 4,3, а в 1945 году, в Берлинской операции — в 5,4 раза.

Что касается ленд-лиза, то за годы Великой Отечественной войны Советский Союз получил по нему лишь 4 % от общего количества использованных Красной Армией техники, имущества, промышленных товаров, в том числе:

- стрелкового оружия — 0,8 %,
- орудий и минометов — 1,8 %,
- автобензина — 2,7 %,
- танков и САУ — 12,1 %,
- боевых самолетов — 15 %,
- металлообрабатывающих станков и оборудования — 24 %,
- автомобилей — 32,8 %,
- ж/д рельсов — 36 %.
- авиабензина — 40 %,
- алюминия — 55 %.

При этом СССР всю войну за это расплачивался полезными ископаемыми — 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, тысячи кубометров древесины, платины, пушнины и др. сырья, а еще и золотом (только на крейсере «Эдинбург», потопленном фашистами в мае 1942 года, находилось 5,5 тонн советского золота).

Основной объем полученного по ленд-лизу пришелся на 1943—1945 годы. В 1941—1942 годах, т. е. в самые критичные дни войны, Советский Союз получил всего лишь 30 % от общего объема поставок, стоимость которых в 1941 году составила менее 0,1 % от общей стоимости американских поставок по ленд-лизу в другие страны. В это же время в Советском Союзе, после эвакуации на восток более 10 тысяч промышленных предприятий, общий объем военной продукции с марта 1942 года по январь 1943 года возрос в 5 раз по сравнению с довоенным уровнем.

Следует отметить, материальной помощи по ленд-лизу было отправлено в СССР в три раза меньше, чем в Британию. Всего же помощь по ленд-лизу кроме нашей страны получали три десятка стран.

Второй фактор — ***мощным идеологическим оружием в годы войны, преимущество которого перед фашистским признано даже Геббельсом, явилась коммунистическая идеология.*** Фашистская идеология человеконенавистничества, ослепившая на некоторое время большую часть немецкого народа, отступила перед идеей советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Выступая на Нюрнбергском процессе, фашистский палач Г. Геринг признал, что, готовясь к войне с Советским Союзом, немцы учли все: количество танков, самолетов, орудий и т. д. Они хорошо изучили нашу страну, о чем свидетельствует «Зеленая папка» Геринга, легшая в основу плана порабощения народов СССР. Они знали даже, сколько тракторов выходят из строя после посевной и уборочных кампаний. «Но мы не учли одного, — признался Геринг, — морального духа русских, советских русских»[3]. И это он считал главной причиной поражения гитлеровской Германии.

До сих пор западные и отечественные псевдоисторики и лжеисследователи утверждают, что СССР воевал только с Германией. Но в войне против СССР на военную машину Третьего рейха работала вся промышленность Европы. В первые годы войны почти каждый второй снаряд был отлит из шведской руды. Летом 1941 года каждый четвертый танк в немецкой армии был чешским или французским. Свои первые победы Германия одержала во многом благодаря скандинавскому железу и швейцарской оптике для прицелов. Американские нефтяные компании через свои филиалы в странах Латинской Америки передали Гитлеру бензина на несколько десятков миллионов долларов.

О патриотизме советских воинов свидетельствует немецкий генерал Г. Фриснер в книге «Проигранные сражения»: «Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично. Это было коренным отличием всей Красной Армии и особенно относилось к молодым солдатам... Самопожертвование советских солдат в бою не знало пределов»[4].

В 1972 году видный советский, русский писатель Валерий Ганичев от имени комсомола и издательства «Молодая гвардия», поздравляя с 75-летием Г.К. Жукова, в беседе спросил у маршала: «А все-таки, Георгий Константинович, почему мы победили?» Маршал после паузы сказал: «Мы победили потому, что у нас был самый храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину»[5].

В данной связи хотелось бы развенчать миф о том, что Красная Армия победила благодаря штрафбатам, заградотрядам и репрессиям СМЕРШ.

В войну было призвано в Красную Армию 34 млн 476 тыс. человек, представлявших 151 нацию и народность СССР. Неужели заградотряды и офицеры СМЕРШ заставили:

- 590 летчиков совершить воздушные тараны;
- 503 летчиков повторить подвиг капитана Н. Гастелло;
- 470 воинов повторить подвиг А. Матросова;
- 260 бойцов взорвать себя вместе с фашистами;
- 26 летчиков повторить подвиг А. Маресьева.

Кроме того, в годы Отечественной войны советскими воинами совершено 16 морских и 160 танковых таранов.

При этом в 1093 ротах и штрафных батальонах искупали вину кровью в общей сложности только 1,2 % от всех военнослужащих Красной Армии.

Хотел бы отметить, что и в германской армии существовали штрафные подразделения (части испытательного срока). Всего на Восточном фронте действовали 100 немецких штрафных рот общей численностью 16 500 человек.

Третий фактор — ***безусловно, долгожданную Победу нам принесли преимущество советской военной стратегии и полководческий талант наших военачальников***.

После окончания Второй мировой войны, когда еще не принято было в стиле доктора Геббельса переписывать историю, все ученые на Западе признавали, что от 70 до 80 % потерь германских вооруженных сил приходится на Восточный фронт. По официальным данным, основанным на германских источниках, Третий рейх потерял на Восточном фронте 507 немецких дивизий и 100 дивизий союзников Германии. На этом фронте была уничтожена и основная часть германской военной техники — до 75 % общих потерь танков и штурмовых орудий, свыше 75 % всех потерь авиации, 74 % общих потерь артиллерийских орудий.

Констатируя этот факт, президент США Ф. Рузвельт писал: «С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»[6].

На советско-германском фронте против СССР постоянно воевали одновременно от 180 до 270 вражеских дивизий. Против наших союзников — от 9 до 73 дивизий во время германского наступления в Арденнах — самого серьезного периода борьбы на Западном фронте. До высадки союзников в Нормандии против советских войск действовало в 20 раз больше германских войск, чем против всех союзников по антигитлеровской коалиции.

И это неудивительно. Протяженность советско-германского фронта

в разное время войны составляла от 2500 до 6200 км, а максимальная протяженность Западного фронта — от 640 до 800 км. Представьте огромный фронт от Заполярья и Балтики до Крыма и Кавказа, на котором ежедневно 1418 дней и ночей шли ожесточенные бои.

Такой воистину титанической напряженной борьбой было четырехлетнее противостояние на советско-германском фронте между Третьим рейхом и Советским Союзом. И большую часть этого времени мы бились с военной машиной вермахта один на один.

В данной связи следует отметить, чтобы разгромить и оккупировать европейские страны нацистской Германии потребовалось:

- 1 день на Данию и Люксембург;
- 5 дней на Голландию;
- 19 дней на Бельгию;
- 44 дня на Францию;
- 63 дня на Норвегию.

На Восточном фронте вермахт с союзниками потерял более 8,7 млн человек, в том числе Венгрия — 809 тыс., Румыния — 475 тыс., Италия — 92 тыс., Финляндия — 84 тыс., Словакия — 67 тыс.

Чтобы оценить полководческое искусство и вклад СССР в Победу над фашизмом, следует привести слова У. Черчилля — премьер-министра Великобритании: «Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов. Кроме советских армий не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине... Это был русский медведь, который выпустил кишки из нацистской Германии»[7].

Наша победа оплачена большой ценою. В годы войны мы потеряли около 27 млн человек. Для сравнения Франция — 665 тысяч, США — 417 тысяч, Великобритания — 370 тысяч, Италия — 479 тысяч.

За освобождение Европы Красная Армия отдала более 1 млн жизней. Так, безвозвратные потери Красной Армии при освобождении государств Европы составили:

- в Польше — 600 212 человек;
- в Чехословакии — 139 918 человек;
- в Венгрии —140 004 человека;
- в Германии — 101 961 человек;
- в Румынии — 68 993 человека;
- в Австрии — 26 006 человек;
- в Югославии — 7995 человек;
- в Норвегии — 3436 человек;
- в Болгарии — 977 человек.

Общее количество освобожденного Красной Армией населения составило более 120 млн человек в 16 независимых на настоящий момент государствах Европы. В освобождении еще шести стран Красная Армия участвовала вместе с союзниками.

И как же не стыдно сегодня ряду стран Европы, в частности Польше, сносить памятники советским героям, отдавшим жизни за свободу польского народа. Думаю, история все расставит по своим местам.

Величие Победы над фашизмом заключается и в том, что, вступив с ожесточенными боями на территорию Германии, Советская Армия смогла отделить немецкий народ от своего врага — гитлеровского нацизма. Ненависть к захватчикам, бесчинствовавшим на нашей земле, не распространилась на мирное население Германии. Невиданные злодеяния против советского народа не обратились мщением по отношению к немецкому народу, не лишили воинов Красной Армии человеческого облика.

«Где и когда это видано, — говорил известный немецкий писатель Ганс Фаллада, бывший бургомистр города Фельдберг, чтобы армия-победительница была так великодушна и добра к народу побежденной



Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, генерал армии В.Д. Соколовский в Берлине у Бранденбургских ворот после награждения высшими орденами Великобритании (1945 год)

страны? Четыре года вы не знали ни сна, ни отдыха, не раз смотрели смерти в лицо... Тысячи смертей! Вы должны были озвереть... А что я увидел? Я увидел одержимых комендантов, которые ни себе, ни мне не давали покоя, пока не откроется еще одна булочная для немцев, пока не пустят электростанцию, откроют кинотеатры, пока не завезут продукты в детскую больницу...»[8].

Не зря в берлинском Трептов-парке стоит памятник советскому солдату-освободителю. Он стоит, опустив меч и прижимая к груди спасенную девочку. Прообразом этого памятника послужил подвиг солдата Николая Масолова, который под сильным огнем противника, рискуя жизнью, вынес с поля боя немецкого ребенка.

Комендантом Рейхстага перед началом его штурма 30 апреля 1945 года был назначен полковник Ф.М. Зинченко. За полчаса до боя он узнал о гибели своего последнего брата. Двое других погибли под Москвой и Сталинградом. Все его шесть сестер остались вдовами. Но, выполняя свой долг, комендант первым делом позаботился о местном населении. Штурм Рейхстага еще продолжался, а полковые повара уже раздавали пищу изголодавшимся немцам. Только в Берлине были обеспечены питанием 3,5 миллиона человек.

Сегодня русофобия, которая существовала на Западе столетиями, становится теоретической и практической основой коммуникационной, информационной войны. Все отравленные стрелы этой войны в последнее время направлены в сторону Москвы. Запад, находясь в системном кризисе, упорствует в стремлении захватить и контролировать весь мир. Сделать это, пока жива Россия, невозможно. Следовательно, надо ее уничтожить.

Во времена холодной войны, когда шла борьба за выживание двух систем, сохранялось хоть какое-то уважение к сопернику, некая аргументация позиций. Сейчас же вызовы и угрозы со стороны Запада утратили всякую логику и здравый



Юнармейцы Москвы на Красной площади во время всенародной акции «Бессмертный полк» (2019)

смысл. Они направлены на уничтожение противника вне зависимости от его поведения.

Уже очевидно: России объявлена война. Об этом говорят факты. Война — это необязательно ракетные удары. Существует масса иных способов, и судьба СССР наглядно это доказывает. Мы видим экономические санкции, информационное, политическое, военное давление. Сейчас поставлена задача: парализовав экономику, снизив уровень жизни, запретив выступление спортсменов на олимпиаде, дискредитировав Путина, развалить Россию изнутри.

Австрийский писатель, критик, публицист Карл Краус в 1932 году писал: «Как начинаются войны? Войны начинаются тогда, когда политики лгут журналистам, а потом сами верят тому, что написано в газетах»[9].

Особое внимание недоброжелатели России уделяют фактам фальсификации победных дат нашей истории. Героическая и вместе с тем трагическая история Великой Отечественной войны — это великая книга жизни, борьбы и беззаветного служения своему Отечеству, всенародного патриотизма. Чрезвычайно важно, чтобы она стала «настольной книгой» каждого человека, тем более российского воина. Вот почему жителям страны, особенно молодежи, в год памяти и славы надо рассказывать правду об этой войне. Если людям честно поведать, как жили и воевали их предки, они уже не смогут себя вести не патриотично. А к советским героям — молодогвардейцам, панфиловцам, Зое Космодемьянской, Александру Матросову, Юрию Смирнову и другим славным советским воинам нужно относиться как к канонизированным святым.

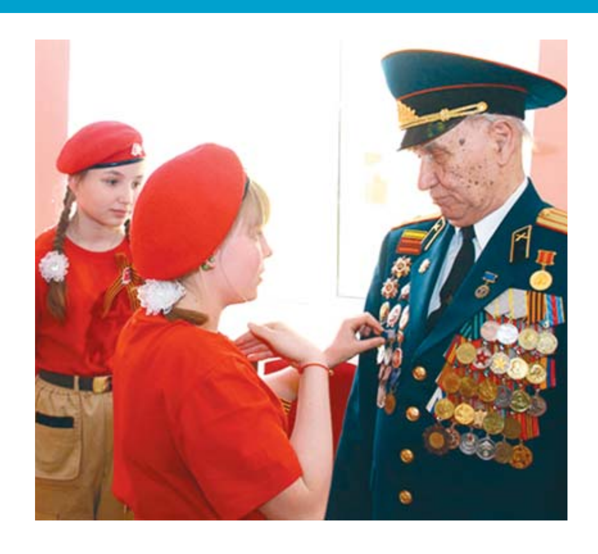
Для этого надо бороться за коммуникационное пространство, монополизированное Западом, наметить свой путь выхода из глобального кризиса, развенчивать мифы, на которых зиждется русофобия. Это надо делать наряду с техническим и эко-

номическим развитием вместе с укреплением Вооруженных Сил. Только так можно избежать крупной войны, на которую нацелился Запад.

Все неравнодушные российские люди должны давать жесткий отпор «вражеским голосам», свято беречь правду о минувшей великой войне. Ибо кто владеет правдивой историей, тот владеет государством. Человек без памяти никто. Как писал поэт Василий Федоров: «Сердца! Да это же высоты, которых отдавать нельзя»[10]. Мы их и не отдадим.

Порукой этому являются наша богатая история, наши героические традиции, наши славные ветераны — участники Великой Отечественной войны.

Президент России В.В. Путин подчеркивает: «Наш священный долг — быть верными великим ценностям патриотизма, хранить память о подвиге отцов и дедов, чтить наших ветеранов»[11].



Традиции отцов и дедов продолжим и умножим!

Дочь фронтовика поэтесса Любовь Владимировна Терехова подтверждает это стихами:

«Ведь памяти нашей у нас
не отнять,
Мы все отдадим для Победы,
Мы встанем, как прежде, —
за каждую пядь,
И с нами — полки наших дедов»[12].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Зиновьев А.А.* Украденная победа. URL: https//pospil.ru/ruOO/80/htm (дата обращения: 04.12.2019).

[2] *Калистратов А.* Дни беды. Часть II. URL: https//www.vpk-news.ru/articles/39112 (дата обращения: 17.02.2020).

[3] URL: https//yandex.ru/search/text=ГерингГ. Но мы не учли одного морального духа русских. 1981. 213 с. (дата обращения: 17.02.2020).

[4] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. URL: https//militera.lib.ru/memo/german/frissner//09.htm1/ (дата обращения: 18.02.2020).

[5] *Ганичев В.Н.* Слово. Писатель. Отечество. М., 2013. 295 с.

[6] Черчилль, Рузвельт и мир о победе русского народа над фашизмом. URL: https//monocler.ru/cherchill-rusvelt-i-mir-o-pobede-russkogo-naroda-nad-fashizmom // (дата обращения: 18.02.2020).

[7] Там же.

[8] *Тюшкевич С.* Величие нашей Победы. URL: https//archive.redstar.ru/index.php/newspaper/item/33082-velichie-nashei-pobedy/ (дата обращения: 18.02.2020).

[9] Там же.

[10] *Федоров В.* Сердца. URL: https//rupoem.ru/fedorov/vse-ispytav-my.aspx/ (дата обращения: 18.02.2020).

[11] *Путин В.* Наш священный долг — быть верными великим ценностям патриотизма. URL: https//pravoslavie.ru/80152.html (дата обращения: 18.02.2020).

[12] *Терехова Л.* Бессмертный полк России. URL: https//vkcom/wall-4629306-159/ (дата обращения: 18.02.2020).

Людские потери Красной Армии и вермахта в Берлинской операции (16 апреля — 8 мая 1945 года)

Полковник в отставке В.В. ЛИТВИНЕНКО,
доктор технических наук

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены боевой состав и численность советских и немецких войск, участвовавших в Берлинской наступательной операции, существующие оценки людских потерь Красной Армии и вермахта. На единой методической основе сформированы интервальные оценки безвозвратных потерь советских и немецких войск. Показано, что в Берлинской наступательной операции потери Красной Армии были в несколько раз меньше потерь вермахта.

ABSTRACT

The paper looks at the combat personnel and numerical strength of the Soviet and German troops that took part in the Berlin Offensive, and at the available estimates of the loss of life in the Red Army and the Wehrmacht. Falling back on uniform methodology, it forms interval estimates of fatalities sustained by the Soviet and German troops. It shows that the Red Army lost several times fewer personnel in the Berlin Offensive than did the Wehrmacht.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великая Отечественная война, Берлинская наступательная операция, Красная Армия, вермахт, безвозвратные потери в сражениях на советско-германском фронте, интервальные оценки безвозвратных потерь советских и немецких войск в Берлинской наступательной операции.

KEYWORDS

Great Patriotic War, Berlin Offensive, Red Army, Wehrmacht, fatalities sustained in battles at the Soviet-German Front, interval estimates of fatalities of the Soviet and German troops in the Berlin Offensive.

В ТЕЧЕНИЕ послесоветского периода в массовое сознание нашего народа настойчиво внедряется мысль о том, что людские потери Красной Армии в подавляющем большинстве сражений Великой Отечественной войны многократно превосходили немецкие. Ярким примером являются инсинуации о потерях в Берлинской наступательной операции, завершившейся разгромом немецких групп армий «Висла» и «Центр» и капитуляцией Берлинского гарнизона. Так, в книге «История России...»[1] утверждается, что в битве за Берлин погибло 90 тысяч советских воинов. Троекратно завышает потери 1-го Украинского фронта доктор филологии Борис Соколов[2], а журналист Денис Терентьев в статье «Всю правду о войне знает только народ» пишет, что «Георгий Жуков... как считают многие специалисты, положил 200 тысяч солдат, которым до возвращения домой оставался последний шаг»[3].

Основные причины неверного исчисления людских потерь Красной Армии и вермахта неоднократно излагались автором, в том числе и на страницах журнала «Военная Мысль»[4], и возвращаться к ним не будем. Напомню только, что корректное сравнение потерь Красной Армии и вермахта в Берлинской наступательной операции возможно при единой трактовке понятия «безвозвратные потери в сражении», в которые включаются погибшие, попавшие в плен, пропавшие без вести, а также раненые и больные, отправленные в тыловые госпитали в ходе сражения. С учетом этого замечания перейдем непосредственно к оценке людских потерь в Берлинской наступательной операции.

Краткие сведения об операции

Боевой состав и численность противоборствующих сил (войск) в операции приведены в таблице 1[5].

Таблица 1

Характеристика боевого состава и численности войск в Берлинской наступательной операции

№ п/п	Воинские формирования	Красная Армия	Вермахт
К началу операции			
1	Фронты, группы армий	Фронты: 1-й, 2-й Белорусский, 1-й Украинский	Группы армий: «Центр», «Висла»
2	Армии, отдельные корпуса	21 армия: 3 гв, 5 гв, 8 гв, 2 уд, 3 уд, 5 уд, 13, 33, 47, 49, 52, 61, 65, 69, 70, 1 гв. ТА, 2 гв. ТА, 3 гв. ТА, 4 гв. ТА, 1 и 2 армии Войска Польского 8 корпусов: 1 гв. тк, 3 гв. тк, 9 тк, 1 гв. кк., 2 гв. кк, 3 гв. кк, 7 гв. кк, 8 мк	4 армии: 9, 17, 3ТА, 4ТА
3	Дивизии*, бригады**	171 дивизия: сд — 148; вдд — 1, кд — 12, пд — 10 96 бригад: тбр — 58, кбр — 1, сабр. — 6, мбр — 18, мсбр — 13	50 дивизий: пд — 25, тд — 6, мд — 9, апд — 1, пдд — 1, упд — 1, лпд — 2, осназд — 3, дмп — 2 1 бригада: пбр — 1
4	Общая численность, чел.	2 062 100	1 000 000
Введено в ходе операции			
1	Фронты, группы армий	—	—
2	Армии	2 армии: 28, 31	2 армии: 12, 21
3	Дивизии, бригады	18 дивизий: сд — 18	32 дивизии: пд — 19, мд — 3, тд — 4, упд — 2, осназд — 2, лыжд — 1, пдд — 1

* Обозначение дивизий: сд — стрелковая; вдд — воздушно-десантная; тд — танковая; кд — кавалерийская; пд — пехотная; мд — моторизованная; осназд — особого назначения; дмп — морской пехоты; лыжд — лыжная; пдд — парашютно-десантная, лпд — легкопехотная, апд — авиаполевая; упд — учебно-полевая.

** Обозначение бригад: тбр — танковая; мбр — механизированная; мсбр — мотострелковая; кбр — кавалерийская; пбр — пехотная, сабр — самоходно-артиллерийская.

Берлинская операция началась 16 апреля 1945 года наступлением войск 1-го Белорусского (командующий — Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович) и 1-го Украинского (командующий — Маршал Советского Союза Конев Иван Степанович) фронтов на позиции немецких войск групп армий «Висла» (командующий — генерал-полковник Готтард Хейнреци) и «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Фердинанд Шернер). К 19 апреля оборона немецких войск на реках Одер и Нейсе, а также на Зееловских высотах была прорвана и советские войска, в том числе вступившего в операцию 2-го Белорусского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Рокоссовский Константин Константинович), приступили к окружению и расчленению берлинской группировки противника. 24 апреля советские войска замкнули в районе Бранденбурга кольцо окружения немецких войск. С 26 апреля начались бои в Берлине. 1 мая над рейхстагом взвилось красное Знамя Победы, а 2 мая берлинский гарнизон капитулировал. Операция завершилась пленением остатков немецких войск групп армий «Висла» и «Центр».

Потери Красной Армии

Существующие оценки людских потерь Красной Армии в Берлинской наступательной операции приведены в таблице 2.

Таблица 2

Оценки людских потерь Красной Армии в Берлинской наступательной операции

Виды потерь	Численность потерь, чел.			
	Кривошеев Г.Ф.[6]	Невзоров Б.И.[7]	Соколов Б.В.[8]	Зубов А.Б.[9]
Безвозвратные, из них:	78 291	78 300	82,6*	—
убитые и умершие от ран	—	—	—	не менее 90 000
Санитарные	274 184	—	—	330 000
Общие	352 475	—	—	—

* Только безвозвратные потери 1-го Украинского фронта.

Цифра безвозвратных потерь 1-го Украинского фронта, полученная Б. Соколовым, выше цифры Г.Ф. Кривошеева и Б.И. Невзорова, характеризующих безвозвратные потери всех войск, участвовавших в Берлинской операции. Свою цифру Б. Соколов получил в рамках обвинения Г.Ф. Кривошеева в занижении в три раза потерь Красной Армии. Как и в других случаях обвинения Б. Соколова беспочвенны. Вот его аргументация о якобы имеющем место занижении Г.Ф. Кривошеевым потерь 1-го Украинского фронта в Берлинской операции: «Попробуем оценить, какова была бы численность группировки 1-го Украинского фронта в начале Пражской операции, если бы не потери в Берлинской операции, закончившейся для войск фронта непосредственно перед началом Пражской операции. При этом надо учитывать, что численность воздушно-десантной дивизии была примерно равна численности стрелковой дивизии, а численность одной кавалерийской дивизии равнялась примерно трети от численности стрелковой. Точно так же танковый и механизированный корпуса каждый

примерно равны по численности полнокровной стрелковой дивизии. А две отдельные танковые бригады и три самоходно-артиллерийские вместе взятые примерно равны по численности одной стрелковой дивизии. Тогда общую численность группировки 1-го Украинского фронта перед началом Берлинской операции, — без девяти дивизий 28-й армии — можно оценить примерно в 47 расчетных стрелковых дивизий, а численность группировки того же фронта к началу Пражской операции — в 83,2 расчетных стрелковых дивизий. С учетом численности войск 1-го Украинского фронта к началу Берлинской операции численность войск фронта, привлеченных к участию в Пражской операции, можно оценить в 975,2 тыс. человек, тогда как на самом деле в момент начала Пражской операции она составила 806,4 тыс. человек. Потери 1-го Украинского фронта в Берлинской операции согласно "Гриф секретности снят" составили 86 245 раненых и больных и 27 580 убитых и пропавших без вести. Если вычесть их из 975,2 тыс. человек, то получится 861,4 тыс. человек. Это на 55 тыс. больше, чем действительно осталось людей в войсках 1-го Украинского фронта к началу Пражской операции. 55 тыс. — это приблизительный объем недоучтенных безвозвратных потерь, без учета возможных пополнений, поступивших в войска фронта к началу Пражской операции. Тогда общие безвозвратные потери фронта в Берлинской операции можно оценить в 82,6 тыс. человек, что в 3 раза больше цифры, приведенной авторами "Грифа"…»[10].

Как следует из данной оценки, боевой состав 1-го Украинского фронта к началу Пражской операции Б. Соколов определил в 83,2 «расчетные» дивизии общей численностью в 975,2 тыс. чел. Это значит, что численность «расчетной» дивизии им принята в 11 721 чел. (975,2 тыс. чел. : 83,2 = 11 721). Но в Красной Армии стрелковых дивизий такой численности не было. Откуда же Б. Соколов взял эту цифру? Не составляет труда выяснить, что численность «расчетной» дивизии получена им делением приведенной Г.Ф. Кривошеевым численности 1-го Украинского фронта к началу Берлинской операции (550,9 тыс. чел.) на подсчитанное число «расчетных» дивизий фронта к этому моменту (47) – 550,9 тыс. чел. : 47 = 11 721.

Б. Соколов намеренно прибегает к фальсификации, не учитывая имеющихся во фронте отдельных частей, хотя об их наличии ему известно. Это подтверждается тем, что, рассуждая об участии или неучастии ряда дивизий 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов в Берлинской операции[11], он ссылается на страницы 441—450 книги «Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.)»[12], где приведен боевой состав фронтов, участвующих в Берлинской операции, а на с. 449 указаны соединения и части фронтового подчинения, относящиеся к 1-му Украинскому фронту. В составе 1-го Украинского фронта к началу Берлинской операции кроме соединений и объединений, учтенных Б. Соколовым при определении числа «расчетных» дивизий, насчитывалось 190 отдельных полков и 31 отдельный батальон (дивизион)[13]. Их суммарная численность составляла не менее 200 тыс. чел., т. е. на долю 47 «расчетных» дивизий приходилось не 550,9 тыс. чел., а 350,9 тыс. чел. Численность «расчетной» дивизии в этом случае будет не 11 721 чел., а 7466 чел. (350,9 тыс. чел. : 47 = 7466 чел.), и в данной связи численность 83,2 «расчетных» дивизий будет 621,2 тыс. чел., а не 975,2 тыс. чел. Полагая, что численность отдельных частей оставалась неизменной, то к началу Пражской операции 1-й Украинский фронт должен был иметь 821,2 тыс. чел., а имел 806,4 тыс. чел. Получается, что в ходе

Берлинской операции фронт потерял лишь 14,8 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Если следовать логике Б. Соколова, выходит, что Г.Ф. Кривошеев, указывая потери 1-го Украинского фронта в Берлинской операции в 113,8 тыс. чел., завысил их на 99 тыс. чел., т. е. более чем в 6 раз. Но это не так: при проведении как Берлинской, так и Пражской операций в состав 1-го Украинского фронта входили дивизии, численность которых могла быть самой разной и существенно отличаться от «расчетной»*.

* В Берлинской операции, например, численный состав дивизий главной ударной группировки 1-го Украинского фронта колебался в пределах 4700—5700 чел. (книга «Последний штурм», с. 122—123). Примеры отличий в численности дивизий на разных фронтах и в различных операциях есть, например, в книге «Курская битва» (под ред. И.В. Паротькина, изд. 1970 г.). Так, на 1 июля 1943 года средняя списочная численность стрелковой дивизии составляла: по Центральному фронту — 7400 чел., по Воронежскому фронту — 8400 чел. [с. 478 книги]. А в ходе контрнаступления средняя численность дивизий составляла: по Центральному фронту — 6810 чел., по Воронежскому фронту — 7180 чел., по Западному фронту — 7120 чел., по Брянскому фронту — 7920 чел., по Степному фронту — 6070 чел. [с. 490 книги].

Поскольку в основу «подсчетов» Б. Соколова положена фальсификация, то приведенная им цифра потерь 1-го Украинского фронта в Берлинской операции не подлежит рассмотрению.

В соответствии с определением «безвозвратные потери в сражении», приведенным выше, скорректируем соответствующим образом цифры, приведенные Г.Ф. Кривошеевым (табл. 2) — учтем в безвозвратных потерях ту часть раненых и больных, которая направлена на излечение в тыловые госпитали. Для 1-го Украинского фронта эта часть санитарных потерь составляла 15,4 %[14]. Принимая для всех войск, участвующих в Берлинской операции, долю санитарных потерь, направленных в тыловые госпитали, равной 15—16 %, получим, что число раненых и больных, эвакуированных в тыл в ходе нее, составило примерно 40—50 тыс. чел. При таком подходе безвозвратные потери Красной Армии в Берлинской операции оцениваются в 120—130 тыс. человек.

Потери вермахта

Существующие оценки людских потерь вермахта в Берлинской наступательной операции приведены в таблице 3.

Таблица 3

Оценки людских потерь вермахта в Берлинской наступательной операции

Виды потерь	Численность потерь, чел.		
	Гастони П.[15]	Невзоров Б.И.[16]	Зубов А.Б.[17]
Безвозвратные, из них:	**880 000**	480 000	—
убитые и умершие от ран	400 000*		—
пленные и пропавшие без вести	480 000		134 000

* Приводя цифру в 400 тыс. убитых солдат вермахта, Петер Гастони пишет, что она подсчитана по донесениям фронтов, и добавляет «Возможно, эта цифра еще больше, поскольку трупы в превращенных в груды развалин домах не считали…».

Обратим внимание на оценку, приведенную в книге под редакцией Андрея Зубова: «…2 мая гарнизон города капитулировал. 134 тыс. немцев сдались в плен. Цена этого финала — не менее 90 тысяч убитых и 330 тысяч раненых советских воинов»[18]. Из данной, мягко говоря, лукавой фразы следует, что при пленении 134 тыс. немецких солдат Берлинского гарнизона советские войска потеряли более 420 тыс. солдат. На самом деле потери Красной Армии во всей Берлинской операции были меньше (см. первый столбец табл. 2), при этом немецкие войска потеряли в несколько раз больше солдат. Опираясь на донесения советских войск, Питер Гастони подсчитал потери немецких войск: они составили 880 тыс. чел. убитыми и попавшими в плен[19]. Поскольку в донесениях советских войск потери вермахта могли быть завышены за счет учета участников боев из «фольксштурма», «гитлерюгенда» и других вооруженных формирований, не относящихся к вермахту, то оценим реалистичность приведенных П. Гастони цифр.

Общие безвозвратные потери немецких войск в Берлинской операции складываются из потерь групп армий «Висла», «Центр» и Берлинского гарнизона.

Поскольку конечное состояние группы армий «Висла» к концу Берлинской операции известно — полная и безоговорочная капитуляция, то подсчитаем потери группы армий по балансу численности ее войск, принимавших участие в Берлинской операции.

Точная цифра начальной численности войск группы армий «Висла» на 16 апреля 1945 года неизвестна, о чем сообщают различные немецкие источники. Так, Вильгельм Тике пишет: «Данные о численности войск и вооружений конца войны вызывают сомнения, так как с немецкой стороны в это время просто невозможно было выяснить точные цифры…»[20]. Однако близкую к действительности цифру численности войск группы армий «Висла» к началу Берлинской операции определить можно. Во-первых, в справке организационного отдела генерального штаба сухопутных войск вермахта от 8 марта 1945 года указано, что в составе группы армий «Висла» состояли 37 соединений (общая численность личного состава при неполном учете тыловых частей — 527 тыс. чел., боевая численность — 280 тыс. чел.)[21] — в среднем на одно соединение группы приходится не менее 14 200 чел. В течение марта — начала апреля 1945 года войска группы армий «Висла» понесли существенные потери, но одновременно они пополнялись как новыми соединениями, так и маршевыми подразделениями. На 16 апреля 1945 года в состав группы армий «Висла» входило 29 соединений[22], причем численность их была довольно высокой. Так, 9-я немецкая армия имела общую численность 200 тыс. чел.[23] (В. Тике приводит более высокую цифру численности 9-й армии на начало Берлинской операции — 235 тыс. чел.). В составе 9-й армии было 15 соединений, т. е. на одно соединение приходилось в среднем 13 300 чел. (в эту цифру входят численность собственно соединения и $^{1}/_{15}$ часть численности поддерживающих, вспомогательных и тыловых частей армии). Кроме того, в боях в составе войск группы армий «Висла» принимали участие ряд отдельных боевых групп, частей и подразделений, а также гарнизоны крепостей Штеттин и Франкфурт. Численность личного состава гарнизонов этих крепостей была значительной. Так, только «боевая численность» (13 945 чел.) гарнизона крепости Франкфурт более чем в два раза превышала «боевую численность» пехотных дивизий 9-й немецкой армии (от 3860 чел. до

6703 чел.). Численность группы армий «Висла» с учетом всех войсковых формирований к началу Берлинской операции составляла примерно 400—450 тыс. человек.

В ходе операции численность группы армий «Висла» увеличилась за счет передачи ей в оперативное подчинение 21-й и 12-й армий и нескольких отдельных соединений. В целом в боях за Берлин в составе группы армий «Висла» действовали 52 соединения (см. табл. 4)[24], общей численностью не менее 690 тыс. чел. (52 × 13 300 = 691 600). В ходе боев они понесли тяжелые потери. Гюнтер Куке, солдат дивизии СС «Гитлерюгенд», воевавшей в составе 9-й армии под командованием генерала пехоты Теодора фон Буссе, рассказывает о боях за Берлин: «В котле у Хальбе была сборная солянка из солдат дивизии СС «Гитлерюгенд», моряков, летчиков, помощников зенитчиков, пехотинцев и танкистов с непонятным руководством и диким беспорядком. Нас в котле было 200 тыс. солдат, а русских перед нами стояло 2,2 миллиона, в десять раз больше, чем нас… На солдатском кладбище в Хальбе лежат 28 тысяч павших солдат. Это был забой скота. Я не могу этого описать, я не знаю, какие там были потери у русских, но у нас они были чудовищные. В этом лесу под Хальбе лежали штабеля трупов, один метр в высоту…»[25]. О тяжелых потерях войск группы армий «Висла» пишет и Вильгельм Тике: «Последний марш 9-й армии завершился. Путь, по которому прошли прорывавшиеся на запад части, был пропитан потом и кровью бесчисленного количества солдат и гражданских. Многие из них обрели вечный покой на солдатском кладбище под Хальбе как «неизвестные солдаты». Немало их товарищей и попутчиков было похоронено в лесах между Хальбе и Беелитцем или остались лежать непогребенными вдоль всего этого пути… Точное количество потерь, которые понесла 9-я армия, восстановить практически невозможно. Число тех, кому удалось пробиться на запад, колеблется от 30 до 40 тысяч солдат и нескольких тысяч гражданских...»[26].

К концу Берлинской операции все войска группы армий «Висла» капитулировали. Но не только перед советскими войсками. Многие немецкие командиры еще в преддверии Берлинской операции планировали сдачу войск американцам и англичанам в случае неблагоприятного для вермахта развития событий. В. Тике, ссылаясь на записи дневника генерала Мартина Гарайса, пишет, что еще до начала боев при обсуждении вопросов обороны командир 46-го танкового корпуса генерал пехоты М. Гарайс и командующий 3-й танковой армией генерал танковых войск Хассо фон Мантейфель «…пришли к единому мнению по всем основным темам. Оба считали, что, если Одерский фронт будет прорван, удерживать его дальше будет невозможно. Поэтому единственно возможной целью в данных обстоятельствах было увести к англо-американцам на запад как можно больше немецких солдат и гражданских»[27].

В ходе боев значительная часть войск группы армий «Висла» сдалась союзникам. В. Тике сообщает: «Непосредственный участник переговоров с американцами о капитуляции генерал фон Эдельсхайм, говоря о количестве немецких войск, сдавшихся в плен американцам, приводит в своих заметках следующие цифры: 20—25 тысяч человек из состава 9-й армии и корпусной группы Реймана («Потсдам») и 90—100 тысяч человек из состава 12-й армии... Еще около 100—120 тысяч солдат 3-й танковой армии и армейской группы Штайнера сумели пересечь демаркационную линию в районе Висмара—Дёмитца,

сдавшись в плен американцам и англичанам. Так группа армий «Висла» прекратила свое существование… Потери немецких войск в живой силе и технике установить в точности так и не удалось»[28]. По приведенным цифрам общая численность сдавшихся в плен союзникам из состава группы армий «Висла» составила 210—250 тыс. чел. Это значит, что безвозвратные потери данной группы армий в боях с Красной Армией можно оценить в 440—480 тыс. чел. {690 – (210…250)}.

Таблица 4

Соединения группы армий «Висла», разгромленные в Берлинской операции[29]

Период	Армия	Разгромленные соединения		
		Разгромлены и уничтожены	Разгромлены и сведены в боевые группы	Разгромлены и сведены в остатки
Апрель 1945 г.	3-я танковая	47 пд, 27 пд СС «Лангемарк», 28 пд СС «Валония», 5 лпд, 102, 611 осназд,	156 пд	281, 389, 549 пд, 1 дмп
	9-я	169, 214, 275, 286, 337, 342, 391, 712 пд, пд «Деберитц», 35 пд СС «Полицейская», тд «Мюнхенберг», 11 мд СС «Нордланд», 20 мд, 23 мд СС «Нидерланды», 32 мд СС «30 января», мд «Курмарк», б. гр. 36 пд СС и 21 тд, ост. 9 пдд	—	—
Май 1945 г.	3-я танковая	пд «Шлагетер», див.: 406, 7 тд, 25 мд, 1, 402 упд, б. гр. 156 пд, ост. 281, 389, 549 пд		
	21-я	4 мд СС «Полицейская», 5 адд, 3 дмп, 606 осназд, ост. 1 дмп		
	12-я	пд «Ян», 84 пд, пд «Берлин», пд «Гаудекер», пд «Гутен», пд «Мадер», пд «Фау», пд «Хаке», пд «Шарнгорст», пд «Шиль», 18 мд, тд «Теодор Кернер»		

В группе армий «Центр» в Берлинской операции потери понесли главным образом соединения 4-й танковой армии. Жорж Бернаж пишет, что наступающий на позиции войск группы армий «Центр» 1-й Украинский фронт уже в первые дни наступления добился «устрашающих успехов», его 3-я гвардейская танковая армия… (командующий — генерал-полковник Павел Семенович Рыбалко. — *Прим. авт.*) в ходе жестоких боев… уничтожила главные силы четырех немецких дивизий: 342-й, 545-й и 615-й пехотных, а также танко-гренадерской дивизии Бранденбург[30]. Немецкое командование было вынуждено ввести в бой резервы 4-й танковой армии, группы армий «Центр» и главного командования (12 дивизий, в том числе 6 танковых, 5 пехотных и 1 моторизованную), из которых к 19 апреля понесли тяжелые потери 21-я танковая дивизия и танковая дивизия «Охрана фюрера». К концу апреля 1945 года войска 1-го Украинского фронта ликвидировали шпрембергскую (10-я танковая дивизия СС, танковая дивизия «Охрана фюрера»[31], 344-я пехотная дивизия и несколько отдельных частей)[32] и коттбусскую (214-я и 275-я пехотные дивизии, несколько отдельных частей, в том числе остатки 342-й пехотной и 21-й танковых дивизий)[33] группировки войск. На дрезденском направлении понесла большие потери герлицкая группировка войск группы армий «Центр», в которую входили 20-я танковая дивизия, парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг», 17, 72, 193 (разгромлена и расформирована), 404, 464, 615 пехотные дивизии и моторизованная дивизия «Бранденбург». Кроме того, к окончанию Берлинской операции были разгромлены и расформированы заградсоединение Рейхенбургской низменности, дивизионная группа «Иолассе» и корпусная группа «Мозер». Некоторые из перечисленных соединений (342, 214, 275 пехотные и 21 танковая) в ходе Берлинской операции какое-то время воевали в составе группы армий «Висла», и их потери учтены в ее общих потерях. В данной связи людские потери группы армий «Центр» включали потери пяти разгромленных и расформированных (потери — более 75 % личного состава) соединений (танковая дивизия «Охрана фюрера», 193-я пехотная дивизия, заградсоединение Рейхенбургской низменности, дивизионная группа «Иолассе» и корпусная группа «Мозер»), потери одной разгромленной и сведенной в боевую группу (потери — более 50 % личного состава) дивизии (193-я пехотная дивизия), потери одной разгромленной и сведенной в остатки (потери — более 67 % личного состава) дивизии (615-я пехотная дивизия особого назначения), значительные (более 25 % личного состава) потери девяти немецких дивизий, а также потери большого числа отдельных частей и подразделений. В целом общие потери группы армий «Центр» эквивалентны полной потере примерно 10 дивизий, что при численности дивизий в 7000—10 000 чел. составляет ориентировочно 70—100 тыс. человек.

На 16 апреля 1945 года в состав группы армий «Висла» входило 29 соединений, причем численность их была довольно высокой. Так, 9-я немецкая армия имела общую численность 200 тыс. чел., в ее составе было 15 соединений, т. е. на одно соединение приходилось в среднем 13 300 чел.

В боях непосредственно в Берлине советским войскам, по разным оценкам, противостояли от 60 до 200 тыс. человек[34]. Вместе с тем большую часть защитников Берлина составляли отступившие в ходе боев солдаты и офицеры групп армий «Висла» и «Центр», потери которых были учтены выше, а также подразделения «фольксштурма» и «гитлерюгенда», не относящиеся к вермахту. Собственно берлинский гарнизон включал охранный полк СС «Великая Германия», 1-ю зенитно-артиллерийскую дивизию, выполнявшую функции наземной артиллерии, три танко-истребительных бригады, шесть противотанковых дивизионов, десять артиллерийских дивизионов, одну бригаду штурмовых орудий, части 17-й и 23-й зенитных дивизий и ряд небольших подразделений[35]. Численность гарнизона составляла примерно 30—40 тыс. человек.

В целом безвозвратные потери немецких войск в Берлинской операции можно оценить в 540—620 тыс. человек.

При этом соотношение потерь Красной Армии и вермахта составляет (120—130 тыс.) : (540—620 тыс.) = 0,19—0,25, т. е. потери вермахта были в 4,0—5,2 раза выше.

Итоги использования людских ресурсов в Берлинской операции

Подведем итоги Берлинской операции с точки зрения использования людских ресурсов.

П е р в о е. Боевые действия с обеих сторон велись с исключительным упорством. Отчаянное сопротивление немецких войск объяснялось, *во-первых*, жесткими требованиями руководства вермахта защищать Берлин до последнего патрона. Бывший командующий обороной Берлина генерал артиллерии Готтард Вейдлинг по этому поводу заявил: «…я получил приказ от Гитлера оборонять столицу до последнего человека»[36]. *Во-вторых*, многие солдаты и офицеры вермахта поражение в войне рассматривали как катастрофу, крушение всего жизнеустройства. Наконец, *в-третьих*, немалую роль в ожесточенном сопротивлении вермахта сыграл страх немецких солдат попасть в русский плен. Это подтвердил в ходе допроса командующий войсками охраны тыла 9-й армии генерал-лейтенант Ф. Бернгард: «Я думаю, что одной из основных причин упорства наших частей является боязнь русского плена, так как у нас на протяжении последних лет убеждали, что “русские расстреливают всех военнопленных”…»[37].

В т о р о е. Безвозвратные потери немецких войск были велики не только из-за недостатка сил и средств, но и из-за ошибок командования вермахта в оценке сил и намерений Красной Армии. Гитлер и его штаб ожидали наступления не на Берлин, а в направлении протектората Чехии и Моравии. Об оценке верховным командующим вермахта боевых возможностей Красной Армии генерал пехоты Курт Типпельскирх, бывший в период Берлинской операции начальником штаба 9-й немецкой армии, а впоследствии некоторое время командовавший группой армий «Висла», пишет: «Гитлер — уже в который раз! — недооценивал силы противника. Он считал, что русские выдохлись и ведут бои лишь “трофейными солдатами”, т. е. освобожденными военнопленными и новобранцами из вернувшихся под их власть районов, иначе говоря, “всяким сбродом”…»[38].

В группе армий «Центр» в Берлинской операции потери понесли главным образом соединения 4-й танковой армии. К концу апреля 1945 года войска 1-го Украинского фронта ликвидировали шпрембергскую и коттбусскую группировки войск.

Третье. Безвозвратные потери советских войск были в 4,0—5,2 раза ниже безвозвратных потерь немецких войск. Важнейшим фактором, обусловившим данное соотношение, явился высокий уровень оперативного искусства командующих советскими фронтами и армиями. Бывший командующий обороной Берлина генерал артиллерии Готтард Вейдлинг так охарактеризовал действия советского командования в Берлинской операции: «Я считаю, что основными чертами данной операции русских, как и других операций, является следующее:

1. Умелый выбор направления главного удара.

2. Концентрация и ввод крупных сил, в первую очередь танковых и артиллерийских масс, на участках, где наметился наибольший успех; быстрые и энергичные действия по расширению созданных разрывов в немецком фронте.

3. Применение различных тактических приемов, достижение внезапности, даже в случаях, когда наше командование располагало данными о предстоящем русском наступлении и ожидало это наступление.

4. Исключительно маневренное руководство войсками...»[39].

По мнению английского историка Джона Эриксcона, «взятие Берлина — величайшая операция во всей военной истории»[40]. А премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, в карьере которого были посты военного и военно-морского министра королевства, в конце войны так оценил действия Красной Армии: «...чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов. Кроме советской армии, не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине...»[41].

Сокрушив гитлеровскую военную машину, Красная Армия спасла от уничтожения миллионы людей, избавила человечество от ужасов фашизма. Ее великий подвиг навечно записан золотыми несмываемыми буквами на страницах истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История России. XX век: 1939—2007 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2010. С. 159.

[2] *Соколов Б.В.* Цена войны. Людские потер России/СССР в XX—XXI вв. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 183—184.

[3] Аргументы недели. № 17—18, 7 мая 2018 года. С. 8.

[4] *Литвиненко В.В.* Операция «Багратион». Людские потери Красной Армии и вермахта. Мифы и реальность // Военная Мысль. 2019. № 5. С. 131—143.

[5] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг. Вып. 5. М.: ВНУ ГШ, 1958. С. 84—93, 112—119; Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Действующая армия. М.: Animi Fortitudo, Кучково поле, 2005. С. 619—620; Боевой состав Советской армии. Ч. 5. М.: ВНУ ГШ, 1990. С. 117—127, 153—163; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: в 2 т. Т. 2. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 731; Берлинская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1965. № 5. С. 81—82.

[6] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2009. С. 124.

[7] *Невзоров Б.И.* Московская битва — решающее военно-историческое собы-

тие Великой Отечественной войны // Московская битва 70 лет спустя: современный взгляд. Материалы научно-практической конференции 28 ноября 2011 г. М.: Департамент культуры г. Москва, Государственный музей обороны Москвы, 2012. С. 26.

[8] *Соколов Б.В.* Цена войны. Людские потери России / СССР в XX—XXI вв. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 183—184.

[9] История России. XX век: 1939—2007 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2010. С. 159.

[10] *Соколов Б.В.* Цена войны. Людские потери России / СССР в XX—XXI вв.

[11] Там же.

[12] *Воробьев Ф.Д., Пароткин И.В., Шиманский А.Н.* Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). М.: Воениздат, 1975. С. 441—450.

[13] Там же. С. 449.

[14] Очерки истории советской военной медицины. Л.: Медицина, 1967. С. 312.

[15] Гастони П. Битва за Берлин. В воспоминаниях очевидцев. 1944—1945. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2013. С. 367.

[16] *Невзоров Б.И.* Московская битва — решающее военно-историческое событие Великой Отечественной войны.

[17] История России. XX век: 1939—2007.

[18] Там же.

[19] *Гастони П.* Битва за Берлин…

[20] *Шойфлер Х., Тике В.* Марш на Берлин. 1944—1945. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 213.

[21] К вопросу о людских ресурсах и численности вооруженных сил Германии во Второй мировой войне // Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 92.

[22] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии… С. 84—93.

[23] *Исаев А.В.* Падение Берлина. Последняя битва Великой Отечественной. М.: Яуза: Эксмо, 2012. С. 50.

[24] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии… С. 84—93, 112—114.

[25] *Драбкин А.В.* Окопная правда вермахта. Война глазами противника. М.: Яуза-пресс, 2014. С. 122.

[26] *Шойфлер Х., Тике В.* Марш на Берлин. 1944—1945. С. 451.

[27] Там же. С. 214—215.

[28] Там же. С. 581—582.

[29] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии… С. 84—93.

[30] *Бернаж Ж.* Берлин. 1945. Агония «тысячелетнего» Рейха. М.: Эксмо, 2007. С. 97.

[31] Битва за Берлин. Завершающее сражение Великой Отечественной войны. М.: АСТ Москва, Владимир: ВКТ, 2008. С. 256.

[32] Там же. С. 309.

[33] Там же. С. 351.

[34] *Исаев А.В.* Падение Берлина. Последняя битва Великой Отечественной. С. 39.

[35] Битва за Берлин. Завершающее сражение Великой Отечественной войны. С. 419.

[36] Ответы бывшего командующего обороной города Берлина генерала артиллерии Г. Вейдлинга на вопросы представителя советского командования генерал-майора Трусова // Военно-исторический журнал. 1959. № 5. С. 93.

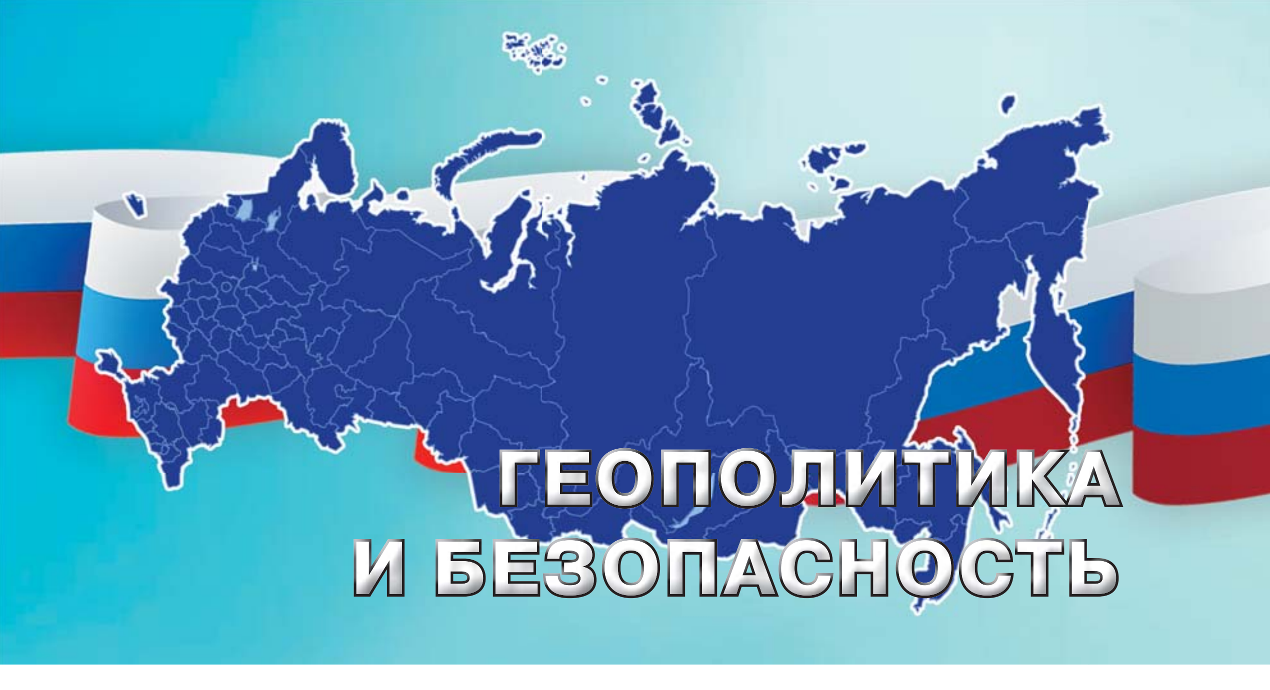
[37] Битва за Берлин. Завершающее сражение Великой Отечественной войны. С. 745.

[38] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб., М.: Полигон, АСТ, 1999. С. 733.

[39] Ответы бывшего командующего обороной города Берлина генерала артиллерии Г. Вейдлинга… С. 92.

[40] Цит. по книге: *Баженов Н.* Тайны Берлинской операции. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. С. 8.

[41] *Гареев М.А.* Борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны — важнейшая задача патриотического воспитания // Материалы Международной научно-практической конференции ветеранских организаций СНГ. М., 2014. С. 7.



Культурно-информационное противоборство: история и современность

М.А. АРТЮХ

АННОТАЦИЯ

Рассматривается противоборство на международной арене в информационно-культурной среде, особенности формирования и применения невоенных инструментов достижения внешнеполитических целей западными странами в исторической ретроспективе и в современных условиях, теоретические и методические основы выработки подходов к организации и противодействию целенаправленного скрытого и явного воздействия на население нашей страны, возможные пути совершенствования системы общегосударственной контрпропагандистской подготовки граждан, военно-политической работы в Вооруженных Силах РФ, естественное преимущество их позиционирования в культурно-информационном противостоянии с Западом.

ABSTRACT

The paper examines the standoff on the international arena in the information and culture sphere, the ways in which Western countries formed and employed non-military instruments to achieve foreign-policy objectives in historical retrospect and in the current conditions, the theoretical and methodological basis of devising approaches to the organization and countering of purposeful covert and overt impact on the public in this country, likely methods of improving the system of national counter-propaganda training of civilians, the military-political work in the RF Armed Forces, and the natural advantage of their positioning in the cultural-informational standoff with the West.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Безопасность страны, информационно-культурное противостояние, информационное противоборство, противодействие государственным угрозам, контрпропагандистская подготовка, военно-политическая работа.

KEYWORDS

The country’s security, informational and cultural standoff, information confrontation, countering threats to the state, counter-propaganda training, military-political work.

НАЧИНАЯ с промышленной революции, в особенности с первой половины XX века, человечество пережило беспрецедентные изменения, затронувшие все без исключения сферы его деятельности. Можно говорить о радикальном перестроении мировой культуры, основными чертами которого являются взрывной рост потребляемой хозяйством энергии, преобладание городского населения над сельским, освоение технологий бесперебойной связи и мгновенной передачи информации, преодоление (в основном) проблемы голода и переход передовых стран в новую фазу развития капиталистической экономики изобилия, в которой тотально задействовано почти поголовно грамотное и образованное население национальных государств[1].

Какую бы религию не исповедовал человек, какого бы цвета не была его кожа, к какой бы национальности он себя не относил, если он живет в большом городе, работает по найму, смотрит по телевизору новости и пользуется мобильным телефоном-компьютером для общения в виртуальном пространстве с другими людьми, он будет воспринимать и позиционировать себя скорее как человека постиндустриального уклада, чем представителя той или иной цивилизации, носителя той или иной традиции.

Главной угрозой для стабильности миросистемы сейчас является не потенциальный конфликт между различными очагами самобытных древних и не очень культур (так называемое «столкновение цивилизаций»), а устойчивая и прогрессирующая способность западной цивилизации, с англосаксонцами по обе стороны Атлантического океана во главе, навязывать под личиной универсальности основания своего культурного уклада исповедуемые ими далеко не очевидные ценности[2]. Продолжая наживаться на колониальном наследии более тонкими средствами финансового, информационного и культурного манипулирования, Запад под предлогом достигнутых им ранее технологических прорывов представляет как единственно возможные для дальнейшего прогресса выработанные в лоне его культуры особенности политического и экономического устройства, отношений в системе государство—человек и человек—общество.

Очевидная опасность заключается тут даже не в изначальной ошибочности или принципиальной нонкомплиментарности тех или иных выработанных на Западе традиций и норм общественного поведения. Последовательно отстаиваемые и подаваемые как традиционные его ценности (такие как уважение к личной свободе и «стремление к личному счастью», т. е. ярый индивидуализм), позволившие некогда совершить колоссальные технологические прорывы в производстве, приводит в новых экономических условиях к принципиально иным, резко негативным результатам.

Окончательное превращение капиталистической экономики в экономику инжинируемого спроса и управляемого потребления сознательно и эффективно развивает в человеке ярко выраженный консьюмеризм и, как следствие, преобладание эгоистических мотивов в поведении, личного над общественным. В условиях нервного напряжения большого города люди вынужденные постоянно конкурировать в мире бескомпромиссно-

го профессионального и делового соперничества еще более разобщаются, теряют крепкие общественные связи. **Культура Запада — это культура трагического эгоизма.**

Заметное влияние на эволюцию мировой культуры оказывает развитие ***информационных технологий***. Появляются проблемы духовного бытования, неизвестные ранее человечеству. Одной из них является возникшая возможность не просто погружения в виртуальный мир (ежедневное время общения с гаджетами растет повсеместно), а стремление людей подчас с помощью создания «электронного протеза» души компенсировать недостатки существования в современном мире. В целом это ведет к большей социальной стабильности, но при этом значительный потенциал психической энергии людей отвлекается на бессодержательное общение, а внимание — на безобидные вещи вроде игровых приложений. С другой стороны, появилась возможность проецировать в сеть синжинированные личности, локализовывать вокруг них деструктивные силы в виде тлеющих ячеек потенциальных террористических действий.

Крайним проявлением патологических последствий отождествления действительной личности с личностью виртуальной в пользу последней являются учащающиеся случаи кровавых расправ, учиненных типичными общественными аутсайдерами, потерявшими связь с реальностью.

Результатом жизни в условиях экономики изобилия является не только повышение средней ее продолжительности, но также и сокращение рождаемости, старение населения, рост психических расстройств, числа абортов, самоубийств и преступников. Очевидные экономические успехи не могут скрыть того факта, что по всем базовым параметрам, прежде всего по способности к воспроизводству популяции, Запад на протяжении последних двух поколений устойчиво деградирует[3].

Однако завоеванное ранее за счет банального и бесцеремонного ограбления остальной планеты лидерство Запада и его основного ядра — США будет неопределенно долгое время всемерно поддерживаться. Чем меньше будет для него оснований, тем яростней будет стремиться приватизированное Федеральной резервной системой Правительство США, невзирая на действующие публично лица, бороться за сохранение своих позиций. Огромную роль в насаждении своей культуры и традиций уже вполне открыто признают ученые и действующие политики, соответствующие положения входят в документы стратегического планирования, пропаганда инструментов «мягкой силы» ведется с высоких кафедр уважаемых научных заведений.

Это выглядит закономерно. На формирование и бытование культуры важнейшее воздействие оказывают ***структуры публичной власти***. В древних обществах сакральный характер власти вынуждал обожествлять правителей, выводя фигуру священнослужителя в фокус формирования политики и культуры. Доиндустриальные национальные государства, вынужденные активно конкурировать между собой, доверяли правление военным предводителям. Таковы истоки аристократии с ее акцентами на рыцарские качества подлинных героев. С победой буржуазных революций в центр исторического действия помещается фигура ростовщика и предпринимателя. Не пророк и не герой, а простой человек с его «естественными» правами легитимизируется во власти через управляемый выбор себе равных.

Каждой системе управления соответствует набор проецируемых в общество желательных качеств сознания

и социальных ролей, порой чрезвычайно жестко предписанных. Представительное правление современного типа не является исключением. Скорее наоборот, именно в условиях тоталитарной демократии довлеющая рыхлая идеология правового государства жесточайшим образом ограничивает свободу выбора жизненных ориентиров для человека. Ювенальная юстиция, право для женщин уничтожать свое потомство, продвинутая фармакология транквилизаторов и антидепрессантов, мерзкие сексуальные извращения в виде нормы — все это плоть от плоти современной западной культуры, обеспечивающей методичным духовным и гражданским разложением населения стабильность власти подконтрольных финансовой олигархии правительств.

В течение XX века именно в западных странах, первоначально на собственном населении, обкатывались ***методы мягкого манипулирования массовым сознанием***, подспудного формирования стереотипов восприятия и предсказуемых моделей поведения, т. е. всего того, что и определяет в конечном счете культуру человека. Первое целиком послевоенное поколение проявило остатки протестного потенциала, продемонстрировав неорганизованную силу в знаменитых событиях конца 1960-х годов, когда волна молодежных волнений прокатилась по многим ведущим западным странам, не исключая США, после чего любые потенциально опасные для политического гомеостаза массовые течения последовательно купировались. При этом активно использовались именно средства культуры, причем не без выгоды для индустрии моды и развлечений, которые смогли переработать образ бунтующего «неформала» в ходовой товар, а стихийно возникшие творческие институции наподобие знаменитого фестиваля в Вудстоке в банальное шоу.

Созданное рукотворно в отрыве от традиций континентальной Европы, практически с нуля, государство соединенных штатов представляло собой дистиллированный вариант аппарата, реализовывающего волю сильных мира сего через легальные каналы легитимной политики и наемных публичных лидеров.

Вхождение же США в пул крупных международных игроков уже проходило под знаменем мессианства Вудро Вильсона. Именно с этого времени уже более века действует эффективный алгоритм — **американская элита формирует правительство своей страны, а последнее, в свою очередь, стремится менять правительства в других странах в интересах своей элиты**. Большим подспорьем в этом традиционно является пропаганда достижений американской «культуры», главным образом бытовой и развлекательной.

В годы противостояния «холодной войны», закончившейся с известными результатами, американское правительство, весь правящий класс Запада приобрели бесценный опыт культурных диверсий и методической идеологической работы с населением стран-мишеней. Долговременные проекты, вроде радиовещания на территории противника, влияние через публичных персон, оговоренное, как в случае с Солженицыным, или скрытное, как в случае с присуждением Нобелевской премии Пастернаку[4], поддержка оппозиционных движений и идей, специализированные «образовательные» проекты, масштабная трансляция продуктов своего «искусства», другие апробированные инструменты культурно-информационного воздействия продолжают применяться и в новых условиях многополярного мира уже в отношении всех без исключения незападных игроков.

Начиная с Уотергейта — нашумевшего информационного спектакля,

разыгравшегося, правда, в домашних декорациях, на практике, и все чаще для внешнего пользования, применяется планомерное создание очагов публичного внимания, которое через срежиссированные масштабные социальные драмы вводит в ментальное тело целевой аудитории законченные смысловые комплексы, метафоры и формирует необходимые стереотипы восприятия и мышления, контролируемые паттерны поведения.

В долгой череде различных «-гейтов» (Иран-контрас-гейт, Левински-гейт и т. д.), как символов и метафор грязных политических приемов и недостойного поведения власть предержащих[5], сегодня почетное место занимают и абсурдные легенды о вмешательстве России в американские выборы, и алармистские кампании против неуловимых и всесильных русских хакеров, и похабные шоу с фальшивыми отравлениями, и заключение в тюрьму людей по признаку схожести фамилий.

Особую тревогу вызывает способность правящего класса Запада целенаправленно работать с отдельными социальными категориями, в особенности с молодежью. Пример Европы, где организованные политическими партиями в военизированные формирования молодые люди обеспечили человеческим материалом сначала торжество фашизма, а затем и беспрецедентную мировую бойню, поставил в повестку дня вопрос нейтрализации политической активности молодежи у себя дома. Еще в сентябре 1944 года вышел первый номер американского журнала «*Seventeen*»[6], ознаменовав собой начало эры ликвидации общественного потенциала юности, ее инфантилизации. Начиная с этого времени, уже более 70 лет, молодежь подвергается сильнейшему фокусированному воздействию, призванному блокировать развитие социальных качеств и практик опасных для политического гомеостаза Запада и подпитывать те из них, которые развивают в человеке потребительский эгоизм, в конечном счете разобщают людей.

Совпадение интересов политической и экономической элиты в вопросах должных параметров предпочтительной общественной идеологии обеспечило практически неограниченными ресурсами ее активную пропаганду, скрытую или явную. При этом эффективно использовались качества и состояния человека, формируемые в нем обезличивающей жизнью в условиях современного постиндустриального общества.

Чрезвычайно тесное сожительство на ограниченной территории большого города людей совершенно разного социального положения, точнее обусловленное историческим развитием разрушение прежних систем социального ориентирования, основанного на непосредственном знакомстве или личном авторитете немногих близких людей, было использовано для внедрения новых ориентиров общественного положения — ***меток материального благополучия***.

В 1988 году, с приобретением компанией *Filip Moris* по цене в шесть раз больше стоимости балансовых активов компании *Kraft*[7], капиталистический рынок не просто открыто признал наличие стоимости у так

Главной угрозой для стабильности миросистемы сейчас является устойчивая и прогрессирующая способность западной цивилизации, с англосаксонцами по обе стороны Атлантического океана во главе, навязывать под личиной универсальности основания своего культурного уклада исповедуемые ими далеко не очевидные ценности.

называемых «брендов», но и вполне адекватно определил мощь их экономического и психического действия. Подобно тому, как вещи с эмблемой *Nike* приучили воспринимать их как сам дух спортивной жизни и продавать по сверх завышенным ценам, так и американскому флагу, западным словам-заклинаниям (таким как «демократия», «права человека», «свобода») смогли придать значение символа желаемой для многих изобильной и счастливой жизни.

Важным следствием тотального брендирования товаров стало формирование жесткой системы социальных координат, в которой люди ранжируются по признаку потребления вещей вне зависимости от человеческих качеств, полезных или потенциально опасных для остального общества. Помимо очевидной несправедливости такая основа для определения статуса ведет к выделению материальных стимулов в поведении людей, что обедняет его вариативность и приводит к стандартизации мыслей и духовному оскудению.

Нетрудно проиллюстрировать на множестве живописных примеров, что вторжение в культурное поле Советского Союза инородных брендов было важным фактором социальной дестабилизации и дискредитации действующей власти. Приобретая на черном рынке пеструю рубашку с заветным иностранным ярлычком, человек одновременно и позиционировал себя социально успешным, и подспудно отстранялся от идеалистических целей, декларируемых партией. Сегодня для независимости и суверенитета нашей страны наибольшую угрозу представляют люди, сознательно принявшие западные идеологические одежды и ориентированные на западные идеологические бренды. Выбирая и примеривая на себя «респектабельные демократические ценности», они пропагандируют гибельный для общества образ мыслей и моделей действия, который может привести к преобладанию в нем деструктивных мотивов и стимулов поведения[8].

Следует особо отметить, что после достижения основных целей в «холодной войне» с нейтрализацией главного соперника в ней, США вынуждены были скорректировать тактику и отчасти стратегию достижения внешнеполитических задач. Преждевременно объявленный известным американским политологом Фрэнсисом Фукуямой «конец истории», предполагающий всеобщее добровольное единение на основе западных ценностей либеральной экономики и представительной демократии, так и не произошел.

На смену жестких американских доктрин прошлого пришли представления и более гибкие, и более коварные, лучше и полнее соответствующие сложному характеру противостояния без четкого идеологического разграничения при сохраняющейся опасности взаимного и гарантированного уничтожения после обмена ядерными ударами. В трудах офицера-белоэмигранта Евгения Эдуардовича Месснера[9], изданных в Аргентине еще в 60-х годах XX века, впервые проводилась мысль о новом характере конфликтов, которые автор предлагал называть мятежевойнами.

После крушения Советского Союза в резко поменявшейся геостратегической обстановке созвучные идеи с учетом требований времени были высказаны американским дипломатом Стивеном Манном в его работе 1992 года «Теория хаоса и стратегическая мысль»[10]. Вместе с более поздними работами другого высокопоставленного американского чиновника, бывшего заместителя министра обороны США Джозефа Ная[11], введшего в научный обиход термин «мягкая сила», они составляют тео-

ретическую и методическую основу для скрытых агрессивных внешнеполитических действий США на современном этапе.

В отличие от довлевших ранее теоретических представлениях эпохи биполярного противостояния с четким идеологическим фронтом управляемый хаос предполагает привнесение беспорядка в любую среду и работу с отдельными его создающими элементами в своих целях. Главными объектами воздействия становятся не государственные структуры, а общественные элементы и институты, причем в первую очередь податливые для манипуляций. Вместо долговременного влияния предпочтение отдается концентрированным действиям по случаю.

Работа по внедрению желательных элементов западной культуры ведется децентрализованно в целях поиска взаимной выгоды аффилированных к бизнесу государственных чиновников с привлечением как общественных, но не государственных, так и относительно частных ресурсов. Построенная и протестированная во время холодной войны система управления западной культурой продолжает демонстрировать свою устойчивость и эффективность. В ее основе лежит не поддержка традиции с помощью финансирования классических институтов, а целевое вложение в основном частных средств в актуальные проекты, востребованные в обществе и способные приносить экономическую выгоду. Правительство США не воспринимает и не использует инструменты культуры как средство воспитания и развития людей.

Для решения нетипичных задач, которые обуславливают успех в условиях противостояния нового типа, на основании изысканий указанных и других теоретиков разворачивается инфраструктура действия, использующая самые разные инструменты влияния, выделяются все более существенные фонды. Показательно, что в 2015 году министерство армии США направило в военную академию США Вест-Поинт запрос на проведение социологического исследования России, во многом напоминающее знаменитый Гарвардский проект конца 40-х годов прошлого века[12]. Так удовлетворяется потребность в составлении психологического портрета жителей нашей страны.

Налицо масштабная теоретическая и ресурсная подготовка к проведению отдельных акций и мероприятий долговременного характера, направленных на причинение ущерба России без применения традиционных сил и средств ведения войны. Особенности текущего геополитического момента, некоторые качественные характеристики социально-экономической системы и ситуации в России, общие для всех постиндустриальных стран проблемы и черты будут и дальше использоваться с максимальной отдачей. Большое значение для построения адекватной стратегии и тактики защиты от угроз национальной безопасности нового типа имеет понимание тех исторически обусловленных особенностей миросистемы и соотношения сил в ней, которые могут быть использованы потенциальным соперником в деструктивных целях.

Среди главных факторов, которые могут в обозримом будущем оказывать деформирующее влияние на мирную эволюцию международных отношений и систему международной безопасности, следует выделить следующие:

- трагическое несоответствие базовых оснований стратегического мышления финансово-политических лидеров Запада масштабным задачам развития мировой системы хозяйства и социального развития человечества, настоятельным требованиям глобализации, уровню стоящих перед

человечеством проблем, вызванных переходом к новому постиндустриальному технологическому укладу;

• вызванное этим несоответствием дестабилизирующее воздействие центров влияния западной цивилизации (США, ЕС, Великобритания, Австралия, Канада и т. д.) на всю систему международных отношений и связей, дискредитация правовых оснований взаимоотношений между суверенными государствами, невиданное в истории попрание дипломатических традиций, обесценивающее само понятие договор, пиратские и ханжеские действия в отношении партнеров, частая неприкрытая агрессия в отношении потенциальных противников на всех направлениях противостояния;

• наличие у западных элит консенсуса в отношении вопроса применения троцкистских методов подрывной деятельности, усугубленное спаянным партнерством государства и бизнеса в сфере распространения выгодных обоим сторонам образа мыслей, патернов поведения, самих оснований потребительской культуры ярого индивидуализма, распространяемых через невиданную ранее мировую информационную систему крайне эффективными методами и способами;

• использование легальных и эффективных каналов формирования массовой культуры, поддерживающей рыхлую идеологию западного мира, объективно гибельную для дальнейшего прогресса человечества, но искусно представляемую как передовую и единственно возможную, ловкое использование выгод самопровозглашения победы в «холодной войне», несмотря на существование крепких азиатских оплотов мировой системы модифицированного социализма и древнейших центров цивилизаций, хранящих тысячелетние традиции.

В качестве основных объектов приложения негативной энергии будут и дальше выступать институты, способные сплачивать людей и поддерживающие существование проверенных веками традиций. Среди них особой эрозии подвергаются государство (за исключением евроатлантической тоталитарной финансовой метрополии), церковь и семья. Соответственно основные усилия в борьбе за суверенитет и культурную автономию и против окончательного порабощения западной культурой требуется направлять на их всемерное поддержание и творческое развитие сообразно с требованием времени.

Исторически обусловленное современное стратегическое положение России позволяет говорить о существования у нашей страны ряда преимуществ в отношении других крупных игроков в миросистеме относительно самостоятельных цивилизаций, а именно:

• однозначная самобытность русского культурного кода, не отвергаемая ни одним из крупных и признанных исследователей взаимоотношения цивилизаций, от Данилевского до Тойнби, от Чаадаева до Хантингтона;

• прагматичные, внеидеологические основания во внешней политике, основанные на взаимном уважении особенностей социально-политических систем отдельных государств, привлекательный образ стабилизирующей и умиротворяющей силы, вносящий порядок в отношения между странами, настоятельно необходимый при наблюдаемом уровне и характере встающих перед человечеством глобальных мировых проблем;

• десекуляризация общественной жизни, укрепление государственности, ориентированной на поддержку крепкой семьи, традиций, что означает фактически прямой антагонизм с главной деструктивной силой на международной глобальной арене,

как следствие, сплачивает с близкими союзниками и укрепляет лидерский потенциал;

• наличие естественных преград информационно-психологическому давлению и культурным влияниям извне, таких как самостоятельный язык, собственные признанные мировым сообществом школы и направления во всех значимых видах искусства и литературы, автономия научной и философской мысли, принадлежность основной части титульной нации к христианской православной апостольской церкви;

• сохранение у государства возможностей, механизмов и институтов для организации поддержки таких явлений в культуре, которые способствуют сплочению нации и формируют основания для успешного противодействия злонамеренным воздействиям, в том числе деформирующим историческую память и культурный код.

В последние годы на фоне обострения ситуации на международной арене Россия смогла в некоторой степени воспользоваться данными естественными выгодами. **Показателем этого является и растущее доверие граждан к основным общественным институтам — государству, армии, церкви.** Отмечается продуктивное внимание людей к собственной исторической памяти, государство смогло найти несколько эффективных платформ для реализации свободной и позитивной энергии на важных направлениях. Растет число участников акции «Бессмертный полк», распространяющаяся во многих странах мира, возрождены традиции государственно-общественного партнерства. Работают всероссийские исторические, военно-исторические и географические общества, отдельные проекты поддерживаются специализированными инструментами распределения государственных ресурсов, через систему президентских грантов. Управление культурой носит признаки системного характера. В него вовлечены государственные структуры, в том числе и силовые ведомства, прежде всего Вооруженные Силы Российской Федерации.

У российской армии в современной ситуации особая и очень важная миссия. Относительно автономная в отношении остального общества, обладающая системой собственных ценностей, вовлекающая в свои ряды здоровых молодых людей по всеобщей воинской обязанности и сплачивая их в воинское братство в самое важное для становления личности время, **именно армия может и должна стать стабилизирующей и консервативной силой, обеспечивающей дальнейшее поступательное самостоятельное развитие российского общества и минимизацию последствий влияния на него со стороны недружественных внешних сил**. Для российской армии, дважды в течение одного столетия пережившей предательство

Сегодня для независимости и суверенитета нашей страны наибольшую угрозу представляют люди, сознательно принявшие западные идеологические одежды и ориентированные на западные идеологические бренды. Выбирая и примеривая на себя «респектабельные демократические ценности», они пропагандируют гибельный для общества образ мыслей и моделей действия, который может привести к преобладанию в нем деструктивных мотивов и стимулов поведения.

политического руководства страны, жизненно важно не допустить реализации таких сценариев впредь.

Работа с личным составом должна строиться на разоблачении методов и приемов манипулятивного воздействия не только во время выполнения функциональных обязанностей, предписанных уставными положениями и в условиях внеслужебной деятельности. Следует всемерно поддерживать традиции воинского братства и взаимопомощи, собрания ветеранов. Каждый офицер-воспитатель вне зависимости от конфессии, должен внимательно следить за началом духовной жизни, ее течением и продолжением, атеистические, а точнее, богоборческие представления наподобие фрейдистских теорий личности должны изживаться.

Требуется определенное время для методического перестроения воспитательной работы в войсках в ключе повышения уровня общегосударственной подготовки военнослужащих, внедрения новых форм воспитательного воздействия, вероятно неординарных инструментов взаимодействия с обществом, в особенности с молодежью, что уже наблюдается на таких примерах, как движение «Юнармия». Военная наука должна также мобилизоваться на новых но крайне важных направлениях изучения закономерностей противоборства в информационной и культурной сферах[13].

Колоссальным, но относительно разрозненным пропагандистским ресурсам Запада можно противопоставить только концентрацию собственных сил и средств, повышение профессионализма и ответственности заместителей командиров по военно-политической работе в войсках, интеграцию армейских институтов с гражданскими учреждениями и организациями культуры, формирование соответствующей стратегии на уровне высшего руководства государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Моррис И.* Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем. М.: Карьера Пресс, 2016.

2 *Оуэн Кан, Чжан Минцан.* Между буйством концепций и реальностью перемен: современники К. Маркса о его практической деятельности. М., 2017. С. 15.

3 *Бьюкенен Патрик Дж.* Смерть Запада. М., 2003.

4 *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт «холодной войны». М.: Кучково поле, 2013. 416 с.

5 *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Издательство «Прокоси», 2013.

6 *Сэвидж Джон.* Тинейджеры. М.: Белое яблоко, 2017.

7 *Кляйн Наоми.* NOLOGO! Люди против брендов. М., 2003.

8 *Юрчак А.* Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

9 *Месснер Е.* Мятеж — имя третьей всемирной // Грозное оружие. Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007. С. 559—594.

10 *Mann Steven R.* Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54—68.

11 *Най Джозеф.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.

12 *Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С.* Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика. М., 2018. С. 125.

13 *Герасимов В.В.* Военная стратегия и задачи военной науки // Арсенал Отечества. 2019. № 1 (39) С. 10—17.

Возможные военные угрозы в Арктике в среднесрочной перспективе

Капитан 1 ранга А.А. ХОМКИН,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Проанализировано содержание концептуальных документов, определяющих государственную и военную политику иностранных государств в Арктике, указаны тенденции ее развития. Приведены факторы, влияющие на возникновение и рост военных опасностей и угроз. Выявлены военные угрозы в Арктике в среднесрочной перспективе. Предложены направления выхода из складывающейся обстановки, основанные на сотрудничестве между вооруженными силами арктических государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военные опасности, военные угрозы, Арктика, военно-политическая обстановка, безопасность, сотрудничество, Северный морской путь.

ABSTRACT

The paper analyzes the contents of conceptual documents that define the state and military policies of foreign states in the Arctic, pointing out the development tendencies there. It cites the factors affecting the emergence and growth of military dangers and threats. It also highlights the military threats in the Arctic in the medium term, and suggests ideas for a way out of the situation taking shape based on cooperation between the armed forces of the Arctic states.

KEYWORDS

Military dangers, military threats, Arctic, military-political situation, security, cooperation, North Sea Lane.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ обстановка в Арктическом регионе в настоящее время в целом не критическая. Вместе с тем взаимоотношения между Российской Федерацией и странами Запада ухудшаются, и их будущее не внушает оптимизма. Обстановка в мире непредсказуема и взрывоопасна, международные механизмы регулирования противостояния конфликтующих сторон не работают. Переговорные процессы по многим вопросам, способствовавшим взаимному информационному обмену и развитию транспарентности в отношениях, приостановлены.

Данное обстоятельство не позволяет субъектам военно-политических отношений найти мирные способы разрешения противоречий, что влечет за собой рост военных потенциалов. Вероятность конфликтов в еще недавно спокойных регионах непрестанно растет. Военные опасности за короткий срок способны перерасти в военные угрозы, которые в последующем могут привести к возникновению военного конфликта практически в любом регионе земного шара. Напомним, что ***военная опасность*** —

это состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы[1]. По сути, она представляет собой вероятностную характеристику, определяющую потенциальную способность государства (коалиции государств, транснациональной организации) нанести ущерб другому государству.

Военная угроза, в свою очередь, есть не что иное, как состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)[2]. Военные угрозы характеризуются конкретными и непосредственными проявлениями определенных факторов, в большинстве случаев порождаемых целенаправленной деятельностью субъектов военно-политических отношений.

Теория национальной безопасности[3] рассматривает три уровня перехода военных опасностей в военные угрозы:

• противник еще не определен, но есть доказательства того, что военная опасность существует;

• одним из субъектов военно-политических отношений демонстрируются враждебные намерения, что дает возможность определить противника;

• противник готов к войне и решительно настроен реализовать свои намерения.

Эта же теория определяет основные закономерности между факторами и военными угрозами:

• о возможных военных угрозах можно говорить, когда существуют острые противоречия между субъектами военно-политических отношений и хотя бы у одного из этих субъектов достаточно сил и средств для реализации своих намерений (или существует возможность создать такие силы и средства в будущем);

• утверждение о наличии военных угроз правомерно при одновременном проявлении следующих признаков:

присутствуют противоречия между государствами, которые они смогут разрешить только с применением *военной силы*;

у этих государств достаточно сил и средств для разрешения этих противоречий;

у военно-политического руководства есть реальные намерения, воля и решимость применить военную силу;

• увеличение разрыва в соотношении военной мощи противоборствующих сторон и одновременная эскалация напряженности в их отношениях свидетельствуют о возрастании военных угроз.

Исходя из данных теоретических основ субъектами военно-политических отношений в Арктике, между которыми в среднесрочной перспективе (до 2030 года) могут возникнуть противоречия и впоследствии военные угрозы, являются, с одной стороны, страны НАТО во главе с США, с другой — Российская Федерация. На данный момент на Крайнем Севере межгосударственные противоречия, способствующие возникновению военных угроз, практически отсутствуют.

Однако уже к 2030 году вероятность появления очагов напряженности в Арктике может возрасти (рис. 1). США и их союзники приступили к построению нового миропорядка, в котором англо-саксонское превосходство опирается на НАТО — основной источник нестабильности, кризисов и вооруженных конфликтов в мире. Кроме того, формирование новых «центров силы» (Россия и Китай) ужесточает конкуренцию за ресурсы, маршруты их транспортировки и рынки сбыта.

Одной из особенностей военно-политической обстановки стала активизация транснациональных корпораций, частных военных компаний, религиозных и национальных движений, международных преступных сообществ, неправительственных организаций, использующих «гибридные методы» борьбы для достижения своих целей.

Рассмотрим основные военно-политические субъекты, способные существенно повлиять на формирование военных угроз в Арктическом регионе к 2030 году.



Рис. 1. Зоны национальных интересов арктических государств

НАТО в соответствии со своим основным предназначением, а именно: обеспечение свободы и безопасности своих членов в Европе и Северной Америке[4], продолжит наращивать усилия по закреплению за собой статуса одной из ключевых сторон военно-политических отношений в мире. Для этого будут приниматься все большие меры по отслеживанию обстановки в регионе и своевременному выявлению тенденций ее развития, продолжится активизация разведки, наращивание научно-исследовательской деятельности в Арктике. Учитывая перспективы освобождения морских судоходных путей ото льда и неизбежного расширения судоходства, руководство НАТО будет акцентировать внимание на повышении вероятности возникновения аварийных ситуаций и экологических катастроф в данном регионе. В этой связи повысится активность блока по задействованию Арктического совета, Евроатлантического координационного центра реагирования на стихийные бедствия и катастрофы[5], других международных организаций и отдельных арктических стран для мониторинга воздушной и надводной обстановки. Не стоит забывать и о высокотехнологичной системе воздушной разведки наземных целей и управления нанесением ударов НАТО[6] *AGS*. По всей вероятности

она будет адаптирована к условиям Крайнего Севера, что позволит задействовать стратегические беспилотные летательные аппараты для наблюдения, оценки и прогнозирования возможных вариантов развития ситуации. Кроме того, группировка космических аппаратов, использующихся для слежения за обстановкой в Арктике, в ближайшем будущем скорее всего тоже будет увеличена. Не исключена возможность создания объединенной автоматизированной системы контроля воздушной, надводной и подводной обстановки НАТО в северных широтах.

Данные обстоятельства позволяют выделить ряд тенденций в деятельности альянса в среднесрочной перспективе, которые могут повлиять на возникновение военных угроз в Арктике:

• продолжится политика сдерживания России и ослабления ее влияния;

• возможности НАТО по силовому обеспечению доступа к ресурсам и коммуникациям региона, в том числе к Северному морскому пути (СМП) Российской Федерации, значительно вырастут;

• интенсивность военной деятельности блока в высоких широтах, включая приграничные с Россией районы и акватории, увеличится;

• в связи с ростом конфликтного потенциала в регионе появится необходимость привлечения объединенных вооруженных сил североатлантического альянса для предотвращения возможных кризисов и военных конфликтов;

• значительно активизируются усилия по интеграции в НАТО стран региона, не входящих в блок;

• развитие системы материально-технического обеспечения в арктических странах с целью повышения эффективности применения группировок объединенных вооруженных сил;

• к 2040 году возможно полное освобождение Северного Ледовитого океана ото льда летом (темпы роста среднегодовой температуры в Арктике в два раза выше, чем в остальных районах Земли). В этой связи в его акватории может быть развернут передовой эшелон морского компонента противоракетной обороны США и НАТО, который позволит достаточно эффективно снизить ядерный потенциал Российской Федерации.

Еще одной организацией, оказывающей непосредственное влияние на возникновение военных угроз России в регионе, является ***Европейский союз (ЕС)***. Данная организация, рассматривая СМП как один из наиболее рентабельных в будущем транзитных маршрутов грузоперевозок между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, выступает за его *интернационализацию и вывод из-под российской юрисдикции*. В то же время экспертами ЕС отмечается, что отсутствие необходимой инфраструктуры, эффективных средств локализации и ликвидации разливов нефти в условиях низких температур и сложной ледовой обстановки является серьезной проблемой, с которой может столкнуться единая Европа в среднесрочной перспективе.

В этой связи Еврокомиссия будет усиливать позиции ЕС в освоении СМП посредством разработки передовых технологий, направленных на обеспечение безопасного судоходства в Арктике. Основное внимание будет уделяться поиску инновационных решений по совершенствованию навигации в высоких широтах и разработке конструкций судов высокого ледового класса нового поколения[7].

Таким образом, НАТО и ЕС уже сейчас оказывают негативное воздействие на военно-политическую обстановку в регионе. Данное обстоятельство обусловлено не только ответом на мнимые российские угрозы,

но и явными *экономическими интересами* этих организаций, связанными с освоением месторождений полезных ископаемых и новых путей транспортировки товаров из Европы в Азию и обратно.

Норвегия считает бассейн Северного Ледовитого океана зоной своих жизненно важных интересов. Полагается, что она продолжит практику применения «двойных стандартов» к России в вопросе организации добычи морских биоресурсов в Западной Арктике. Развивается санкционная политика Норвегии в отношении программ сотрудничества по поиску и добыче углеводородов в бассейне Баренцева моря. Другим приоритетом останется активная научно-исследовательская деятельность в Арктике, в том числе в ее российской части. Кроме того, активизируется сейсморазведка и разведочное бурение в отошедшей к королевству доле бывшей «серой зоны» Баренцева моря с целью подготовки к промышленному освоению месторождений углеводородов.

Что касается совершенствования боевых возможностей вооруженных сил, Норвегия продолжит создание новых подразделений в составе сухопутных войск, наращивание возможностей оперативной морской и воздушной разведки, а также развитие военной инфраструктуры на Крайнем Севере. Все это в сочетании с комбинированным применением наземных, авиационных и морских сил (средств) быстрого реагирования позволит создать высокотехнологичную и эффективную систему обороны, а также операивно контролировать экономическую и военную деятельность России в Арктике и противостоять ей. Для этих целей в апреле 2017 года утверждена новая «Стратегия Правительства Норвегии в северных регионах»[8], предусматривающая последовательное наращивание национального экономического, политического и военного присутствия в них. В среднесрочной перспективе вероятными направлениями деятельности Норвегии, способными повлиять на рост напряженности в регионе, будут:

- санкционное давление на Российскую Федерацию через сектор нефтегазовой отрасли;
- воспрепятствование эксплуатации нефтегазовых объектов России в Арктике и транспортировке углеводородного сырья на рынки энергоносителей;
- информационное воздействие на мировое сообщество с целью интернационализации СМП;
- повышение боевого потенциала вооруженных сил по обороне и защите национальной территории, прибрежных вод и исключительной экономической зоны, расширение военного присутствия в северных районах страны и примыкающих к ним акваториях, активизация разведывательной деятельности в Арктике.

США, являющиеся гегемоном в военной сфере, пока не достигли в Арктике главенствующего уровня. Для нейтрализации возможных угроз от потенциальных противников, прежде всего России и Китая, правительством этой страны предпринят ряд административных и организационных мер. Основными концептуальными документами по арктической проблематике являются:

- «Стратегия по защите интересов национальной безопасности США в Арктическом регионе»[9], предусматривающая безусловное обеспечение национальных интересов США в регионе;
- «Арктическая стратегия Министерства обороны США»[10], определяющая в целевых установках готовность вооруженных сил самостоятельно и во взаимодействии с союзниками адекватно реагировать на вызовы и угрозы безопасности, поддерживать регио-

нальную стабильность путем наращивания военного присутствия и развития сотрудничества с арктическими государствами, лояльными к США.

В соответствии с этими документами основные усилия США в Арктике будут сосредоточены на:

• обновлении системы разведки воздушно-космической обстановки (наземного и космического эшелонов), так как считается, что для обнаружения и отслеживания воздушных угроз (в том числе российских бомбардировщиков большой дальности и крылатых ракет) Соединенные Штаты и Канада сегодня используют устаревшие радиолокационные системы аэрокосмического наблюдения на севере Канады и Аляски, требующие модернизации;

• продолжении развития перспективной системы противодействия российским гиперзвуковым и новым крылатым ракетам;

• строительстве перспективной системы воздушного патрулирования с включением в ее состав сил и средств Великобритании, Норвегии и Исландии, для чего планируется поставить им американские самолеты базовой патрульной авиации *Р-8 «Посейдон»*;

США и их союзники приступили к построению нового миропорядка, в котором англо-саксонское превосходство опирается на НАТО — основной источник нестабильности, кризисов и вооруженных конфликтов в мире. Кроме того, формирование новых «центров силы» (Россия и Китай) ужесточает конкуренцию за ресурсы, маршруты их транспортировки и рынки сбыта.

• разработке новых средств разведки погоды и ее прогнозирования, в том числе с использованием морских буев;

• развитии системы учебно-тренировочных центров в арктических районах всех видов вооруженных сил США;

• постоянном присутствии личного состава вооруженных сил США в регионе на ротационной основе;

• заблаговременном размещении американской техники и материальных средств на арктических территориях своей страны и союзников, что позволит объединенным группировкам сил (войск) быстро реагировать на непредвиденные обстоятельства в регионе;

• регулярном участии военнослужащих во всех национальных и международных мероприятиях оперативной и боевой подготовки в Арктике;

• отработке действий группировок сил (войск) США не только традиционными (удары с кораблей, подводных лодок, самолетов и применение подразделений морской пехоты), но и гибридными (нетрадиционными) способами;

• создании двух экспедиционных (арктических) бригад морской пехоты США, которые смогут проводить наступательные операции в условиях экстремально холодной погоды.

Таким образом, США признают арктический регион как стратегически важный при предстоящих глобальных изменениях экологической, политической, экономической и военно-политической обстановки к 2030 году. Кроме того, упомянутая арктическая стратегия показывает озабоченность Пентагона увеличением военного потенциала России и Китая в Арктике, способного противостоять Америке в ходе разрешения возможных противоречий.

Реализация запланированных мероприятий позволит вооруженным силам США уже в 2020 году достичь

готовности к проведению ограниченных операций в Арктике, а к 2030 — военных действий любого характера, масштаба и интенсивности.

Канада, как и остальные государства бассейна Северного Ледовитого океана, в качестве основной угрозы в нем рассматривает Россию. Поэтому страна «кленового листа» наращивает военное сотрудничество с партнерами по региону, в частности по вопросам совместных поисково-спасательных операций, а также повышения эффективности противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО/ПРО) с учетом взаимных интересов.

Однако у Канады есть *ряд противоречий* с США и НАТО, касающихся возможности участия неарктических стран в решении политических (военно-политических) проблем, а также в освоении ими природных ресурсов и использовании транспортных коммуникаций в Арктике.

Вместе с тем эти разногласия отнюдь не умаляют роли Канады как потенциального источника военных угроз в регионе.

Прочие арктические страны (***Дания, Швеция, Исландия, Финляндия***), вероятно, продолжат наращивать военный потенциал путем расконсервации военных баз, модернизации военной техники, размещения на своих территориях передовых пунктов базирования США и НАТО. Поддерживая санкционную политику США, они будут использовать невоенные меры сдерживания России от распространения ее влияния в регионе.

Из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в среднесрочной перспективе существенное влияние на развитие обстановки в Арктике окажут в первую очередь ***Китай, Индия, Япония, Республика Корея***. В частности, руководством Китайской Народной Республики уже принято решение об активизации деятельности по укреплению национальных позиций в регионе. Научные экспедиции в Северный Ледовитый океан, по заявлениям политических лидеров страны, станут ежегодными. Не менее важным считается возможность использования Арктики вооруженными силами «поднебесной» в качестве района боевого патрулирования атомных подводных лодок, в том числе носителей ядерных баллистических ракет.

Проведенный анализ показывает, что **к 2030 году основные субъекты военно-политических отношений будут гарантированно обладать потенциалом, способным разрешать противоречия в Арктике, в том числе и силовым путем**.

Возникновение таких противоречий, способных привести к появлению военных угроз, может быть обусловлено следующим факторами:

- изменение физико-географических условий действий вооруженных сил (прежде всего в связи с освобождением части Северного Ледовитого океана ото льда);
- увеличение количества объектов критической инфраструктуры, поражение которых значительно повлияет на безопасность не только в Арктике, но и во всей России (узловые места перекачки нефти и газа, объекты атомной энергетики и пр.);
- возрастание количества техногенных опасностей и угроз по мере развития СМП (порты, навигационное оборудование, источники углеводородного сырья и пр.);
- появление радикально-настроенных религиозных сообществ (преимущественно исламистского толка), поддерживаемых местным населением, в малонаселенных регионах Арктики, граничащих с крупными объектами критической инфраструктуры;
- активизация деятельности неправительственных организаций на Крайнем Севере, действующих с сепаратистскими или националистическими целями;

• повышение нестабильности в мире и в Арктике, в частности из-за отсутствия транспарентности в санкционной политике, проводимой США и странами НАТО по отношению к России;

• потенциальные возможности силового урегулирования возникающих противоречий НАТО и США в любом интересующем их регионе без соответствующих санкций мирового сообщества;

• снижение потенциальных возможностей группировок морских стратегических ядерных сил и морских сил общего назначения ВМФ России в Арктике путем размещения мобильного сегмента ПРО на надводных кораблях, модернизации радиолокационных станций ПВО/ПРО, создания систем ПРО с применением оружия на новых физических принципах (комплексов лазерного оружия), дополнительного размещения в регионе сил и средств противолодочной войны;

• признание интернациональности СМП странами НАТО и попытки его использования без уведомления Российской Федерации;

• осуществление блокадных действий, ограничивающих судоходную и иную экономическую деятельность России в Арктике;

• нарушение экологической безопасности;

• размещение в Арктике военных объектов неарктических государств.

Таким образом, можно определить *основные* внешние и внутренние военные угрозы Российской Федерации к 2030 году в Арктике.

Внешние. Резкое обострение межгосударственных отношений и создание необходимых условий, приводящих к применению военной силы государствами НАТО за счет формирования в регионе в короткие сроки (до 30 суток) группировок войск (сил), способных вести военные действия стратегического масштаба.

Появление (активная деятельность) в регионе транснациональных экстремистских организаций в целях реализации политических, экономических или других интересов.

Акты пиратства или иной экстремистской деятельности в исключительной экономической зоне Российской Федерации, способной воспрепятствовать мирному освоению природных богатств.

Внутренние. Активизация деятельности радикально настроенных религиозных или неправительственных организаций в районах Крайнего Севера с сепаратистскими и националистическими целями.

В складывающихся условиях к 2030 году Россия, не имея союзников на Севере, может получить еще один *очаг нестабильности* с целым набором опасностей и угроз, готовых перерасти в военный конфликт. Отсутствие взаимного общения между странами НАТО (т. е. практически всеми государствами арктического бассейна) и Россией неминуемо повлечет за собой гонку вооружений в регионе (рис. 2). В этой связи при несомненной необходимости размещения современных образцов военной техники, развития системы базирования и подготовки сил (войск) к возможным конфликтам в Арктике необходимо искать пути возобновления ***сотрудничества в области обороны с Западом***.

Оно может развиваться в военной и невоенной сферах. Первая включает совместное участие в мероприятиях оперативной и боевой подготовки, вторая — обеспечение безопасности экономического развития региона, экологической безопасности, а также спасание.

Конкретными задачами военного сотрудничества в Арктике могут быть:

• обмен навигационно-гидрографической информацией, сведениями в интересах заблаговременного предупреждения о возможных стихийных





Рис. 2. Сравнительная оценка возможных направлений развития международных отношений в Арктике

бедствиях и иных неблагоприятных природных и техногенных явлениях;

• авиационный и морской поиск и спасание;

• ликвидация последствий техногенных аварий, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций;

• борьба с терроризмом и трансграничной преступностью.

Как видно, общее ухудшение отношений между Россией и Западом отрицательно скажется на безопасности в Арктике и приведет к критическому уровню конфликтного потенциала в регионе. Если не единственным, то главным средством предотвращения скатывания к худшему варианту развития событий является проявление всеми странами сдержанности, высокой транспарентности и предсказуемости их военной деятельности, восстановление и укрепление взаимного доверия и сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. Фед. выпуск. № 298 (6570). 2014. 30 декабря.

[2] Там же.

[3] Основы теории национальной безопасности: учебное пособие / под общ. ред. Р.К. Мугинова. М.: ВАГШ, 2015.

[4] URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 20.03.2019).

[5] URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_52057.htm (дата обращения: 22.03.2019).

[6] URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_48892.htm (дата обращения: 26.03.2019).

[7] URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

[8] URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/strategiru.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

[9] URL: https:/obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 28.03.2019).

[10] URL: https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF (дата обращения: 14.10.2019).



К вопросу определения рационального варианта системы управления группировки войск (сил) в операции

Полковник С.В. ПУЧКОВ

АННОТАЦИЯ

Предлагается методический подход к определению альтернатив (вариантов) построения системы управления группировки войск (сил), сущность которого заключается в учете факторов, определяющих обоснование требований к системе управления; построении математической модели функционирования системы управления с использованием современного математического аппарата; проведении векторной оптимизации (принятия решения при многих критериях) по выбору наиболее рационального варианта системы управления группировки войск (сил) в операции.

ABSTRACT

The paper proposes a methodological approach to defining alternatives (options) of constructing a system of troop/force grouping control that essentially consists in considering factors, which define the substantiation of requirements for the control system; in building a mathematical model of control system functioning involving the contemporary mathematical apparatus; in vector optimization (decision taking based on multiple criteria) for choosing the most rational version of a troop/force grouping control system in an operation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военное управление, система управления, управление войсками (силами), органы военного управления, структура, эффективность, качество системы, оценка эффективности функционирования.

KEYWORDS

Military control, control system, control of troops/forces, military control bodies, structure, efficiency, system quality, estimate of functioning efficiency.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ рационального варианта системы управления группировки войск (сил) предопределяет применение системно-целевого методического подхода, который предполагает использование[1]:

• метода аналогий, основанного на использовании опыта организации управления;

• метода структуризации целей, для реализации которого в настоящее время имеются методики, позволяющие обеспечить полноту охвата целей и функций, необходимых для конкретных условий;

• метода задач, который предполагает определение задач исследуемой системы с помощью построения «дерева целей (задач)» и объединения их в более крупные блоки на основе вводимых мер близости;

• метода организационного моделирования, основу которого составляет использование математических моделей, позволяющих учитывать большое количество факторов и связей между ними.

Системно-целевой подход, предлагаемый к определению рационального варианта системы управления группировки войск (сил) в операции, разработан для условий, при которых функционирование систем управления различных уровней должно обеспечить эффективное управление группировкой войск (сил), позволит выполнить оперативные задачи и реализовать боевой потенциал группировки войск (сил) в операции[2].

Под системой управления группировки войск (сил) понимается совокупность функционально взаимосвязанных между собой органов военного управления, пунктов управления и средств управления.

Каждый из этих элементов имеет конкретное предназначение и выполняет частные функции, а при наличии определенных взаимоотношений между ними создается новое свойство системы — обеспечение управленческой деятельности органов военного управления.

Система управления группировки войск (сил) развивается и совершенствуется на основе достижений науки и практики оперативной подготовки войск (сил).

Системно-целевой подход к определению рационального варианта системы управления группировки войск (сил) можно разделить на пять этапов проведения исследования, структурная схема которого приведена на рисунке.

Система управления группировки войск (сил) представляет собой сложную иерархическую структуру, исследование которой предполага-

Под системой управления группировки войск (сил) понимается совокупность функционально взаимосвязанных между собой органов военного управления, пунктов управления и средств управления. Система управления группировки войск (сил) развивается и совершенствуется на основе достижений науки и практики оперативной подготовки войск (сил).



Рис. Структурная схема методического подхода к определению рационального варианта системы управления группировки войск (сил) в операции

ет проведение ее декомпозиции на составляющие подсистемы по двум признакам: иерархическому и функциональному предназначению.

Первый этап. Декомпозиция по функциональному предназначению позволяет анализировать влияние различных функциональных подсистем (средств поражения, разведки, связи и АСУ) на качество выполнения всех задач системой управления группировки войск (сил) в операции.

Декомпозиция может быть произведена как на данном уровне иерархии, так и на других уровнях одновременно для всей системы управления группировки войск (сил).

Декомпозиция по иерархическому признаку позволяет анализировать не только систему управления группировки войск (сил) в целом, но и системы обеспечения управления, создаваемые для решения задач на различных уровнях иерархии.

При проведении исследований по данной тематике предлагается использовать методы теории планирования эксперимента, результатом которого является получение математических моделей (математические выражения зависимости показателей системы управления группировки войск (сил) от влияющих факторов) функционирования системы управления группировки войск (сил) для выбранных условий. Для решения большинства прикладных задач целесообразно применять полиномиальные (многочлены) модели[3].

Такой подход к формированию системы управления группировки войск (сил) в операции по функциональному и иерархическому признакам, по нашему мнению, присущ формированиям любого вида, рода войск ВС.

Второй этап. При формировании и разработке данных для про-

ведения исследования выбираются: основные факторы, определяющие варианты системы управления группировки войск (сил) в операции; показатели и критерии оценки системы управления группировки войск (сил) (возможности системы); требуемые значения показателей системы управления группировки войск (сил) по уровням иерархии; математические модели проведения исследования.

При определении факторов используется один из методов системного анализа — метод «дерева целей», который представляет инструмент увязки целей и задач высшего уровня с конкретными средствами их достижения на низшем уровне через ряд промежуточных звеньев[4].

Каждый фактор имеет область своего определения. Границы этой области могут задаваться ограничениями, которые не должны быть нарушены в процессе проведения исследования. Из области определения факторов находят максимальные и минимальные их значения, используемые в последующем при определении уровней варьирования факторов, что является необходимым условием для проведения вычислительного эксперимента и получения зависимостей влияния факторов на показатели эффективности управления.

Существенное влияние на систему управления группировки войск (сил) в операции могут оказывать факторы, которые можно разделить на две группы[5]:

• внутренние (зависимые), определяющие основу системы управления группировки войск (сил);

• внешние (независимые), определяющие требования к системе управления группировки войск (сил), такие как количественный и качественный состав ее элементов (сил и средств); показатели операции (военных действий); количественный и качественный состав противостоящей группировки войск противника (наземная, морская, космическая и воздушная компоненты); масштаб и характер вероятного воздействия воздушно-космическими силами и средствами противника на группировку войск (сил) в операции.

Определение показателей и критериев оценки какой-либо системы всегда было сложной задачей. При проведении исследования по оценке системы управления группировки войск (сил) в операции следует различать качество системы и эффективность реализуемых системой процессов, для чего соответственно вводят понятия «показатели и критерии качества и эффективности системы»[6].

Критерии оценки системы управления группировки войск (сил) в операции формируются на основе показателей качества и эффективности системы, которые свидетельствуют о реакции исследуемой системы на воздействие различных факторов и определяются характером и целями военных действий.

Аналитическое выражение, связывающее цель функционирования системы управления группировки войск (сил) и средства ее достижения, является критерием эффективности системы управления группировки войск (сил), целевой функцией, поскольку ее оптимизация представляет отображение цели военных действий.

Математическая модель ведения военных действий группировкой войск (сил) используется для проведения вычислительного эксперимента в соответствии с требованиями теории планирования эксперимента по расчету значений показателей эффективности системы управления группировки войск (сил)[7].

При выборе математической модели учитывается ряд общих требований:

• соответствие модели целям исследования по уровню сложности

и организации, а также соответствие реальной исследуемой системе относительно выбранного множества свойств;

• соответствие между требуемой точностью результатов моделирования и сложностью модели, точность результатов модели не может быть выше точности исходных данных;

• соблюдение баланса погрешностей различных видов;

• многовариантность реализаций элементов модели;

• блочное построение модели, что облегчает разработку сложных моделей.

Математическая модель формируется по результатам проведения и обработки вычислительного эксперимента с целью математического описания функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции с учетом различных уровней иерархии и используется для определения наиболее рационального варианта ее построения.

Вид математической модели определяется сложностью проведения исследования и опытом работы самого исследователя. Полученные зависимости показателей системы управления группировки войск (сил) в операции от факторов можно считать математическими моделями функционирования системы управления группировки войск (сил) для принятых условий (ограничений).

Определение стоимостных затрат на создание системы управления группировки войск (сил) сводится к прогнозированию стоимости разработки, производства, эксплуатации, технического обслуживания и ремонтов образцов средств связи и управления, содержания обслуживающего личного состава.

В качестве стоимостного критерия системы управления группировки войск (сил) можно использовать условие минимизации материальных затрат на ее создание и поддержания в требуемой степени боевой готовности.

Определение требований к системе управления группировки войск (сил) в операции предполагает ее оценку по уровням иерархии с точки зрения качества и эффективности данной системы. При этом эффективность относят не к самой системе, а к выполняемым ею функциям. Для проведения исследований по оценке системы управления группировки войск (сил) в операции предлагается осуществлять раздельную оценку качества создаваемой (исследуемой) системы управления и эффективности этой системы[8] и, используя полученные значения результатов оценок, вырабатывать требования к ней.

Оценка качества системы управления группировки войск (сил) предполагает использование методов теории шкалирования, проводимых в следующей последовательности[9]:

• выбор группы свойств и уровня качества;

• определение основных свойств системы и выбор для них частных показателей;

• расчет численных значений частных показателей качества;

• расчет обобщенного показателя качества системы;

• определение уровня качественного состояния исследуемой системы.

Частные показатели качества системы управления группировки войск (сил) в операции выбираются с учетом особенностей и условий ее функционирования, при этом каждому свойству системы соответствует свой частный показатель качества. Качество системы управления группировки войск (сил) в операции предлагается определять с использованием ее основных свойств: *результативности*, *ресурсоемкости* и *оперативности*.

Так как свойство результативности характеризуется получаемым ре-

зультатом, ради которого функционирует система, то для исследования показателем качества этого свойства функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции предлагается рассматривать обобщенные показатели реализации боевых возможностей группировок войск (сил).

Исходя из того что свойство ресурсоемкости характеризуется наличием ресурсов всех видов (людских, материально-технических и т. п.), используемых для достижения целевого эффекта, то для исследования показателем качества этого свойства функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции предлагается использовать коэффициенты обеспеченности и укомплектованности органов военного управления оперативным составом, средствами связи и управления, запасом материальных средств.

Показатель оперативности характеризуется ресурсом времени, необходимым для достижения цели. Применительно к системе управления группировки войск (сил) в операции целесообразно ввести показатель «время функционирования системы» с заданной вероятностью (степенью) сохранения ее боеспособности (боеготовности).

Каждый из этих показателей можно представить как совокупность частных показателей укомплектованности и обеспеченности объединений, соединений, воинских частей и подразделений, организационно входящих в боевой состав группировки войск (сил), с учетом коэффициентов важности, значения которых могут быть получены с использованием метода экспертных оценок.

В последующем определяются численные значения частных показателей качества основных свойств системы, которые нормируются для приведения их к одному масштабу при их сопоставлении. По значениям нормированных частных показателей определяется численное значение обобщенного показателя качества системы (K_i), которое используется для определения уровня качественного состояния системы управления группировки войск (сил) в операции путем сравнения его с некоторым фиксированным значением.

Уровень качества системы управления можно оценить, используя различные типы шкал (методом шкалирования) — номинального типа, интервального типа, абсолютного типа и др.

В качестве примера предлагается рассмотреть вербальную шкалу Харрингтона, числовые значения которой можно использовать для оценки качественного состояния системы управления группировки войск (сил) в операции. Приведенные в таблице числовые значения интервалов получены на основе статистического анализа большого массива данных, благодаря чему шкала Харрингтона имеет универсальное применение и может быть адаптирована для оценки различных качественных состояний системы управления группировки войск (сил) в операции[10].

Методика оценки эффективности функционирования системы управления группировки войск (сил) для различных родов войск может отличаться по используемым показателям и критериям в зависимости от влияющих факторов.

В общем случае эффективность функционирования можно определить из отношения значений используемых показателей, полученных при их расчетах до начала моделирования военных действий и по их окончании.

Основные этапы оценки эффективности функционирования системы управления группировки войск (сил) как сложной системы целесообразно выделить следующие[11].

Таблица

Адаптированная вербальная шкала Харрингтона

№ пп	Содержание описания градаций	Числовое значение	Интервалы шкалы	Качественное состояние системы управления группировки войск (сил)
1	Очень высокое	0,8—1,0	$0{,}8 \le K_i < 1{,}0$	Высокое
2	Высокое	0,64—0,8	$0{,}64 \le K_i < 1{,}0$	Требуемое
3	Среднее	0,37—0,64	$0{,}37 \le K_i < 0{,}64$	Допустимое
4	Низкое	0,2—0,37	$0{,}2 \le K_i < 0{,}37$	Критическое
5	Очень низкое	0—0,2	$0 < K_i < 0{,}2$	Не допустимое

Примечание: i — количество рассматриваемых частных показателей.

Первый. Определение цели оценки, которое должно осуществляться с позиции системы, в которой рассматриваемая система является элементом (подсистемой), т. е. с позиции другой системы. Можно выделить два типа целей: *качественная* — цель, достижение которой выражается в номинальной шкале или шкале порядка; *количественная* — цель, достижение которой выражается в количественных шкалах.

Второй. Определение свойств системы, признанных существенными для целей оценки.

Третий. Обоснование предпочтений — критериев качества и критериев эффективности функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции.

Четвертый. Оценка системы управления группировки войск (сил) по различным показателям, значения которых рассматриваются как альтернативы, сравниваются по сформированным критериям и в зависимости от целей оценки ранжируются, выбираются, оптимизируются и т. д.

Предлагаемый методический подход позволяет: производить оценку качества исследуемой системы управления группировки войск (сил) до начала военных действий; исследовать отдельные свойства системы управления группировки войск (сил), например устойчивость, живучесть и др.; уточнять требования как к системе управления группировки войск (сил) в целом, так и к отдельным ее подсистемам на основе обобщенного показателя качества или частных показателей качества основных свойств, присущих исследуемой системе.

Вычислительный эксперимент проводится с целью определения зависимостей влияния основных факторов на выбранные показатели оценки эффективности системы управления группировки войск (сил) в операции, подготовка и проведение которого согласно теории планирования эксперимента предполагает: разработку плана вычислительного эксперимента; составление программы его проведения; проведение

вычислительного эксперимента по заданной программе; сбор экспериментальных данных.

План вычислительного эксперимента предусматривает условия проведения всех опытов, которые необходимо выполнить. Как правило, план эксперимента задается в виде матрицы планирования — прямоугольной таблицы, каждая строка которой соответствует условиям определенного опыта, а столбцы — значениям одного из факторов в реальных опытах.

Выбор плана проведения вычислительного эксперимента для различных условий (количества факторов, уровней их варьирования, различных мощностей, вида обобщенной математической модели и т. п.) осуществляется согласно каталогам с использованием вспомогательной матрицы[12].

Подготовка исходных данных для проведения вычислительного эксперимента заключается в разработке плана его проведения, который получается в результате замены приведенных уровней варьирования факторов во вспомогательной матрице планирования эксперимента.

Проведение вычислительного эксперимента по заданной программе (построенному плану) заключается в определении (расчете) значений выбранных показателей при различных сочетаниях значений факторов. Расчеты значений показателей эффективности функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции проводятся с использованием выбранной математической (имитационной) модели.

В результате проведения вычислительного эксперимента получают выборки значений показателей возможностей системы управления группировки войск (сил) в операции в зависимости от изменения значений факторов, влияющих на данную систему.

Обработка результатов вычислительного эксперимента проводится с целью получения полиномиальных зависимостей значений показателей эффективности функционирования системы управления (возможностей системы) группировки войск (сил) от факторов, т. е. получения математических моделей функционирования вариантов системы управления группировки войск (сил) в определенных условиях, которая заключается в:

- оценке возможности уменьшения количества показателей (скаляризация пространства критериев), оказывающих незначительное влияние на рассматриваемую систему управления группировки войск (сил);
- синтезе обобщенной математической модели исследуемой системы управления группировки войск (сил) с целью определения коэффициентов (эффектов) уравнения регрессии (полинома);
- оценке адекватности синтезируемых моделей исследуемой системе управления группировки войск (сил);
- анализе влияния факторов на показатели возможностей исследуемой системы управления группировки войск (сил) и исключение их из дальнейшего рассмотрения.

Оценка возможности уменьшения количества показателей рассматриваемой системы управления группировки войск (сил) заключается в определении корреляции между двумя показателями на основании имеющихся экспериментальных данных. При наличии высокой корреляции между показателями любой из них можно исключить из рассмотрения, так как он не содержит какой-либо дополнительной информации об исследуемой системе, кроме полученной с помощью другого. Исключить целесообразно показатель, который труднее определить методически.

Синтез обобщенной математической модели исследуемой системы

управления группировки войск (сил) заключается в определении коэффициентов (эффектов) уравнения регрессии (полинома). Результатом синтеза являются математические модели функционирования системы управления группировки войск (сил). При определении коэффициентов уравнения регрессии используются стандартные приемы и процедуры, детально рассмотренные ранее[13].

При проведении оценки адекватности полученных уравнений регрессии результатам вычислительных экспериментов используется подход, основанный на применении коэффициента множественной корреляции.

Обработку результатов вычислительного эксперимента можно производить с применением возможностей табличного процессора *Microsoft Office Excel*, в результате чего получим: синтезируемые уравнения регрессии (математические модели, описывающие функционирование системы управления группировки войск (сил)), которые используются на последующем этапе исследования; результаты оценки адекватности синтезируемых математических моделей исследуемой системы управления группировки войск (сил) результатам проведенных экспериментов; результаты оценки характера и степени влияния основных факторов на выбранные показатели возможностей системы управления группировки войск (сил).

Определение вариантов системы управления группировки войск (сил) и выработка предложений и рекомендаций по выбору наиболее рационального варианта проводится с использованием методов теории векторной оптимизации (многокритериальной нелинейной оптимизации).

Принятие решения при многокритериальной нелинейной оптимизации заключается в определении допустимого множества альтернатив (вариантов), отвечающих требованиям, предъявляемым к исследуемой системе. В допустимом множестве альтернатив (вариантов) существует подмножество «парето-эффективных» (компромиссных) альтернатив исследуемой системы, которые нельзя одновременно улучшить по всем обоснованным показателям эффективности, не ухудшив при этом значения хотя бы одного из них.

Определение альтернатив (вариантов) «парето-эффективных» решений из области допустимых производится с использованием методов, позволяющих определять точки в факторном пространстве области полученных значений.

Для определения вариантов системы управления группировки войск (сил) используются условия решения обратной задачи многокритериальной нелинейной оптимизации, в основе которой лежат следующие допущения:

• степень достижения общей цели возрастает, если возрастает степень достижения всех частных целей (каждая цель представлена соответствующим критерием эффективности);

• степень достижения общей цели возрастает, если возрастает степень достижения некоторых целей, а степень достижения остальных не снижается.

Определение наиболее рационального варианта системы управления группировки войск (сил) проводится с использованием полученных уравнений регрессии и области определения факторов, результаты которых могут быть представлены в виде:

• непрерывной области допустимых решений (множества альтернатив), вариантов системы управления группировки войск (сил) (наборов внутренних факторов);

• множества «парето-эффективных» решений (вариантов системы управления группировки войск (сил);

• наиболее рационального решения (варианта) системы управления группировки войск (сил) в операции по условному критерию предпочтения.

Для определения наиболее рационального варианта системы управления группировки войск (сил) можно предложить два подхода.

Первый — последовательный анализ непрерывной области допустимых решений, который предполагает получение непрерывных областей допустимых решений для двух видов внешних условий — благоприятных (для объекта исследования) и неблагоприятных.

Второй — анализ множества «парето-эффективных» решений, из которых можно выбрать любое, так как эти решения получены на основе компромисса.

В заключение необходимо отметить, что подходы к оценке эффективности функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции составляют основу методологии оценки эффективности систем управления. Предложенный в публикации системно-целевой подход к определению наиболее рационального варианта системы управления группировки войск (сил) в операции достаточно универсален и позволяет проводить исследования в широком диапазоне решения научно-исследовательских задач.

Таким образом, оценка эффективности функционирования системы управления группировки войск (сил) в операции — это сложная и многоаспектная проблема, актуальность решения которой подтверждается современными условиями ведения военных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Боговик А.В., Игнатов В.В.* Теория управления в системах военного назначения: учебник. М.: ВАС, СПб. 2008. 460 с.; *Боговик А.В., Игнатов В.В.* Эффективность систем и методы ее оценки. М.: ВАС, СПб., 2006. 184 с.

[2] Проблемные вопросы теории управления войсками (силами). Военно-теоретический труд. М.: ВАГШ ВС РФ, 1996. 442 с.

[3] *Маркова Е.В., Лисенков А.И.* Планирование эксперимента в условиях неоднородностей. М.: Наука, 1973. 219 с.

[4] Системный анализ и принятие решений: словарь-справочник / под ред. д.э.н., профессора В.Н. Волковой, д.т.н., профессора В.Н. Козлова. М.: Высшая школа, 2004. 86 с.

[5] *Алтухов П.К., Афонский И.А, Рыбловский И.В., Татарченко А.Е.* Основы теории управления войсками. Военно-теоретический труд. М.: ВИ, 1984. 221 с.

[6] Системный анализ и принятие решений.

[7] *Маркова Е.В., Лисенков А.И.* Планирование эксперимента в условиях неоднородностей.

[8] Системный анализ и принятие решений.

[9] Там же.

[10] *Алтухов П.К., Афонский И.А, Рыбловский И.В., Татарченко А.Е.* Основы теории управления войсками; Проблемные вопросы теории управления войсками (силами).

[11] Системный анализ и принятие решений.

[12] Там же.

[13] *Боговик А.В., Игнатов В.В.* Теория управления в системах военного назначения; Проблемные вопросы теории управления войсками (силами); *Глущенко В.В., Глущенко И.И.* Исследование систем управления. Социологические и экономические исследования. Прогнозные и плановые исследования. Экспериментальные исследования. М.: ООО НПЦ «Крылья», г. Железнодорожный, Московская область, 2000. 415 с.

К вопросу о методологии оценки эффективности огневого поражения противника ударной авиацией

Генерал-лейтенант запаса В.Л. МАХНИН,
доктор военных наук

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены с позиций исторического анализа вопросы модификации научно-методического аппарата количественной оценки эффективности применения ударной авиацией авиационных средств огневого поражения противника в военных конфликтах.

ABSTRACT

The paper resorts to historical analysis to examine issues of modifying the scientific and methodological apparatus of quantifying the effectiveness of aviation fire means used by assault aircraft to damage the adversary in military conflicts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Огневое поражение, методология, метод, методика, эффективность, бомбометание, площадная цель, авиационная бомба, авиационная ракета.

KEYWORDS

Fire damage, methodology, method, set of methods, efficiency, bombing, areal target, aerial bomb, aerial missile.

ОПЫТ двух мировых войн и военных конфликтов XX и начала XXI столетий свидетельствует о зависимости их хода и исхода от результатов действий авиации и резком возрастании ее роли в огневом поражении противника. Вклад военной авиации в огневое поражение противника в Первую мировую войну составлял не более 4 %. Через 30 лет, в самом начале Второй мировой войны он достиг 28—30 %, к концу войны — 40—42 %, а в локальных войнах последних десятилетий — 80—85 %[1].

> Если современная война и не выигрывается
> с помощью одной авиации, то, во всяком случае,
> без нее она, безусловно, не может быть выиграна.
>
> *Г.С. Иссерсон*

Разработка научных положений теории авиационного удара, методов количественной оценки эффективности применения авиационных средств поражения базируется на методологических основах огневого поражения противника. Как известно, ***методология*** представляет собой систему принципов и методов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Первоначально методология была представлена только в практических формах

взаимоотношений людей с объективным миром. С развитием производства, техники, искусства, элементов науки и культуры методология в целом становится предметом специальной теоретической рефлексии, формой которой выступает прежде всего философское осмысление принципов организации и регуляции познавательной деятельности, выделения в ней условий, структуры и содержания знания, а также путей, ведущих к истине. Если теория представляет результат процесса познания, то методология является методом достижения и построения этого знания.

В тактике и оперативном искусстве Военно-воздушных сил методология количественной оценки эффективности авиационного удара и применения авиационных средств поражения наземных (морских) объектов основывается на отношении возможности и действительности как категорий, выражающих две необходимые объективно существующие стадии в развитии результата огневого поражения противника. При этом боевые возможности авиационного формирования выражаются *результатом*, который может быть им достигнут при нанесении авиационного удара применительно к конкретной оперативно-тактической обстановке за один вылет. Так как действительность — это реализованная возможность, то в качестве степени реализации боевых возможностей, как правило, выступали ***потребный наряд сил и средств или вероятность выполнения боевой задачи***.

Количественную оценку результата огневого поражения противника в рамках принятой методологии в конце 30-х годов XX века позволяла получить теория вероятностей. Вероятностные методы были положены в основу принятых методик, с помощью которых прогнозировали наносимый противнику ущерб при заданных (ограниченных) затратах сил и средств, выбирали и обосновывали рациональные авиационные средства поражения (АСП) и управляемые параметры авиационного удара. Следует отметить, что существенный вклад в развитие теории количественной оценки эффективности авиационного поражения противника и разработку методов и методик количественной оценки эффективности бомбометания и применения авиационных средств поражения по наземным и морским целям в этот период внесли труды профессора Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского Михаила Пименовича Соловьева и основоположника теории бомбометания, представителя штурманской службы ВВС Красной Армии Алексея Ивановича Арбузова[2]. Разработанные ими методы позволяли прогнозировать ожидаемый результат бомбометания и определять потребные наряды сил и средств для выполнения поставленной боевой задачи. При решении задач планирования авиационного поражения противника и прогноза результатов авиационных ударов в методиках принималась мера ущерба противнику. Мера ущерба сравнительно просто задавалась с использованием «схемы случайных событий». При этом эффективность авиационного удара была связана с количеством пораженных объектов без учета качества поражения и времени, в течение которого объект противника не функционировал после авиационного удара по своему основному предназначению. В качестве основного показателя эффективности в методике была принята ***вероятность поражения наземной (морской) цели***, которая выражалась как вероятность попадания в цель потребного числа бомб. Эффективность поражения определялась с помощью таблиц бомбардировочных расчетов доли числа

попавших в цель бомб при серийном и групповом бомбометании. В качестве входных данных в таблицы бомбардировочных расчетов принимались (рис. 1): длина и ширина строя самолетов (Д, Ш); размеры зоны разлета бомб ($L_{Дx}$, $L_{Шz}$); количество бомб в серии и количество самолетов в боевом порядке; вероятное отклонение при бомбометании.

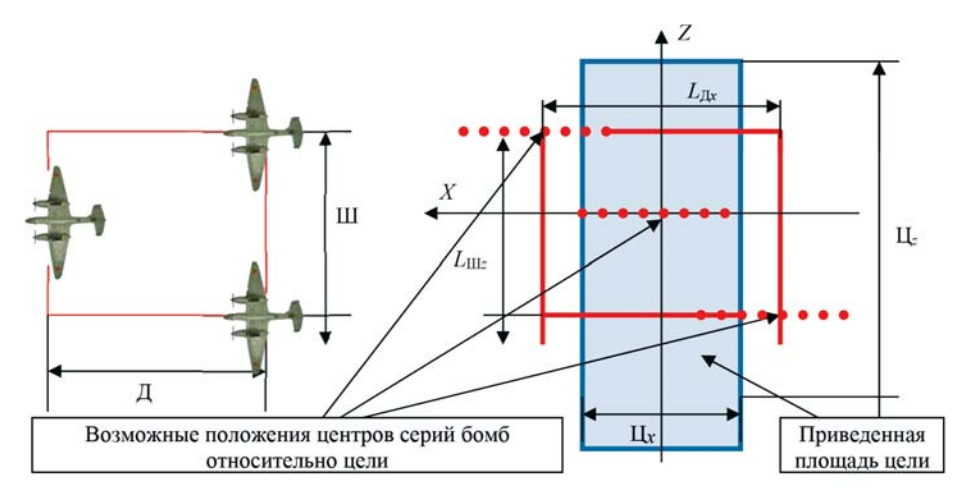


Рис. 1. Возможное положение площади зоны разлета бомб по отношению к площади цели

Разработанные методики количественной оценки эффективности бомбометаний прошли проверку в Великой Отечественной войне и применялись в послевоенный период до конца 50-х годов XX века.

Принятие на вооружение новых авиационных средств поражения, изменение взглядов на характер вооруженной борьбы, опыт боевого применения авиации в Великой Отечественной войне и локальных войнах второй половины XX века потребовали учета качества огневого поражения противника. Количество пораженных объектов противника, качество их огневого поражения, а также время нефункционирования объекта по основному предназначению оказывали все большее влияние на эффективность боевых действий ударной авиации не независимо, а взаимосвязано. Для решения методологической проблемы количественной оценки эффективности боевого применения АСП и авиационного удара требовался переход от «схемы случайных событий» к «схеме случайных величин». В качестве приоритетной методологической ориентации количественной оценки эффективности боевого применения АСП явились методы теории боевой эффективности, на основе которых разрабатывались частные методики количественной оценки эффективности применения АСП по наземным и морским объектам и организации огневого поражения противника. Случайной величиной стал выступать ущерб, нанесенный цели в зависимости от ее типа, характера боевой задачи, способа огневого воздействия. Эффективность авиационного удара стала рассматриваться в направлении качества ущерба, нанесенного объекту поражения (предмету огневого воздействия — цели). Ущерб выражался в тех или иных единицах: ***количеством пораженных элементарных целей; площадью поражения цели; временем, на которое объект***

удара прекращал функционирование по предназначению и др. В качестве меры ущерба принималось суммарное время нефункционирования (с учетом трудозатрат на восстановление) всех пораженных элементарных целей в составе группового объекта. Это позволяло качественно учесть возможные состояния всех элементарных целей и всесторонне рассмотреть объект удара.

Исследования профессора Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского Юрия Григорьевича Мильграма позволили разработать метод количественной оценки эффективности применения АСП[3]. На методическом уровне метод включал методики: расчета эффективности по площадям поражения; расчета эффективности по числу попаданий в зависимости от ширины строя самолетов (Ш); длины серии бомб (L_x), количества серий бомб (рис. 2) и методику расчета эффективности по накрытию цели зоной поражения (рис. 3).

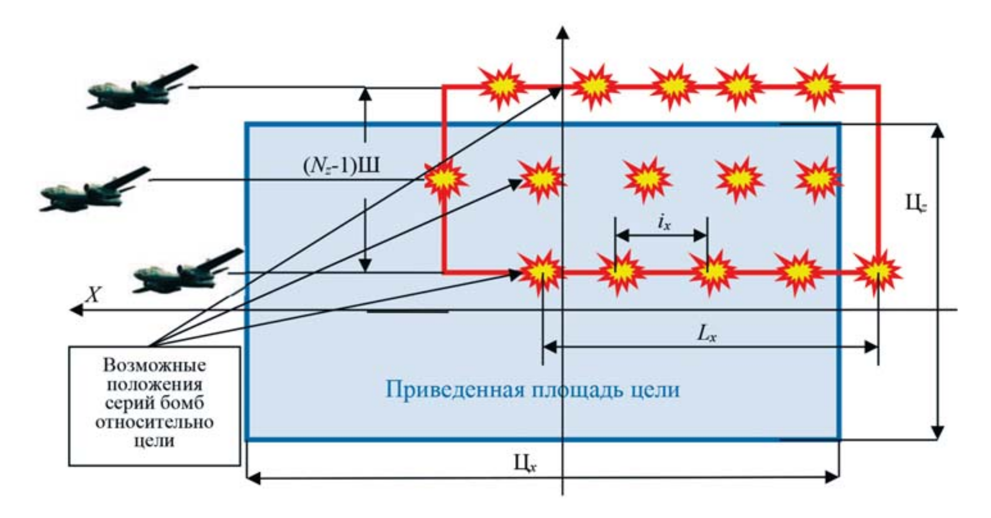


Рис. 2. Возможное положение суммарной приведенной площади зоны разлета бомб по отношению к площади цели

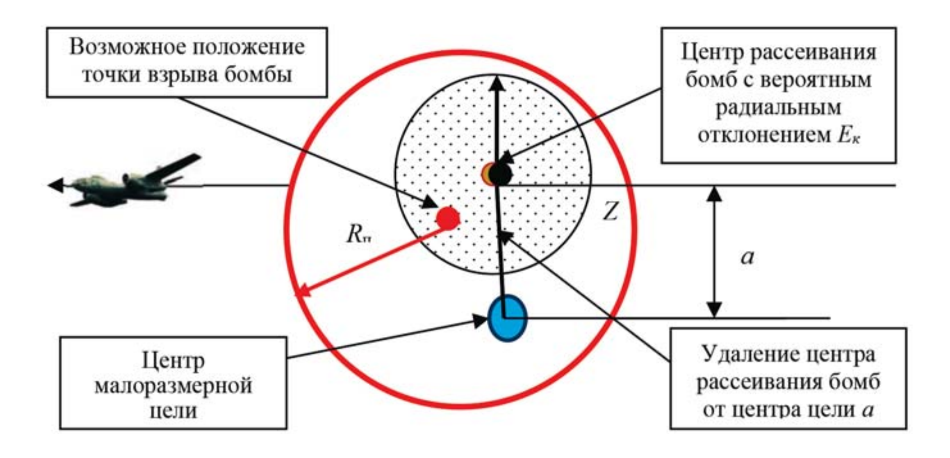


Рис. 3. К определению вероятности накрытия малоразмерной цели зоной поражения радиусом $R_п$

В целях оперативности расчетов методики разрабатывались с учетом тактических требований: гибкость (методика должна быть приспособлена для решения определенного класса задач); простота расчетов (методика должна иметь «готовые» решения в виде графиков и таблиц); точность расчетов должна соответствовать точности исходных данных.

Методики были реализованы в Руководстве по боевому применению АСП наземных (морских) объектов 1961 года. Они позволяли решать основные задачи: ***определение ожидаемого результата бомбометаний; определение потребного наряда сил и средств для выполнения боевой задачи; выбор рациональных бомбардировочных средств поражения и условий их применения; оценку точности серийных и групповых бомбометаний***.

В методиках были приняты степени поражения наземных (морских) объектов:

- «*уничтожение*» (уничтожение не менее 60 % живой силы и техники, не менее 60 % сооружений из состава цели, потопление не менее 60 % плавучих средств);
- «*подавление*» (уничтожение или разрушение не менее 20 % живой силы или сооружений цели);
- «*дезорганизация*» (разрушение или уничтожение наиболее важного элементарного объекта удара);
- «*изнурение*» (относительно малая плотность поражения в целях срыва нормальной работоспособности противника).

Требование тактики к оперативности расчетов и отсутствие электронно-вычислительной техники, с помощью которой можно было реализовать методики Ю.Г. Мильграма в частях и соединениях ударной авиации, сказались главным образом на дальнейшей разработке методик количественной оценки эффективности применения АСП по наземным (морским) объектам. Такие методики были разработаны в Военно-воздушной академии им. Ю.А. Гагарина генерал-майором авиации Валерием Ивановичем Кирилловым[4] и реализованы в Руководстве по боевому применению АСП наземных (морских) объектов 1974 года. Как и предыдущие методики, они позволяли решать задачи: определение потребного наряда самолетов, при котором обеспечивался заданный ущерб цели; определение минимального ожидаемого ущерба цели; определение условий бомбометания, при которых с заданной гарантийной вероятностью обеспечивается требуемый ущерб.

На методическом уровне метод включал методики: количественной оценки эффективности применения АСП с ядерным зарядом по площадным, малоразмерным и длинным узким целям (рис. 4); количественной оценки эффективности применения АСП с обычным зарядом по площадным, малоразмерным и длинным узким целям. За основную характеристику рассеивания при бомбометании было принято ***вероятное отклонение группового рассеивания*** с учетом уровня бомбардировочной подготов-

В тактике и оперативном искусстве Военно-воздушных сил методология количественной оценки эффективности авиационного удара и применения авиационных средств поражения наземных (морских) объектов основывается на отношении возможности и действительности как категорий, выражающих две необходимые объективно существующие стадии в развитии результата огневого поражения противника.

ки летного состава соединения, части, подразделения, экипажа. Входными величинами в графики оценки эффективности (минимальная ожидаемая площадь поражения или длина поражения цели) являлись размеры цели (радиус площадной цели $R_ц$, длина цели $L_ц$, радиус зоны поражения $R_п$, вероятное отклонение рассеивания при бомбометании и гарантийная вероятность расчетов $P_г$. При допущении, что центр рассеивания совпадает с центром цели, в методике определялся максимально возможный радиус r_m отклонения АСП для принятой гарантийной вероятности.

Одной из особенностей методики В.И. Кириллова явился метод определения норм поражения объектов действий авиации, включающих разнородные элементы. Каждый такой элемент выполнял определенную роль при функционировании объекта. Учет функционирования объекта в расчетах количественной оценки эффективности применения АСП выполнялся через норму поражения, под которой понималась величина средней необходимой относительной площади поражения объекта (доли поражения), при которой достигается требуемая степень поражения в зависимости от характера объекта, схемы его функционирования, уязвимости отдельных его элементов.

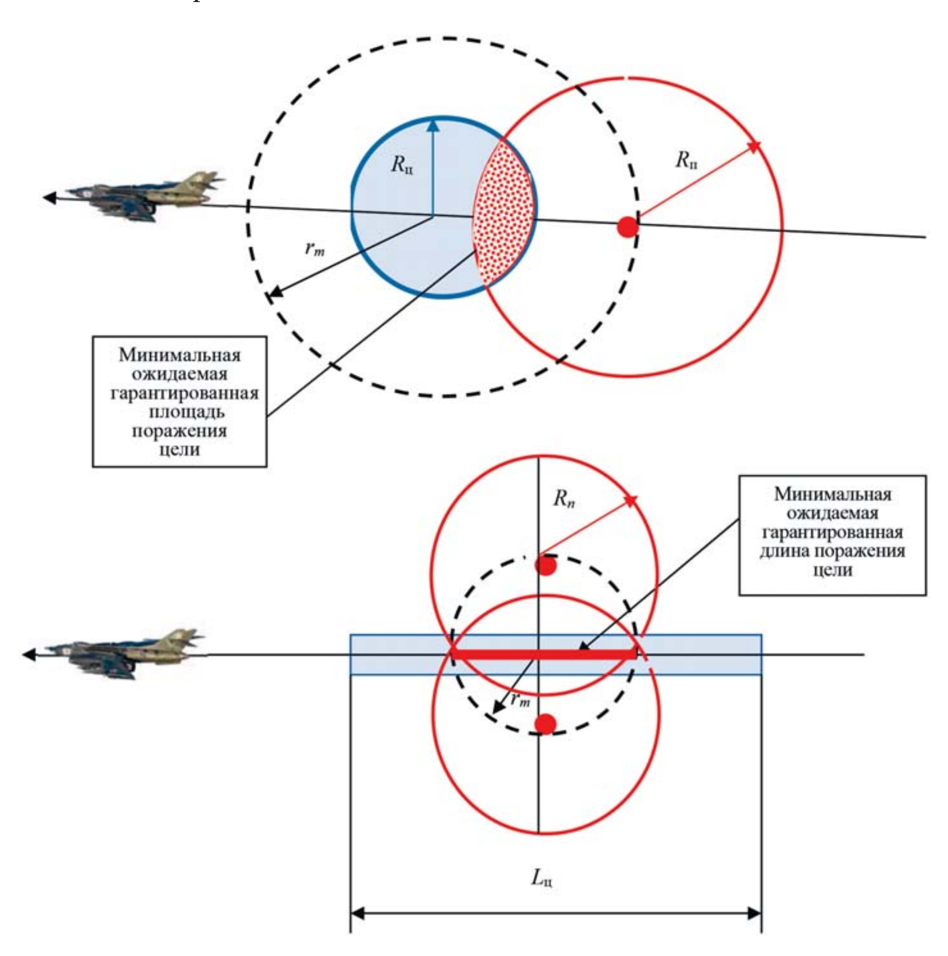


Рис. 4. Минимальная ожидаемая (гарантированная) площадь поражения и длина поражения наземной цели

Многообразие задач оценки эффективности бомбометаний, стрельб, ракетных пусков, разнообразие показателей эффективности, отсутствие единого подхода при решении задач и другие причины приводили к росту особенностей расчетов, как следствие, к появлению большого количества разнообразных частных методов и методик расчетов. Наличие множества методик требовало определенных усилий по их усвоению и осмыслению, а результаты, полученные по этим методикам, трудно сравнивались между собой. Все эти факторы вызвали потребность в разработке единого метода оценки эффективности применения АСП по объектам для типовых тактических задач. Кроме того, возросшие возможности ударной авиации по поражению объектов требовали решения задач поражения не отдельных целей, а больших и сложных объектов, решения вопросов организации огневых воздействий с учетом характеристик случайного процесса накопления относительного ущерба на объекте с ростом числа огневых воздействий.

Таким образом, требовалась методика, которая могла ответить на ряд важных вопросов, основными из которых были: как рационально выделить цели из объекта удара и как рационально осуществлять распределение выделенного числа огневых воздействий (самолетов) по целям объекта? Такие методики были разработаны в Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского Ю.Г. Мильграмом[5] и реализованы в Руководстве по боевому применению АСП 1984 года.

Особенность методологического подхода заключалась в реализации принципа единства: *единый подход к оценке эффективности поражения одиночных, групповых и площадных объектов действий авиации; единый закон поражения цели для всех объектов и всех АСП; единый закон накопления среднего относительного ущерба на групповом (площадном) объекте*, связанный с организацией боевого применения АСП; *единые показатели эффективности поражения наземных (морских) целей при применении АСП* и др. Эффективность авиационного удара стала выступать в качестве ущерба, нанесенного объекту поражения (цели) в зависимости от его типа, характера оперативной или боевой задачи, способа авиационного поражения. Под поражением объекта понимался такой результат поражающего воздействия АСП, при котором объект полностью или частично терял способность к функционированию по предназначению в течение времени, не менее заданного (нижняя граница градации ущерба — $t_{нгу}$).

Принятие на вооружение новых авиационных средств поражения, изменение взглядов на характер вооруженной борьбы, опыт боевого применения авиации в Великой Отечественной войне и локальных войнах второй половины XX века потребовали учета качества огневого поражения противника.

Таким образом, случайной величиной стало выступать минимальное время ($T_{мин}$), в течение которого объект невозможно восстановить (т. е. удовлетворяющее условие $T_{мин} \geq t_{нгу}$). Возможность поражения объекта противника стала характеризоваться вероятностью наступления этого события $P(Уt_{нгу}) = P(T_{мин} \geq t_{нгу})$, т. е. вероятностью того, что случайное минимальное время, в течение которого объект невозможно восстановить, будет больше или равно нижней границе градаций ущерба (вероятностью поражения объекта по определенному типу). Время стало являться характеристикой, производной от величины ущерба, и выражаться косвенно при постановке боевых задач ударной

авиации: уничтожить, вывести из строя, повредить. Мера нанесенного ущерба выражалась в *типе поражения объекта*, под которым понималось состояние объекта, характеризующееся тяжестью нанесенного ему ущерба. Использование буквенных обозначений градаций ущерба (*a, b, c*) в соответствии с понятиями типа поражения объекта (*A, B, C*) для одиночных элементарных объектов связано с совокупностью оперативно-тактических задач при ведении боевых действий (операций). При этом каждый тип поражения характеризуется временем утраты способности объекта к выполнению функций по основному предназначению, соответствующим минимальной продолжительности основных форм боевых действий (задачи операции, задачи дня, задачи боя). Принято, что ***уничтожение*** (*a*) достигается, когда объект противника прекращает функционировать на срок, равный времени достижения цели действий оперативного уровня, например, цели армейской операции. ***Вывод из строя*** (*в*) достигается, когда объект прекращает функционировать на срок, равный времени достижения цели действий тактического уровня, например, задачи дня, а ***повреждение*** (*c*) — задачи боя. На рисунке 5 приведены площади поражения ($S_п$) объекта (оперативно-тактическая ракета) в зависимости от типа АСП (бомбы калибра 500, 250 и 100 кг) и типа поражения.

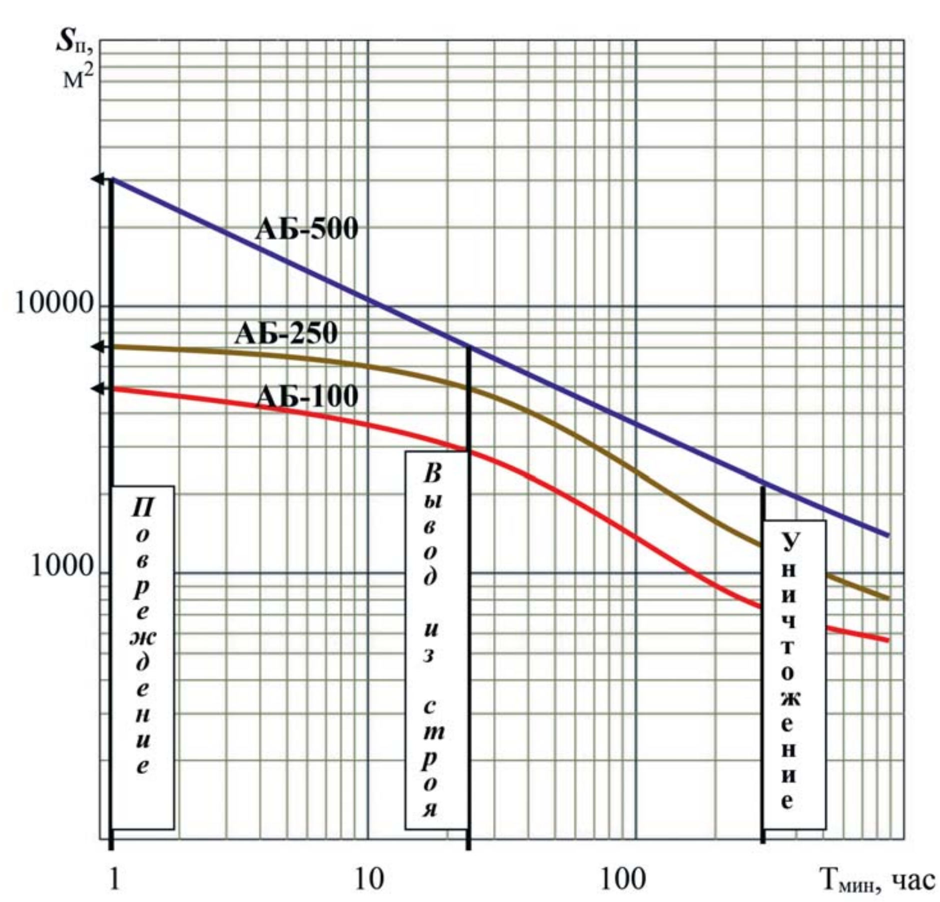


Рис. 5. Площадь поражения цели в зависимости от типа АСП и типа поражения

Результаты анализа опыта боевой подготовки авиационных частей и соединений ВВС СССР показали, что при применении АСП по реальным объектам из 100 % пораженных элементарных объектов (целей) в составе группового объекта действий авиации часть их уничтожалось полностью, а если их и можно было восстановить, то за длительное время. Часть объектов могла быть восстановлена за несколько суток, а оставшиеся объекты — в течение нескольких часов. Мерой ущерба в этом случае является относительное количество пораженных (по определенному типу) элементарных объектов.

Таким образом, в оценке боевых и оперативных возможностей ударной авиации введено понятие ***степени поражения объектов противника***. В методике были приняты три степени поражения группового объекта, которые были установлены заданием соответствующей величины ущерба и в зависимости от меры ущерба одиночного элементарного объекта. Например, *разгром* означал, что уничтожается не менее 50 % элементарных объектов (целей) в составе группового объекта удара авиации, а остальные 50 % могут получить менее тяжкие повреждения, которые не учитываются при прогнозировании результатов авиационного удара. Групповой (площадной) объект считался *подавленным*, если 50 % элементарных объектов выведено из строя. *Дезорганизация* группового (площадного) объекта достигается при повреждении 50 % одиночных элементарных объектов в его составе.

Вероятностные характеристики рассеивания АСП представляли собой описание характерных свойств рассеивания АСП при стрельбе, бомбометаниях, ракетных пусках. В качестве модели рассеивания АСП, применяемых в одном огневом воздействии, принята схема двух групп ошибок — групповое и индивидуальное рассеивание АСП.

Эффективность авиационного удара стала выступать в качестве ущерба, нанесенного объекту поражения (цели) в зависимости от его типа, характера оперативной или боевой задачи, способа авиационного поражения.

В методике принята единая обобщенная характеристика поражающего действия АСП по наземным одиночным (элементарным) целям — ***приведенная зона поражения*** (ПЗП) в форме прямоугольника с размерами, зависящими от типа цели, типа АСП и типа поражения. В качестве обобщенной характеристики зоны разлета АСП принята приведенная зона разлета (ПЗР), представляющая собой прямоугольник, в пределах которого АСП распределяются статистически равномерно, т. е. с постоянной средней плотностью вероятности (рис. 6).

В качестве основного показателя эффективности поражения объекта противника принято ***математическое ожидание относительного ущерба цели в одном огневом воздействии по каждой точке прицеливания*** ($M_{1,r}$ [V]), которое определялось в зависимости от математического ожидания относительной площади перекрытия площади цели приведенной площадью разлета АСП с учетом ПЗП, а также вероятности поражения цели и заданного ущерба. Ввиду того, что степенью реализации боевых возможностей выступал потребный наряд самолетов, он определялся в зависимости от гарантийной (доверительной) вероятности и математического ожидания относительного ущерба цели в одном огневом воздействии. Обратная задача заключалась в определении гарантированного относительного ущерба цели (V).

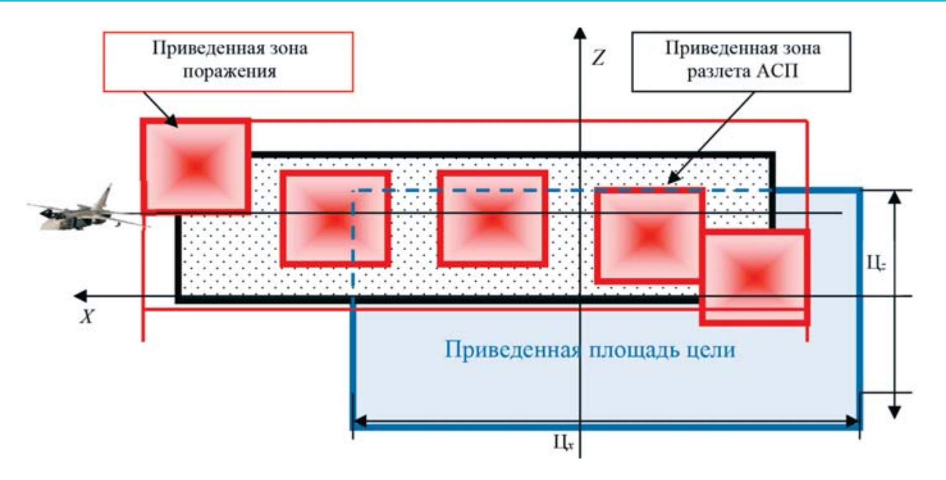


Рис. 6. Возможное положение приведенной зоны разлета АСП и приведенных зон поражения по отношению к приведенной площади цели

Принцип единства, принятый в методике, проявил себя увеличением числа особенностей расчетов. Таких особенностей несколько: особенности расчетов по объектам действий ударной авиации (мосты, корабли, взлетно-посадочная полоса аэродрома и др.); особенности расчетов в зависимости от применяемых АСП (ядерные, разовые бомбовые кассеты (РБК), бетонобойные, АСП малых калибров, самоприцеливающиеся противотанковые боевые элементы и др.).

Появление авиационного высокоточного оружия и опыт его применения в современных военных действиях — фактор, оказавший влияние на переход от экстенсификации к интенсификации огневого поражения противника. Именно переход к интенсификации огневого поражения противника обусловил актуальность научной проблемы, суть которой заключается в разработке теоретических положений организации огневого поражения противника ударной авиацией на новой методологической основе.

Следует отметить, что в последние десятилетия проявляется претензия практики организации авиационного удара и применения управляемых авиационных средств поражения на «свободу» от научных положений тактики ударной авиации и теории огневого поражения противника. В науке известно, что выбор объекта исследования даже на эмпирическом уровне и формулировка научной проблемы и научных задач исследования вытекают из методологических и теоретических установок. Уход от обобщений, методологического и теоретического понимания процессов противоборства современных боевых систем тактического и оперативного уровней вовсе не означает «независимости». В реальности этот уход оборачивается некритическим восприятием общих методологических установок и структурных элементов теории тактики ударной авиации и оперативного искусства ВВС.

Следует также отметить, что в условиях, когда отсутствует теория, проявляется интерес к частным методикам как совокупности средств и приемов познания процессов и явлений. Однако частная методика «хорошо работает» только в рамках общей теории. В противном случае даже самая лучшая частная методика может оказаться бесполезной либо выступает как наукообразное прикрытие ненаучных выводов. Наиболее точно на вопрос отношения частного и общего ответил В.И. Ленин: «Кто берется за

частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натыкаться” на эти общие вопросы. А натыкаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»[6].

Методологический подход к методикам оценки эффективности применения управляемых авиационных ракет тактического назначения связан с учетом специфики функционирования их систем самонаведения (наведения), влияния маскирующих помех и атмосферных образований. Связующим звеном в таком случае выступает ***величина промаха***, чувствительная как к техническим характеристикам систем самонаведения, так и к параметрам обстановки. Основным показателем количественной оценки эффективности применения авиационных противокорабельных ракет является вероятность поражения морской цели из состава морского объекта поражения (Wn) при применении нескольких ракет (n_p) по соответствующему типу. Она зависит от степени реализации возможностей по выходу носителя ракеты в область возможных атак, по преодолению носителем и ракетой противодействия корабельной ПВО, по наведению ракеты на морскую цель и ее поражению.

Насыщение систем ПВО и управления войсками радиоэлектронными средствами, обеспечивающими их высокую эффективность, привело к созданию противорадиолокационных ракет — ракет класса «воздух—РЛС». Авиационные противорадиолокационные ракеты (АПРР) — это специализированные самонаводящиеся ракеты, предназначенные для поражения работающих РЛС (наземных или корабельных) как одиночных, так и входящих в состав различных органов и пунктов управления систем ПВО. В качестве основного показателя количественной оценки эффективности применения АПРР принимается ***вероятность поражения РЛС-цели*** из состава группового объекта поражения (W_n) при применении (n_p) по соответствующему типу, которая определяется в зависимости от возможности наведения ракеты на РЛС-цель и ее поражения.

Организация применения АСП по наземным и морским целям связана с оптимизацией по частным критериям. К одному из таких критериев относятся *вероятность выхода на цель с ходу*. Под выходом на цель понимается этап боевого полета перед применением АСП, предполагающий действия экипажей и пунктов управления, направленные на вывод ударной группы в назначенное время в такую область пространства, из которой обеспечивается с ходу атака наземной цели. В настоящее время самолеты ударной авиации оборудованы современными прицельно-навигационными системами, обеспечивающими выход на цель с известными координатами с вероятностью, близкой к единице. Однако есть условия оперативно-тактической обстановки, которые не позволяют выполнить выход на цель с вероятностью, близкой к единице. К ним относятся: неточное опреде-

Появление авиационного высокоточного оружия и опыт его применения в современных военных действиях — фактор, оказавший влияние на переход от экстенсификации к интенсификации огневого поражения противника. Именно переход к интенсификации огневого поражения противника обусловил актуальность научной проблемы огневого поражения противника ударной авиацией на новой методологической основе.

ление координат цели; невскрытые перемещения подвижной цели на местности или на море; отклонения в выходе на цель вследствие ошибок навигации, коррекции, наведения, целеуказания; бомбометание с малых и предельно малых высот со сложных видов маневра самолетами ударной группы в районе цели; прицеливание в условиях помех визирным системам самолета (задымления, аэрозольного прикрытия и др.). Факт выхода на цель определяется обнаружением и опознаванием цели на дальностях, обеспечивающих ее атаку с ходу. При применении управляемых АСП без визуального и приборного контакта с целью понятие выхода на цель предполагает выход носителя управляемого АСП в зону (район) разрешенных пусков.

В качестве численной величины, характеризующей степень реализации возможностей экипажа по обнаружению цели и выходу на нее с ходу, принимается вероятность, которая зависит от вероятности обнаружения цели на дальности не менее потребной при условии нормальной работы (надежности) поисково-прицельной системы самолета (вертолета), плотности вероятности распределения координат самолета (вертолета) в момент обнаружения цели и площади области возможных атак.

Таким образом, методики и руководства по боевому применению авиационных средств поражения наземных (морских) объектов возникали, переживали периоды популярности и противоречий, вызванных системой допущений и ограничений, принятием новых АСП, изменением условий авиационного огневого поражения противника. Каждое последующее руководство в той или иной мере учитывало недостатки предыдущего, обеспечивая тем самым связь между ними и дальнейшее развитие.

Предпринятая автором попытка рассмотрения эволюции методик количественной оценки эффективности применения АСП по наземным (морским) объектам с системологических позиций позволяет увидеть общее и особенное в подходах к оценке эффективности применения АСП, логическую связь и преемственность методик, что необходимо для модифицирования знаний в предметной области боевого применения авиационных средств поражения по наземным (морским) объектам. Методики, разработанные на новой методологической основе, позволят выполнять количественную оценку возможностей авиационных частей и соединений ударной авиации в огневом поражении противника на современном более качественном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Актуальные проблемы вооруженной борьбы в воздушно-космической сфере. Сборник пленарных докладов Международной военно-научной конференции. Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2017. С. 10.

[2] *Соловьев М.П., Арбузов А.И.* Основы бомбометания. М.: Воениздат, 1940.

[3] *Мильграм Ю.Г.* Бомбардировочные расчеты при бомбометании по площадным целям. М.: ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 1954.

[4] *Кириллов В.И., Грошев В.Н.* Теория боевой эффективности и исследования операций. Монино: ВВА, 1969.

[5] *Мильграм Ю.Г., Ерохин В.А.* Основы единой зонной методики оценки эффективности применения авиационных средств поражения по наземным (морским) объектам. М.: ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 1985.

[6] *Ленин В.И.* Полное собр. соч. Т. 15. С. 368.

Основные проблемы достижения интероперабельности информационных систем органов государственного и военного управления при решении задач обороны

Полковник М.Н. ОСИПЕНКОВ,
кандидат технических наук

Полковник И.Н. УЗЯКАЕВ

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ интероперабельности при организации информационного взаимодействия информационных систем федеральных органов исполнительной власти и программно-аппаратного комплекса Национального центра управления обороной Российской Федерации. Выявлены основные проблемы достижения интероперабельности и определены пути их решения.

ABSTRACT

The paper analyzes interoperability in organizing information interaction of information systems between federal executive bodies and the firmware complex of the National Center for Defense Control of the Russian Federation. It names the main problems involved in achieving interoperability and outlines the ways of solving those.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Межведомственное информационное взаимодействие, информационная система, интероперабельность, Национальный центр управления обороной Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти.

KEYWORDS

Interdepartmental information interaction, information system, interoperability, National Center for Defense Control of the Russian Federation, federal executive body.

В СОВРЕМЕННЫХ условиях процессы управления обороной государства приобретают новое содержание. Прежде всего это обусловлено развитием существующих и появлением новых форм, способов и технологий межгосударственного противоборства, что подтверждается многими процессами и событиями, происходящими в современном мире и влияющими на состояние обороны и безопасности Российской Федерации.

Известно, что оборона как исключительная функция государства представляет собой систему политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита РФ, целостности и неприкосновенности ее территории.

Под ***управлением обороной государства*** понимается в самом общем смысле целенаправленная деятельность (организующая, распорядительная, исполнительная) органов государственного и военного управления по поддержанию системы перечисленных мер в готовности к вооруженной защите и руководство вооруженной защитой государства.



Рис. 1. Факторы, влияющие на управление обороной государства

На управление обороной государства оказывают влияние многие факторы или их группы: экономические, политические, военные, духовные, правовые и другие (рис. 1). Одним из важнейших факторов, охватывающим всю сферу деятельности по управлению обороной государства, является *информационный*.

Влияние именно этого фактора обуславливает необходимость организации межведомственного информационного взаимодействия в области обороны.

В современной науке категория «взаимодействие» рассматривается как разновидность непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи субъектов, объектов. При этом отмечается, что свойства субъекта или объекта могут проявиться и быть познанными только во взаимодействии с другими объектами.

Под ***межведомственным информационным взаимодействием в области обороны*** следует понимать процесс согласованных взаимных информационных воздействий органов государственного и военного управления в интересах принятия своевременных и целесообразных решений в области обеспечения обороны государства.

Следует отметить, что осуществление координации деятельности органов государственного и военного управления в области обороны в Министерстве обороны Российской Федерации возложено на **Национальный центр управления обороной Российской Федерацией (НЦУО РФ)**[1].

Информационно-технологической основой межведомственного информационного взаимодействия при решении задач в области обороны в НЦУО РФ является совокупность распределенных разноведомственных автоматизированных и информационных систем (ИС), а также программно-аппаратный комплекс (ПАК) НЦУО РФ, которые должны функционировать совместно. В настоящее время в органах государственного и военного управления используются различные информационные системы, информационные технологии и технические средства широкой номенклатуры, которые обобщенно иногда называются «унаследованными» системами. Большинство данных систем существенно различаются между собой. Требования в части необходимости информационного взаимодействия и совместимости форм представления данных с ИС других ведомств на этапе разработки, как правило, не учитывались. В связи с этим достижение *интероперабельности* информационных систем органов государственного и военного управления при организации межведомственного информационного взаимодействия является краеугольным вопросом.

Важность и актуальность данной проблемы отражена в материалах II Межведомственной научно-практической конференции «Система межведомственного информационного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации», проведенной НЦУО РФ в 2016 году. В решении конференции отмечена «необходимость рассмотреть проблему обеспечения интероперабельности с учетом реализации положений Военной доктрины РФ как одного из важнейших средств повышения эффективности и безопасности функционирования системы государственного и военного управления, обеспечения информационного взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами при решении задач в области обороны и безопасности».

В соответствии с ГОСТ Р 55062-2012[2] под ***интероперабельностью*** понимают способность двух и более ИС или компонентов к обмену информацией и к использованию информации, полученной в результате обмена. Взаимодействие ИС может выражаться не только в виде обмена данными, но и в виде распределенного выполнения поисковых запросов, согласованного изменения базы данных и т. д.

Стандарт ГОСТ Р 55062-2012 определяет эталонную модель интероперабельности, которая предусматривает три уровня. В рамках межведомственного информационного взаимодействия, организованного в НЦУО РФ, эталонная модель интероперабельности представлена на рисунке 2.

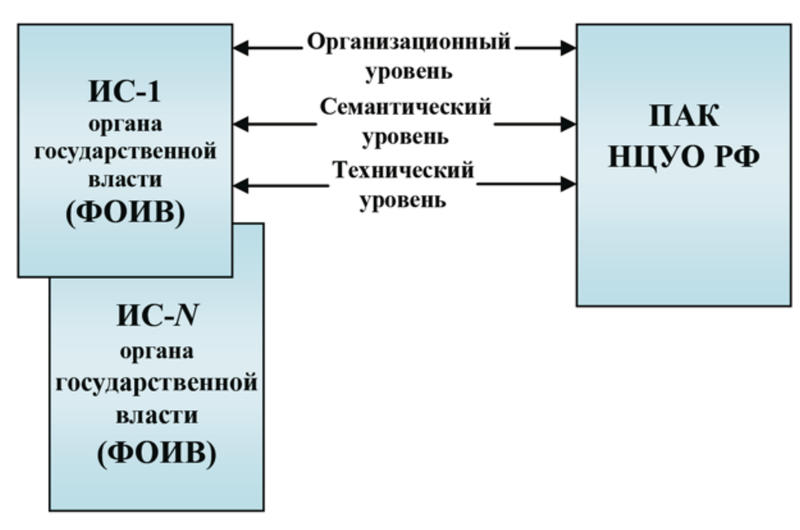


Рис. 2. Эталонная модель интероперабельности

Проведенный авторами анализ взаимодействия ИС, организованный в НЦУО РФ, показал, что проблема достижения интероперабельности ИС актуальна как для «унаследованных» систем, которые требуется связать с вновь создаваемыми (либо как минимум получить возможность использования их базы данных), так и для проектируемых ИС (хранилищ данных), в которых необходимо предусмотреть возможности реализации взаимодействия с другими ИС в перспективе при изменении требований к ним[3].

Проблема достижения интероперабельности ИС органов государственного и военного управления при решении задач обороны существует

на всех уровнях (организационном, семантическом, техническом) с различной степенью проработки.

Организационный уровень акцентирует внимание на прагматических аспектах взаимодействия (решение задач обороны). На этом уровне согласуются цели взаимодействия и достигаются соглашения о сотрудничестве между ФОИВ, которые привлекаются для решения задач в области обороны (рис. 3).

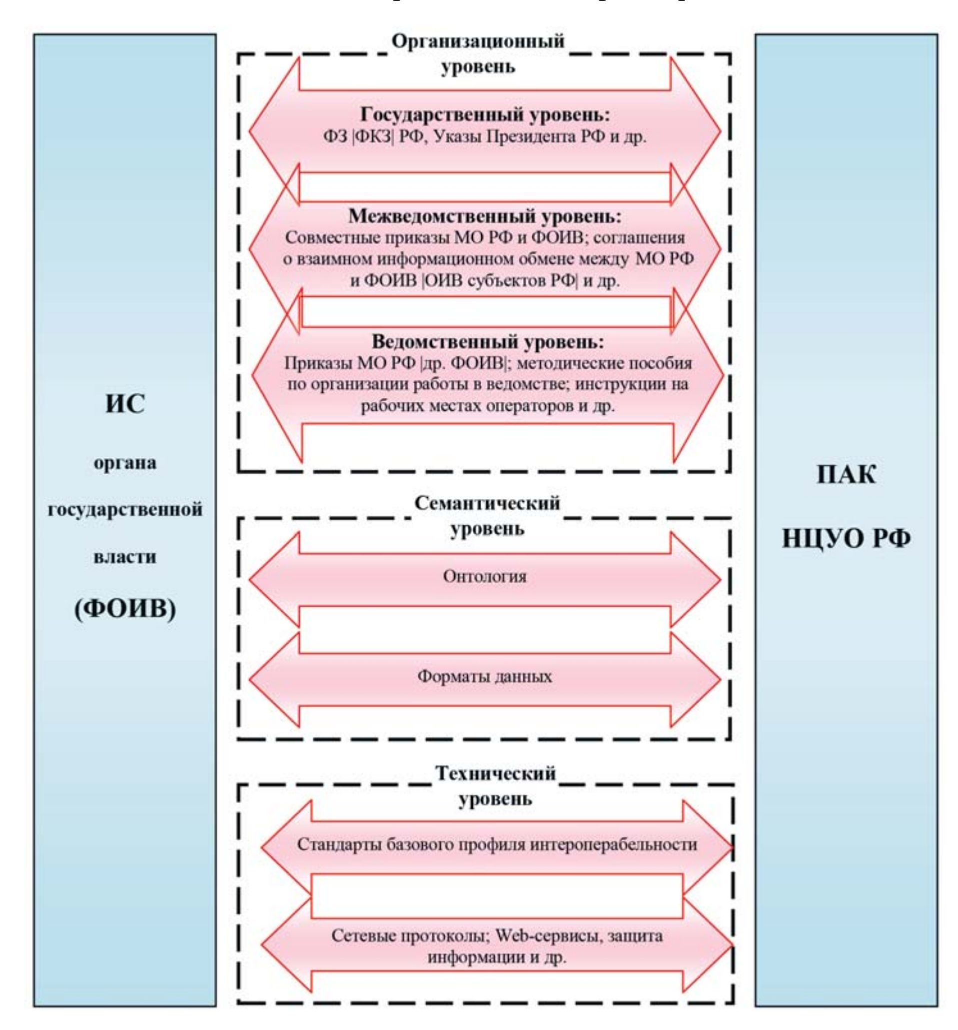


Рис. 2. Эталонная модель интероперабельности

Организационная интероперабельность имеет своей целью обеспечить выполнение требования участников взаимодействия: службы должны стать доступными, легко идентифицироваться и быть ориентированными на пользователя. Основной особенностью организационной интероперабельности является то, что она достигается не за счет применения стандартов (нормативно-технических документов), а за счет применения нормативно-правовых документов (соглашений, конвенций, договоров о сотрудничестве).

Для обеспечения стандартизации на организационном уровне интероперабельности проведена работа по

разработке нормативно-правовой базы обеспечения задач обороны:

- ***на государственном уровне*** — Указы и распоряжения Президента Российской Федерации от 01.09.2014 г. № 601[4], от 03.02.2015 г. № 16-рпс[5], от 01.09.2016 г. № 441[6] и др.;
- ***на ведомственном уровне*** — приказ МО РФ от 18.07.2015 г. № 505[7] и др.

В результате организационных мероприятий была обеспечена организация взаимодействия ИС государственных органов и организаций для решения задач обороны по топологии «звезда» (ИСФОИВ1 — ПАК НЦУО РФ — ИСФОИВn), т. е. организовано взаимодействие только между государственными органами с МО РФ, но не между собой.

Можно сказать, что задача достижения организационной интероперабельности при решении задач обороны была решена. Однако данная задача является «частной». Приведенный подход не решил проблему достижения организационной интероперабельности ИС государственного и военного назначения в целом.

Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации показывает, что проблема интероперабельности очень слабо отражена в государственных документах по информатизации. Хотя и некоторые подвижки в этом вопросе есть. В частности:

- в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество»[8] в перечне мероприятий названо «формирование открытых стандартов взаимодействия информационных систем, в том числе разработка и поддержка профиля открытых стандартов архитектуры государственных информационных систем, форматов и протоколов обмена данными, обеспечивающих совместимость государственных информационных систем и их компонентов» (однако в открытом доступе эти профили пока отсутствуют);
- указана важность фундаментальных аспектов проблемы интероперабельности в Программе фундаментальных исследований государственных академий наук[9] (п. 34) «…разработка научно-методологических основ информатизации общества и инновационных видов деятельности, направленных на обеспечение социально-экономического развития, национальной безопасности Российской Федерации; развитие принципов интероперабельности, стандартов и технологий открытых информационных систем».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отечественных концептуальных документах высокого уровня вопросам интероперабельности уделяется внимание декларативно.

Семантический уровень описывает семантические аспекты взаимодействия, т. е. содержательную сторону обмениваемой информации. Семантическая интероперабельность позволяет системам комбинировать полученную информацию с другими информационными ресурсами и обрабатывать ее смысловое содержание. На данном уровне имеется

Под межведомственным информационным взаимодействием в области обороны следует понимать процесс согласованных взаимных информационных воздействий органов государственного и военного управления в интересах принятия своевременных и целесообразных решений в области обеспечения обороны государства.

своя модель, в которой центральное место занимает создание онтологии. Семантическая интероперабельность достигается за счет применения стандартов типа *XML*[10].

Основные типичные проблемы в достижении семантической интероперабельности информационных систем: многократное избыточное описание предметов и процессов предметной области; концептуальная несовместимость, нецелостность, противоречивость описания общих частей предметной области и самих данных в рамках разных систем; необходимость учета знания об обработке данных, распределенного между их структурой и процедурами их обработки, при формировании единого информационного хранилища; наличие в системах собственных хранилищ данных, что исключает возможность простой потоковой обработки; проблемы интероперабельности разноплатформенных данных и интерфейсов унаследованных и вновь разрабатываемых программных комплексов; отсутствие комплексной безопасности фрагментарных систем и межсистемного информационного пространства и другие.

Под интероперабельностью понимают способность двух и более ИС или компонентов к обмену информацией и к использованию информации, полученной в результате обмена. Взаимодействие ИС может выражаться не только в виде обмена данными, но и в виде распределенного выполнения поисковых запросов, согласованного изменения базы данных.

Таким образом, следует отметить, что семантический уровень крайне важен, именно на нем обеспечивается взаимопонимание участников и реализуется информационное превосходство, поскольку принимаются решения. На семантическом уровне имеется своя модель, которая по существу является попыткой всеобъемлющей и детальной формализации в военной области с помощью концептуальной схемы. При этом семантическая интероперабельность — гораздо менее проработанная задача.

Технический уровень описывает синтаксис или форматы передаваемой информации, заостряя внимание на том, как представлена информация в коммуникационной среде. Технический уровень включает такие ключевые аспекты, как открытые интерфейсы, службы связи, интеграции данных и промежуточный слой программного обеспечения (*Middleware*), представление и обмен данными, службы доступности и защиты информации[11]. Техническая интероперабельность достигается главным образом за счет использования стандартных протоколов связи типа *TCP/IP*.

Проведенный авторами анализ технической основы межведомственного взаимодействия, организованного в НЦУО РФ, показал, что в условиях повседневной деятельности его основой является специальная система передачи данных, к которой с помощью *VIP-net* оборудования подключены ИС ФОИВ, госкорпораций и организаций. В данной системе реализованы сервисы электронной почты и видеоконференцсвязи, позволяющие осуществлять обмен информацией с грифом «конфиденциально». Следует признать, что «частная» задача обеспечения технической интероперабельности ИС органов государственного и военного

управления при организации межведомственного информационного взаимодействия в НЦУО РФ была решена.

Однако в целом проблема достижения технической интероперабельности — это сложная научно-техническая проблема, имеющая как фундаментальные, так и прикладные аспекты. Согласно мировому опыту эта проблема решается на основе использования согласованных наборов стандартов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ-стандартов) — профилей (профиль предоставляет собой «общий язык» для заказчиков, пользователей и поставщиков программно-аппаратных средств). Однако конкретной работы в Российской Федерации по разработке профилей в настоящее время не ведется. Решение достижения технической интероперабельности авторами видится на основе единого подхода, зафиксированного в ГОСТ Р 55062-2012.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Российской Федерации работа по достижению интероперабельности не организована должным образом и носит скорее декларативный характер. Активизация работ происходит лишь для решения частных задач, таких, например, как решение задач обороны. Но, к сожалению, данные мероприятия не позволяют решить проблему достижения интероперабельности в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интервью М.Е. Мизинцева в связи с пятилетием НЦУО РФ. [Электронный ресурс]: информационный портал Минобороны России (дата обращения: 16.09.2019).

[2] ГОСТ Р 55062-2012 Системы промышленной автоматизации и их интеграция. Интероперабельность. Основные положения. [Электронный ресурс]: информационно-правовой портал «Гарант.ру» (дата обращения: 16.09.2019).

[3] *Анисимов Е.Г., Николаев Г.А., Осипенков М.Н.* Межведомственное информационное взаимодействие в сфере обороны Российской Федерации / Военно-теоретический труд. М.: ВАГШ ВС РФ, 2017.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2014 года № 601 «О порядке сбора информации по вопросам обороны и обмена этой информацией».

[5] Распоряжение Президента Российской Федерации от 3 февраля 2015 года № 16-рпс «О проведении эксперимента по несению дежурства должностными лицами федеральных органов исполнительной власти и организаций в Национальном центре управления обороной РФ».

[6] Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2016 года № 441 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства обороны Российской Федерации, иных федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций и организаций».

[7] Положение о службе информационных ресурсов Вооруженных Сил Российской Федерации (утверждено приказом МО РФ от 18 июля 2015 года № 505).

[8] Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество», утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313. [Электронный ресурс]: информационно-правовой портал «Гарант.ру» (дата обращения: 16.09.2019).

[9] Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 2237-р (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 50, ст. 7089; 2013, № 16, ст. 2000).

[10] ГОСТ Р 55062-2012 Системы промышленной автоматизации и их интеграция. Интероперабельность. Основные положения.

[11] Там же.

Об истории создания базовой автоматизированной системы управления военного округа (региона)

Полковник В.Е. ЯНОВ

Полковник О.А. КУДРЕНКО,
кандидат технических наук

Подполковник В.В. ЦАРЕЛУНГА

АННОТАЦИЯ

Проанализированы особенности автоматизированного управления войсками (силами) на современных этапах. Рассмотрены этапы разработки базовой автоматизированной системы управления военного округа (региона) исходя из эволюционного подхода ее создания с учетом изменений требований к автоматизации управления войсками (силами) военного округа.

SUMMARY

The paper analyzes the distinctive features of automated control over troops/forces at the current stage. It looks at the stages in devising the basic automated control system for the military district (region) stemming from the evolutionary approach to its creation, given the changes in requirements for troop/force control automation in the military district.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военный округ (ВО), объединенное стратегическое командование (ОСК), базовая автоматизированная система управления военного округа (региона) (БАСУ ВО (региона)), унифицированные комплексы средств автоматизации (УКСА), полевые подвижные пункты управления (ПППУ), комплексная автоматизация процессов управления.

KEYWORDS

Military district (MD). Joint Strategic Command (JSC), basic automated control system for the military district (region) (MD/R BACS), unified sets of automation means (USAM), field mobile control points (FMCP), comprehensive automation of control processes.

В ПОСЛЕДНИЕ десятилетия одним из главных направлений повышения эффективности применения войск (сил) является реализация концепции, предусматривающей достижение подавляющего превосходства над противником, прежде всего в информационной сфере, что подразумевает полную осведомленность о противнике, его действиях, способность эффективно управлять своими войсками (силами) и оружием используя возможности современных информационных технологий в автоматизированных системах военного назначения (АС ВН).

Для обеспечения многократного увеличения возможностей по управлению действиями разнородных войск (сил) военного округа, рассредоточенных на огромных расстояниях, значительного сокращения цикла управления возникла необходимость создания автоматизированных систем управления (АСУ) войсками (силами) военного округа.

Разработанные в конце прошлого столетия автоматизированные системы военного назначения, размещаемые на территории военных округов, структурно и функционально представляли собой иерархические системы, имеющие в своем составе большое количество разнотипных средств автоматизации органов и пунктов управления (ПУ) военного округа и предназначались для решения частных задач управления войсками (силами) и оружием. Информационно и технически эти АС ВН не были увязаны между собой и были жестко ориентированы на инфраструктуру системы управления.

Развитие форм и способов вооруженной борьбы привело к необходимости перехода на новые качественные параметры строительства Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ), в том числе и военных округов, на основе совершенствования системы управления, организационной структуры войск (сил), оснащения их современным вооружением и военной техникой и средствами управления.

Опыт вооруженных конфликтов, в том числе и внутри страны, показал, что в их разрешении в регионах России и прилегающих к ее границам странах будут принимать участие как воинские формирования ВС РФ, так и другие силовые структуры, при этом будут создаваться объединенные группировки Федеральных войск.

Задачей первостепенной важности стало обеспечение требуемого уровня оперативности, непрерывности, скрытности и устойчивости управления войсками (силами) военного округа на основе комплексной автоматизации задач управления. В связи с этим возникла необходимость разработки базовой автоматизированной системы управления военного округа (региона).

Важнейшим условием выполнения данной сложной задачи явилось качественное проведение исследований и военно-научное сопровождение ряда опытно-конструкторских работ (ОКР) по разработке составных частей БАСУ ВО (в том числе по разработке стационарной и мобильной частей АСУ ВО) а также системообразующей ОКР для взаимоувязки всех составных частей в единую БАСУ ВО.

Данные работы были осуществлены в нескольких комплексных научно-исследовательских работах (КНИР), головной организацией при выполнении которых был 27 ЦНИИ Минобороны России.

Автоматизированные системы военного назначения, размещаемые на территории военных округов, структурно и функционально представляли собой иерархические системы, имеющие в своем составе большое количество разнотипных средств автоматизации органов и ПУ военного округа и предназначались для решения частных задач управления войсками (силами) и оружием.

Актуальность исследований, проведенных в КНИР, определялась практической потребностью подготовки научно обоснованных выводов и рекомендаций для практического решения проблем создания и внедрения БАСУ ВО с учетом достижений отечественной и зарубежной науки

и техники и современных методов управления войсками (силами).

Исследования в ходе КНИР проводились на основе исходных данных, выданных органами военного управления, а также имеющихся в 27 ЦНИИ Минобороны России и организациях-соисполнителях КНИР материалов и результатов, полученных в ходе участия представителей организаций в выполнении оперативных заданий.

Основными задачами выполнения КНИР являлись:

- анализ применения существующих и состояния разработки создаваемых АС ВН ВС РФ, АС иностранных государств, воинских формирований и федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) РФ;
- участие в уточнении существующих и разработке новых документов Минобороны России в интересах создания БАСУ ВО;
- разработка предложений по корректировке ведущихся (открытию новых) НИОКР в интересах создания и развития БАСУ ВО;
- военно-научное сопровождения ОКР, выполняемых в интересах создания БАСУ ВО.

При решении указанных задач исследований учитывались следующие основные факторы:

- формирование перспективного облика ВС РФ;
- возрастание требований к оперативности, устойчивости, непрерывности и скрытности управления войсками в операциях (боевых действиях), оптимизации управления межвидовой группировкой войск (сил) в регионе в мирное и военное время;
- перенос центра тяжести вооруженной борьбы в область борьбы за информационное превосходство;
- переход от строго вертикальных связей управления к сетецентрическому управлению войсками (силами) и оружием, глобальным (региональным) информационно-управляющим системам;
- переход от автономной обработки различных видов информации при выработке решений по управлению войсками (силами) к интегрированной обработке на основе доступа к различным информационным ресурсам.

В интересах создания БАСУ ВО первоначально была задана ОКР по разработке стационарной части АСУ войсками (силами) военного округа, в которой особое внимание было уделено вопросам унификации программно-технических средств и базовых информационных защищенных компьютерных технологий (БИЗКТ), обеспечения автоматизированного взаимодействия с органами управления других силовых министерств и ведомств.

Результатом данной ОКР явился разработанный ряд унифицированных комплексов средств автоматизации стратегического, оперативного и тактического звеньев управления, функционирующих на средствах БИЗКТ.

В ходе ОКР впервые было обеспечено автоматизированное межведомственное взаимодействие в границах ответственности ВО за счет реализации в стационарной части АСУ ВО контура взаимодействия. В интересах его формирования было разработано совместное решение ФОИВ о порядке использования стационарных средств АСУ ВО, развернутых в органах управления военного округа и других силовых министерств и ведомств, а также ряд других документов, регламентирующих межведомственный автоматизированный информационный обмен.

Стационарная часть АСУ ВО была принята на снабжение ВС РФ, ее средствами были оснащены все военные округа.

Качественно новый подход к ведению военных действий с применением высокоточного оружия в совокупности с новыми стратегическими и оперативными концепциями меняли характер и содержание вооруженной борьбы, взгляды на строительство ВС РФ. Еще больше возрастали требования Генерального штаба ВС РФ к оперативности и качеству управления войсками (силами) и оружием с подвижных пунктов управления, что было определено повышенной динамикой действий противоборствующих сторон в различных физических средах. Тенденции и закономерности изменения характера вооруженной борьбы определили все более возрастающие требования к интеграции распределенных информационных, разведывательных, оборонительных и ударных систем.

С учетом этого и результатов, полученных при разработке стационарных УКСА, вопросы автоматизации управления получили дальнейшее развитие в ходе ОКР по разработке мобильной части АСУ ВО. Особое внимание было обращено на:

• сокращение продолжительности циклов и основных процессов боевого управления во всех видах деятельности органов управления, размещаемых на полевых подвижных пунктах управления;

• многократное сокращение по сравнению с неавтоматизированным методом времени подготовки данных обстановки, сбора и доведения данных в сроки, близкие к реальному масштабу времени;

• повышение обоснованности и достоверности анализа и оценки обстановки, принятие решения и планирование операции и действий войск с разработкой различных вариантов применения войск, сил и средств при одновременном сокращении времени планирования и принятия решения;

• оптимизацию информационно-вычислительного процесса с учетом территориальной разнесенности объектов, модульности построения элементов мобильных ПУ, возможностей полевой (мобильной) системы связи.

В ходе ОКР для формирования мобильной части АСУ ВО был разработан ряд мобильных УКСА подвижных пунктов управления от стратегического до тактического уровня, размещенных в том числе в автоматизированных подвижных единицах различного типа и предназначения.

Испытания опытного образца мобильной части АСУ ВО были завершены с положительным результатом, и мобильные УКСА были переданы в войсковую эксплуатацию. В ходе ее мобильные УКСА применялись при подготовке и проведении мероприятий оперативной подготовки.

Анализ материалов войсковой эксплуатации в условиях продолжающегося реформирования ВС РФ позволил уточнить содержание работы оперативного состава функциональных групп ПППУ объединенного стратегического командования (ОСК) ВО, сформировать единство взглядов на структуру, последовательность и содержание совместной работы взаимодействующих органов управления (функциональных групп) на командных пунктах видов (родов войск), других силовых министерств и ведомств.

В соответствии с задачами, стоящими перед командующим и должностными лицами ОСК, были усовершенствованы алгоритмы их работы на средствах мобильной части АСУ ВО, актуализированы методики оперативно-тактических расчетов, соответствующих новой структуре объединений, соединений ВО и современным условиям ведения операций (боевых действий).

Кроме того, были выработаны рекомендации по дальнейшему совер-

шенствованию функциональности, транспортабельности и совместимости унифицированных комплексов средств автоматизации и комплексов средств связи (КСС) ПППУ стратегического, оперативно-стратегического и оперативного звеньев управления.

Анализ материалов войсковой эксплуатации в условиях продолжающегося реформирования ВС РФ позволил уточнить содержание работы оперативного состава функциональных групп ПППУ ОСК ВО, сформировать единство взглядов на структуру, последовательность и содержание совместной работы взаимодействующих органов управления на командных пунктах видов (родов войск), других силовых министерств и ведомств.

Вопросам дальнейшего развития и совершенствования мобильной части АСУ ВО и ее составных частей Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации уделялось особое внимание. Был создан опытный район для проверки и доработки комплексов средств автоматизации (КСА) и КСС ПППУ в составе мобильных КСА командных пунктов всех звеньев управления, в том числе и единой системы управления войсками (силами) и оружием в тактическом звене (ЕСУ ТЗ).

В соответствии с указаниями Генерального штаба ВС РФ под руководством 27 ЦНИИ Минобороны России были разработаны проекты программы и методик проверок КСА и КСС опытного района ПППУ, в ходе которых были проведены следующие основные мероприятия:

- отработаны вопросы совершенствования сопряжения КСА и КСС ПППУ стратегического, оперативно-стратегического, оперативного и тактического звеньев управления в регионе;
- проведена оценка эффективности функционирования КСА и КСС ПППУ в условиях помех;
- уточнены системотехнические решения и требования по созданию (модернизации) новых (существующих) КСА и КСС ПППУ;
- уточнен необходимый перечень и объем серийных закупок КСА и КСС ПППУ;
- подготовлены предложения по всестороннему обеспечению эксплуатации КСА и КСС в соединениях и воинских частях.

После необходимых доработок мобильная часть АСУ ВО принята на снабжение Вооруженных Сил Российской Федерации. Ее средствами были оснащены все военные округа.

В это же время была проведена ОКР по разработке специального программного, информационного и лингвистического обеспечения перспективной стационарно-мобильной БАСУ ВО. В данной ОКР были учтены результаты, полученные в ходе ОКР по разработке мобильной части АСУ ВО, характер изменения состава и структуры системы управления ВС РФ при их реформировании, результаты исследований алгоритмов работы командующих группировками войск (сил), штабов ОСК, других органов управления в особый период и в военное время.

Особое внимание обращалось на наличие в группировках разнородных, разновидовых, и разноведомственных войск (сил) и необходимость согласования их усилий при выполнении совместных и самостоятельных задач в единой форме действий (в том числе и при перегруппировке).

В ходе выполнения ОКР[1] учитывались актуальные концептуальные положения, подразумевающие, что применение войск (сил) будет характеризоваться полной взаимосвязанностью и синхронизацией усилий по

целям, времени и задачам, способностью низших уровней самостоятельно вести боевые действия на основе единого замысла операции, способностью к быстрому развертыванию, а также эффективному реагированию на внезапно меняющуюся обстановку.

Работа по созданию БАСУ ВО направлена на ускорение процессов принятия оперативных (боевых) решений и планирования операции (боя), повышение маневренности войск (сил), их ситуационной осведомленности и в конечном счете на максимальное использование боевых возможностей. Получили дальнейшее развитие технические решения, реализовавшие переход от строго вертикальных связей управления к сетецентрическому управлению войсками (силами), от автономной обработки различных видов информации при подготовке решений в интересах выполнения задач по предназначению к интегрированной обработке на основе доступа к различным информационным ресурсам.

При разработке БАСУ ВО (региона) проведены исследования по следующим основным направлениям:

- повышение обоснованности решений на применение группировок войск (сил) с учетом новых форм и способов ведения военных действий;
- создание единой межвидовой (межведомственной) системы сбора, обработки, анализа, оценки и доведения данных оперативной обстановки в формализованном виде между / внутри ПУ, формирование общей картины оперативного (боевого) пространства, поддержание процессов принятия решений, выдача управляющих воздействий (информации), планирование поражения противника, графическое отображение обстановки с привязкой к местоположению своих войск (сил) и противника;
- унификация методов моделирования, решение расчетных и информационных задач, повышающих согласованность и координацию действий войск (сил) с учетом взаимодействия с ФОИВ в соответствии с межвидовой и межведомственной структурой и предназначением ОСК;
- повышение оперативности управления за счет сокращения сроков разработки боевых документов с обеспечением максимального освобождения должностных лиц органов управления от рутинной деятельности;
- совершенствование системы автоматизированного документооборота;
- формирование сетеориентированной технической основы системы управления, адаптируемой к условиям обстановки, формам и способам действий войск (сил);
- максимально возможная стандартизация и унификация функциональных элементов БАСУ ВО (региона);
- модульная компоновка технических средств БАСУ ВО, использование однотипных модулей при создании ее переносных и мобильных элементов;
- построение открытой сетевой архитектуры с возможностью использования распределенных баз данных;
- комплексная автоматизация деятельности различных звеньев управления на единых для всех элементов системотехнических, программных, информационных и лингвистических средствах;
- совместное использование компонентов программного обеспечения, принятого на снабжение ВС РФ и разработанного в ходе выполнения ОКР;
- полная совместимость компонентов геоинформационных систем военного назначения с компонентами из состава общесистемного и специального программного обеспечения;

• создание единого информационного пространства, используемого для управления войсками (силами), обеспечивающего оптимизацию процесса обработки и распределения информации, повышения ее качества и достоверности, ситуационной осведомленности должностных лиц.

В соответствии с заданными требованиями стационарная часть БАСУ ВО была разработана на основе стационарной части АСУ ВО, мобильная часть — на основе мобильной АСУ ВО с использованием единого унифицированного программного, информационного и лингвистического обеспечения и реализацией взаимодействия с другими АСУ, АС и КСА, предназначенными для оснащения войск (сил) ВО, в том числе с ЕСУ ТЗ.

Взаимоувязка составных частей БАСУ ВО обеспечена за счет унификации программных средств, применения единого информационного и лингвистического обеспечения и организационно-методических документов, входящих в состав конструкторской (эксплуатационной) документации.

На государственные испытания в составе опытного образца БАСУ ВО (региона) были представлены стационарная и мобильная части, унифицированные общее и общесистемное программное обеспечение, комплект программных и информационных изделий для автоматизации деятельности должностных лиц органов управления.

С учетом важности и сложности работ испытания проводились в два этапа: на первом — автономные испытания опытных образцов изделий; на втором — комплексные испытания опытных образцов изделий, в том числе с взаимодействующими комплексами и автоматизированными системами управления войсками (силами).

Работа по созданию базовой автоматизированной системы управления военного округа (региона) направлена на ускорение процессов принятия оперативных (боевых) решений и планирования операции (боя), повышение маневренности войск (сил), их ситуационной осведомленности и в конечном счете на максимальное использование боевых возможностей.

В ходе государственных испытаний опытного образца БАСУ ВО опытный образец подтвердил соответствие технических и эксплуатационных характеристик всем требованиям ТТЗ на ОКР, а некоторые показатели превзошли заданные.

После окончания всех видов испытаний БАСУ ВО была передана в войсковую эксплуатацию в интересах дальнейшего совершенствования программного, информационного и лингвистического обеспечения с учетом результатов продолжавшегося реформирования ВС РФ, изменений в организационной структуре управления войсками (силами) военного округа.

Войсковая эксплуатация осуществлялась при подготовке и в ходе всех основных мероприятий оперативной подготовки ВС РФ, по результатам которых стационарно-мобильная БАСУ ВО и ее составные части были доработаны установленным порядком, уточнены их наименования, определен наиболее рациональный, максимально унифицированный состав системы.

Таким образом, комплекс взаимоувязанных НИОКР по созданию и совершенствованию БАСУ ВО (региона), проведенный под руковод-

С учетом важности и сложности работ испытания проводились в два этапа: на первом — автономные испытания опытных образцов изделий; на втором — комплексные испытания опытных образцов изделий, в том числе с взаимодействующими комплексами и автоматизированными системами управления войсками (силами). В ходе государственных испытаний опытного образца БАСУ ВО опытный образец подтвердил соответствие технических и эксплуатационных характеристик всем требованиям ТТЗ на ОКР, а некоторые показатели превзошли заданные.

ством Генерального штаба ВС РФ, успешно завершился.

Распоряжением Правительства Российской Федерации в 2019 году БАСУ ВО (региона) принята на снабжение Вооруженных Сил Российской Федерации.

Большой вклад в успех создания БАСУ ВО внесли специалисты 27 ЦНИИ Минобороны России. В ходе КНИР по военно-научному сопровождению ОКР по созданию БАСУ ВО (региона) и ее составных частей под руководством института были проведены следующие основные работы:

• разработаны проекты ТТЗ на ОКР по созданию БАСУ ВО и ее составных частей;

• проведены анализ и оценка предлагаемых исполнителями ОКР системных, нормативно-организационных, технических и программных решений по созданию БАСУ ВО, ее составных частей и элементов;

• разработаны и выданы данные, необходимые исполнителям для выполнения ОКР;

• разработаны проекты программы и методик государственных испытаний опытных образцов составных частей и БАСУ ВО в целом;

• проведен анализ недостатков, выявленных в ходе проведения государственных испытаний, и выполнена проверка их устранения;

• в ходе работ по развертыванию средств БАСУ ВО на пунктах управления ВО разработаны предложения по применению этих средств на объектах эксплуатации;

• разработаны предложения по применению, развитию и совершенствованию БАСУ ВО и ее составных частей.

По результатам КНИР были выданы предложения по корректировке ведущихся и открытию новых НИОКР в интересах развития АСУ ВС РФ в части:

• интеграции сил и средств разведки для планирования их комплексного применения, а также комплексной обработки разведывательной информации;

• создания нового качественного состава системы управления, отвечающего новым оперативным требованиям, реализация которых позволит обеспечить более эффективное боевое применение перспективных ударных и обеспечивающих систем видов (родов войск);

• автоматизации функциональной деятельности оперативных групп, формируемых при возникновении чрезвычайных ситуаций в мирное время, и автоматизации функциональной деятельности оперативного состава по предупреждению чрезвычайных ситуаций, мониторингу безопасности объектов, анализу и прогнозированию угроз их безопасности, управлению режимами безопасности объектов, силами и средствами обеспечения безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

• перечня функций управления (дополнения новыми и исключения утративших актуальность), подлежа-

щих автоматизации (в соответствии с перспективным обликом системы управления ВС РФ);

• состава разрабатываемых изделий (в соответствии с перечнем органов управления, деятельность которых подлежит автоматизации), уточнения состава комплексов средств автоматизации пунктов управления (в соответствии с перспективной организационно-штатной структурой);

• состава информационных и расчетных задач, моделей специального программного обеспечения (в соответствии с перечнем автоматизируемых функций);

• требований к информационному взаимодействию различных систем.

В заключение следует отметить, что завершение комплексного оснащения стационарными и мобильными средствами БАСУ ВО органов и пунктов управления военных округов существенно повысит обороноспособность Российской Федерации и позволит завершить создание единой системы взаимоувязанных стационарно-мобильных АСУ военных округов, обеспечивающей автоматизированное управление войсками (силами) и воинскими формированиями (независимо от их ведомственной принадлежности), дислоцированными на территории военного округа (региона), а также обеспечит взаимную увязку в единую систему управления средств автоматизации видов Вооруженных Сил Российской Федерации, родов войск и служб.

Это обеспечит:

• повышение устойчивости, непрерывности, оперативности и скрытности управления разновидовыми и разноведомственными группировками войск (сил);

Комплекс взаимоувязанных НИОКР по созданию и совершенствованию БАСУ ВО (региона), проведенный под руководством Генерального штаба ВС РФ, успешно завершился. Распоряжением Правительства Российской Федерации в 2019 году БАСУ ВО (региона) принята на снабжение Вооруженных Сил Российской Федерации. Большой вклад в успех создания БАСУ ВО внесли специалисты 27 ЦНИИ Минобороны России.

• повышение согласованности применения видов, родов войск (сил) по единому замыслу;

• сокращение времени подготовки данных обстановки, сбор и доведение наиболее важных данных в сроки, близкие к реальному масштабу времени;

• сокращение продолжительности циклов и основных процессов управления во всех видах деятельности органов военного управления;

• повышение обоснованности и достоверности анализа и оценки обстановки, определение эффективности выполнения задач по предназначению;

• повышение обоснованности решения и планирование действий войск (сил) с разработкой различных вариантов их применения при одновременном сокращении времени принятия решения и планирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Морозов С.В., Кудренко О.А.* О подходе к созданию единой стационарно-мобильной автоматизированной системы управления войсками и оружием объединенного стратегического командования // Военная Мысль. 2013. № 3. С. 35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БУСЛОВСКИЙ Виктор Николаевич, генерал-лейтенант запаса, кандидат политических наук, профессор Академии военных наук, первый заместитель председателя Совета Общероссийской общественной организации ветеранов ВС РФ (Москва) / Viktor BUSLOVSKY, Lieutenant-General (res.), Cand. Sc. (Pol.), Professor of the Academy of Military Sciences, First Deputy Chairman of the Council of the All-Russia Public Organization of Armed Forces Veterans (Moscow).

Телефон / Phone: 8-916-551-61-02.

ЛИТВИНЕНКО Владимир Васильевич, полковник в отставке, доктор технических наук, профессор, научный сотрудник ВУНЦ Сухопутных войск «Общевойсковая академия ВС РФ» (Москва) / Vladimir LITVINENKO, D. Sc. (Tech.), Colonel (ret.), Professor, Researcher at the Ground Force MESC "Combined-Arms Academy of the RF AF" (Moscow).

Телефон / Phone: 8-916-126-58-50; 8-916-843-30-99.

E-mail: vvlitv@yandex.ru

АРТЮХ Михаил Александрович, советник отдела (музейно-выставочной работы) Департамента культуры МО РФ (Москва) / Mikhail ARTYUKH, Counselor of the Museum and Exhibition Section at the RF MoD Culture Department (Moscow).

Телефон / Phone: 8-909-167-07-55.

ХОМКИН Анатолий Анатольевич, капитан 1 ранга, кандидат военных наук, докторант кафедры разведки Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Anatoly KHOMKIN, Captain 1st Rank, Cand. Sc. (Mil.), doctoral candidate at the Reconnaissance Department of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (499) 739-91-54; 8-916-194-85-98.

E-mail: homiksy@yandex.ru

ПУЧКОВ Сергей Васильевич, полковник, преподаватель кафедры военного управления Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Sergei PUCHKOV, Colonel, Lecturer at the Military Control Department of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow) / Sergei PUCHKOV, Colonel, Lecturer at the Military Control Department of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8-985-004-31-71.

E-mail: puchkov-sergei1978@mail.ru

МАХНИН Валерий Леонидович, генерал-лейтенант запаса, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук, главный научный сотрудник военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Valery MAKHNIN, Lieutenant-General (res.), D. Sc. (Mil.), Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Chief Researcher at the Military Institute of National Defense Control of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8-903-619-20-00.

E-mail: ma-khninvl@mail.ru

ОСИПЕНКОВ Михаил Николаевич, полковник, кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника научно-исследовательского управления Военного института (управления национальной обороной) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Mikhail OSIPENKOV, Colonel, Cand. Sc. (Tech.), Assistant Professor, Deputy Head of the Research Directorate at the Military Institute of National Defense Control of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8-916-589-75-00.

УЗЯКАЕВ Ильмир Насгатович, полковник, слушатель Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Ilmir UZYAKAEV, Colonel, student at the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8-926-729-91-82.

ЯНОВ Владимир Евгеньевич, полковник, начальник управления 27 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Vladimir YANOV, Colonel, Head of Directorate at RF MoD Central Research Institute 27 (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 945-71-04.

КУДРЕНКО Олег Александрович, полковник, кандидат технических наук, профессор Академии военных наук, ведущий научный сотрудник управления 27 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Oleg KUDRENKO, Colonel, Cand. Sc. (Tech.), Professor of the Academy of Military Sciences, Leading Researcher of Directorate at RF MoD Central Research Institute 27 (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-54-21.

ЦАРЕЛУНГА Вадим Васильевич, подполковник, начальник отдела 27 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Vadim TSARELUNGA, Lieutenant-Colonel, Head of Section at RF MoD Central Research Institute 27 (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (495) 693-74-51.

Уважаемые авторы и читатели журнала!
Доводим до Вашего сведения информацию о смене местоположения редакции.
Новый адрес и телефоны редакции: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел.: 8 (495) 940-22-04, 940-12-93;
факс: 8 (495) 940-09-25.

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

Главный редактор С.В. Родиков.
В подготовке номера принимали участие:
М.В. Васильев, А.Ю. Голубев, А.Ю. Крупский, А.Н. Солдатов, А.Г. Цымбалов,
Ю.А. Чирков, Е.К. Митрохина, Л.В. Зубарева, Е.Я. Крюкова,
Г.Ю. Лысенко, Л.Г. Позднякова, Н.В. Филиппова, С.Ю. Чубарева;
ответственный секретарь О.Н. Чупшева.
Компьютерная верстка: И.И. Болинайц, Е.О. Никифорова.

Сдано в набор 25.03.2020 Подписано к печати 21.04.2020
Формат 70х108 1/16 Бумага офсетная 10 п.л.
Печать офсетная Тираж 1714 экз. Заказ 0033-2020

Журнал издается ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
Адрес: 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8 (495) 941-23-80, e-mail: ricmorf@yandex.ru
Отдел рекламы — 8 (495) 941-28-46, e-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
Адрес: 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8 (499) 762-63-02.
Отдел распространения периодической печати — 8 (495) 941-39-52.
Цена: «Свободная».

---

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА



28 МАЯ в нашей стране отмечается День пограничника — один из самых значимых и уважаемых российских праздников.

Оборона границ всегда была делом большой важности. В Древней Руси возводились специальные сооружения — засеки. Засечная стража стала своеобразным прообразом пограничных войск.

В суровые годы Великой Отечественной войны советские пограничники выполняли свой воинский долг на различных участках всенародной борьбы с врагом, проявляя при этом мужество, героизм, самоотверженность и высокое профессиональное мастерство. Это и первые бои с немецкими войсками на западной границе, и охрана тыла действующей армии, борьба в тылу врага. Это и снайперское движение, и охрана южных и восточных границ государства, а также участие в разгроме милитаристской Японии.

Родина высоко оценила боевую и оперативно-служебную деятельность пограничных войск в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии. Около 17 тыс. воинов-пограничников были награждены орденами и медалями, более 150 из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Боевыми орденами отмечены заслуги 49 погранчастей, 32 пограничным полкам присвоены почетные наименования.

В 1969 году советские пограничники первыми вступили в активные боевые действия на советско-китайской границе в районе острова Даманский. За мужество и героизм участникам боев полковнику Д.В. Леонову (посмертно), старшему лейтенанту И.И. Стрельникову (посмертно), старшему лейтенанту В.Д. Бубенину, старшему сержанту Ю.Л. Бабанскому было присвоено звание Героя Советского Союза. Большая группа пограничников была награждена орденами и медалями. Среди них: А. Константинов, В. Каныгин, Е. Яншин — орденом Ленина, П. Ковалев, А. Шамов, В. Захаров — орденом Красного Знамени, Лидия Федоровна — жена И.И. Стрельникова — орденом Красной Звезды. За все время конфликта со 2 по 22 марта погибли 58 советских военнослужащих.

Во второй половине 1979 года резко накалилась обстановка на советско-афганской границе. В период с 1981 по 1986 год пограничниками в Афганистане было проведено более 800 войсковых операций, как совместных с общевойсковыми частями 40-й армии, так и самостоятельных. Кроме этого, пограничники СССР охраняли государственную границу и с советской, и с афганской стороны.



За десять лет военных действий через Афганскую войну прошел не один десяток тысяч советских пограничников. При проведении боевых операций погибло более 500 человек. Тысячи бойцов были награждены государственными наградами, многим было присвоено звание Героя Советского Союза.

После распада СССР значительно обострилась обстановка на южной границе. Возникла острая необходимость формирования подразделений спецназа погранвойск.

Первое боевое применение спецназа погранвойск произошло в Дагестане в конце 1995 года. В ходе проведенной операции на границе с Азербайджаном бойцами «Сигмы» и отдельными группами разведчиков было задержано несколько десятков нарушителей. Через год операцию повторили, и снова с большим успехом.

Активно действовали группы спецразведки в Таджикистане. При их участии было задержано немало нарушителей на участках Пянджского и Московского пограничных отрядов. На Северном Кавказе группами спецразведки было задержано большое количество боевиков, пытавшихся проникнуть в Чечню с территории Грузии. В Дагестане спецназовцы прикрывали наиболее незащищенные участки границы.

На сегодняшний день протяженность российской границы составляет более 61 тысячи километров, из них две трети проходят по морю, и не всегда на этих рубежах спокойно. Основная задача, которую выполняют российские пограничники, — обеспечение реализации пограничной политики государства в сферах защиты государственных сухопутных границ, территориальных вод, континентального шельфа и экономической зоны.

Редакция и редакционная коллегия журнала «Военная Мысль» сердечно поздравляют личный состав пограничных войск с профессиональным праздником и желают всем крепкого здоровья, счастья, оптимизма и новых достижений!

МЕДАЛЬ «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.»



УКАЗОМ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года была учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Положение о медали дополнено Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1945 года.

Еще в октябре 1944 года в Ставке Верховного Главнокомандования началось обсуждение вопроса о подготовке медали в ознаменование приближающегося окончания войны. Работы по созданию эскизов медали начались после того, как начальник тыла Красной Армии генерал армии А.В. Хрулев 5 мая 1945 года дал задание Техническому комитету главного интендантского управления разработать проект медали для участников войны. В создании эскизов принимали участие художники И.А. Ганор, Г.Б. Бархин, Е.М. Романов, И.К. Андрианов. Авторами утвержденного проекта медали стали художники Е.М. Романов и И.К. Андрианов.

Первые изготовленные медали «За победу над Германией» поступили из Монетного Двора в Президиум Верховного Совета СССР 15 июня 1945 года для вручения военачальникам высшего ранга. В числе первых медали получили: Маршалы Советского Союза К.К. Рокоссовский и Ф.И. Толбухин, генералы армии А.И. Антонов и М.А. Пуркаев, генерал-полковники Н.Э. Берзарин, М.В. Захаров.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» — самая распространенная награда Советского Союза. Это связано с массовым участием советских людей как на фронтах, так и в тылу, в деле защиты своей Родины, в борьбе с фашистскими захватчиками.

Медалью награждались:

• все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, принимавшие в рядах Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД непосредственное участие на фронтах Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах;

• все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, служившие в период Великой Отечественной войны в рядах действующей Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, но выбывшие из них по ранению, болезни и увечью, а также переведенные по решению государственных и партийных организаций на другую работу вне армии.

Вручение медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» производилось от имени Президиума Верховного Совета СССР на основании документов, подтверждающих участие в Великой Отечественной войне, выдаваемых командирами войсковых частей, начальниками военно-лечебных заведений и исполкомами соответствующих областных и городских Советов депутатов трудящихся.

Лица, награжденные медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», впоследствии имели право на награждение юбилейными медалями «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1951 года установлено, что медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и удостоверение к ней в случае смерти награжденного остаются в его семье для хранения как память. До появления данного Указа сама медаль и удостоверение к ней после смерти награжденного возвращались государству.

Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» непосредственно после войны награждено около 13 666 000 солдат и офицеров. Значительное количество медалей было вручено в последующие годы.

Внимание!

Сокращенная версия журнала размещается на сайте Министерства обороны РФ — http://www.mil.ru; его полная электронная — на сайте Научной электронной библиотеки — http://www.elibrary.ru; e-mail: ric_vm_4@mil.ru

Подписка на журнал на 2-е полугодие 2020 года осуществляется через: АО «Агентство «Роспечать» (www.press.rosp.ru) каталог «Газеты. Журналы», подписной индекс — 70203; ОАО «АРЗИ» «Объединенный каталог Пресса России» (www.pressa-rf.ru), подписной индекс — 39891, а также по интернет-каталогу www.akc.ru («Агентство «Книга-Сервис»).

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2020. № 5. 1—160